

«СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ»

**Международная научно-практическая конференция
(Орел, 11 октября 2024 г.)**

Сборник материалов

*Памяти заслуженного юриста Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора А.П. Туляева
в связи с 90-летием со дня рождения*

**В двух частях
Часть 2**

**Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2024**

Министерство внутренних дел Российской Федерации

**Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова**

**«СОВРЕМЕННОЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ
И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО
РЕФОРМИРОВАНИЯ»**

**Международная научно-практическая конференция
(Орел, 11 октября 2024 г.)**

Сборник материалов

*Памяти заслуженного юриста Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора А.П. Гуляева
в связи с 90-летием со дня рождения*

**В двух частях
Часть 2**

**Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2024**

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93
С56

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент Е.А. Семенов (председатель);
кандидат юридических наук, доцент В.Н. Чаплыгина (заместитель председателя);
кандидат юридических наук, доцент Н.В. Морозова;
кандидат юридических наук А.Н. Сretenцев;
кандидат юридических наук, доцент Ю.П. Якубина;
кандидат юридических наук Е.Ю. Замуруева (ответственный секретарь)

С56 **«Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», Международная научно-практическая конференция (Орел, 11 октября 2024 г.)** : [Памяти заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А.П. Гуляева в связи с 90-летием со дня рождения : сборник материалов] / редкол.: Е.А. Семенов [и др.]. – В двух частях. Часть 2. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. – 259 с.
ISBN 978-5-88872-357-9
Часть 2
ISBN 978-5-88872-361-6

В сборник включены статьи профессорско-преподавательского состава, практикующих юристов, докторантов, адъюнктов и аспирантов – участников Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» (Орел, 11 октября 2024 г.).

Статьи представлены в авторской редакции.

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93

ISBN 978-5-88872-361-6 (часть 2)
ISBN 978-5-88872-357-9

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024

Содержание

<i>Муравьев К.В.</i> ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В ТРУДАХ АНАТОЛИЯ ПЕТРОВИЧА ГУЛЯЕВА	7
<i>Мядзелец О.А.</i> ЧТО ГОВОРИТ ТЕОРИЯ И ПОКАЗЫВАЕТ ПРАКТИКА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЛИЦУ НЕЗАКОННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ?	14
<i>Назарова М.Д.</i> ТЕЗИСНО О ПРОБЛЕМЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМ НАЛОЖЕНИЕМ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО ИНЫХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	21
<i>Нелюдимова Л.Н.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	24
<i>Нехаев И.Н.</i> ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ С IX ПО XIX ВЕК	32
<i>Никитин Г.К., Васюков В.Ф.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВАМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	37
<i>Николюк В.В.</i> О НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ А.П. ГУЛЯЕВА «СЛЕДОВАТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»	47
<i>Нуждин А.А.</i> ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	52
<i>Овсянников Ю.В.</i> ПОЛНОМОЧИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, РАССМАТРИВАЮЩИХ И РАЗРЕШАЮЩИХ ИНФОРМАЦИЮ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	57
<i>Павлов А.В., Сковородко А.А.</i> ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ С ПОСЛЕДУЮЩИМ ПРЕКРАЩЕНИЕМ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ, ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИЛИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ	62
<i>Политыко О.Е.</i> ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ IT-ТЕХНОЛОГИЙ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ	66
<i>Попова Л.В.</i> К ВОПРОСУ ВОЗМЕЩЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА ГРАЖДАНСКОМУ ИСТЦУ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	70

<i>Попова Е.И., Бянкина А.М.</i> ТАКТИЧЕСКАЯ КОМБИНАЦИЯ «ДЕМОНСТРАЦИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ» В СФЕРЕ РАБОТЫ С ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ	74
<i>Примкулов А.А.</i> СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ	79
<i>Прохорова Е.А.</i> О СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В СВЕТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ФОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	83
<i>Рахмаджонзода Р.Р.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ ТАДЖИКИСТАНА	88
<i>Ромашова М.В.</i> ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА	94
<i>Россинский С.Б.</i> ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ: СТОИТ ЛИ ВОЗВРАЩАТЬСЯ К «ФРАНЦУЗСКОЙ» МОДЕЛИ?	99
<i>Ростовцев А.В.</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	103
<i>Рудов Д.Н.</i> УЧАСТИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ – ЗАЛОГ ПОЛУЧЕНИЯ ВАЖНОЙ ПЕРВИЧНОЙ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ	107
<i>Ряполова Я.П., Рябинина Т.К.</i> СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ	112
<i>Сезонова Т.В.</i> ФОНОСКОПИЧЕСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКПЕРТИЗА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА	116
<i>Семёнов Е.А.</i> ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ РАССУЖДЕНИЙ ПРОФЕССОРА А.П. ГУЛЯЕВА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	120
<i>Семионкина Н.Г.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА	125
<i>Сидорова Е.З.</i> О ПРИНЦИПЕ ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ	129
<i>Смирнов И.М.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ПОЛУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»	133
<i>Сологубов А.Ю.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДАЧИ И РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ, ПОДАННЫХ В ФОРМЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	136

<i>Сретенцев А.Н.</i> ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	140
<i>Сретенцев Д.Н.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ГОЛОСА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	145
<i>Стельмах В.Ю.</i> НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТОВ	150
<i>Судницын А.Б.</i> К ВОПРОСУ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЙ (СООБЩЕНИЙ) О ПРОИСШЕСТВИЯХ, ПОСТУПАЮЩИХ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	154
<i>Сумин А.А.</i> К ВОПРОСУ ОБ УКАЗАНИИ В ОБВИНИТЕЛЬНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ СВЕДЕНИЙ О СУДИМОСТИ ОБВИНЯЕМОГО	158
<i>Сучков А.И.</i> НЕОБХОДИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	162
<i>Сучкова Е.А.</i> ДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ СОВЕРШЕННОГО ПУТЕМ СБЫТА ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ	166
<i>Сущенко С.А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ	171
<i>Таршева М.Н., Матросова Л.Д.</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ПРИМЕНЯЕМЫХ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ	177
<i>Телевицкая Ю.А.</i> ВЕРДИКТ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	181
<i>Терехова Е.М.</i> О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА, СОВЕРШЕННОЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	185
<i>Теткин Д.В.</i> К ПРОБЛЕМНЫМ ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	189
<i>Титов П.М.</i> КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ В РАМКАХ СТ. 6.1.1 КоАП РФ И СТ. 116.1 УК РФ	193
<i>Тихомирова О.Г.</i> «ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ»	197

<i>Тумасян А.С.</i> ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПОСЛЕ ОТМЕНЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ИЛИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ПОРЯДКЕ СТАТЕЙ 125, 237 И 214.1 УПК РФ	201
<i>Угольникова Н.В., Терехов М.Ю.</i> НОВЫЙ ВИТОК РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	206
<i>Фомичев А.А.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ СЛЕДОВ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	211
<i>Химичева О.В., Шаров Д.В.</i> УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ: ВЗГЛЯД ПРОФЕССОРА А.П. ГУЛЯЕВА	215
<i>Чабукиани О.А., Шепелева О.И.</i> ОТСУТСТВИЕ ЕДИНОЙ ПОЗИЦИИ С ПОДЗАЩИТНЫМ – СПОСОБ НАРУШЕНИЯ АДВОКАТОМ ПРАВА НА ЗАЩИТУ	221
<i>Чаплыгина В.Н.</i> УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ В ВИДЕ СУРДО- И ТИФЛОСУРДОПЕРЕВОДА	225
<i>Чупахина М.Ю.</i> ВЫНЕСЕНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА КАК ПРИДАНИЕ ЛИЦУ СТАТУСА ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ	230
<i>Шайдуллина Э.Д., Денисов Д.А.</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ АДВОКАТУРЫ РОССИИ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	235
<i>Шараева Я.А.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА	239
<i>Шиян В.И.</i> О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО, В СТАТЬЮ 73 УПК РФ	243
<i>Юшина К.А.</i> СУЩНОСТЬ И НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА О ЯВКЕ	247
<i>Яковлева К.Ю.</i> ГАРАНТИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИИ В ДОКАЗЫВАНИИ	252
<i>Якубина Ю.П.</i> ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА А.П. ГУЛЯЕВА	256

Муравьев К.В.

**ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА
В ТРУДАХ АНАТОЛИЯ ПЕТРОВИЧА ГУЛЯЕВА**

В статье анализируются высказанные заслуженным юристом РФ, доктором юридических наук, профессором А.П. Гуляевым подходы относительно нормативного закрепления задач и принципов уголовно-процессуального права, важности их правильного отражения в уголовно-процессуальном законе с позиций современных научных взглядов и правоприменительной практики.

Конференция этого года посвящена памяти нашего Учителя – заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора А.П. Гуляева, одного из наиболее известных и уважаемых отечественных процессуалистов. Творческий путь прекрасного ученого весьма интересен. Анатолий Петрович имел богатый правоприменительный опыт, позднее преобразовал его в научные изыскания. За годы работы он подготовил около 500 научных и научно-методических трудов. При этом его публикации отличались остротой постановки вопросов и взвешенностью подходов их решения. Основным направлением исследований являлось совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования: этой тематике посвящена его докторская диссертация; по многообразным проблемам, связанным с участием следственных аппаратов в досудебном производстве, им опубликованы монографии и научные статьи; ученым разработан ряд концепций по стратегическим вопросам развития органов предварительного следствия и дознания. Вместе с тем академические интересы Мэтра не ограничивались данными вопросами – научный кругозор А.П. Гуляева охватывал множество актуальных направлений развития уголовного судопроизводства, включая теоретические и практические аспекты. Творческий настрой, требовательность и принципиальность, вкупе с бережным отношением к ученикам позволили стать Анатолию Петровичу признанным лидером процессуальной научной школы.

Профессор А.П. Гуляев обладал уникальной способностью научного предвидения. Многие его идеи по принципам процессуальной деятельности следователя, высказанные еще в период действия УПК РСФСР, нашли воплощение в УПК РФ. Вместе с тем после принятия уголовно-процессуального закона 2001 г. великим ученым было подвергнуто весьма серьезной критике качество правового регулирования УПК РФ, и в первую очередь – норм его раздела 1 («Основные положения»). В последние годы своей жизни Анатолий Петрович вовсе признавал актуальным предложе-

ние о подготовке нового проекта УПК. Желая внести свой вклад в реализацию этой идеи, он высказывал соображения по нормативному закреплению фундаментальных положений уголовно-процессуального права, его целей, задач, принципов. Наш Учитель отмечал, что правильное понимание исходных, определяющих позиций уголовно-процессуальной деятельности всегда являлось и будет являться важнейшим условием её успешности [1].

Отметим, что Анатолий Петрович признавал неудачным употребление в ст. 6 УПК РФ категории «назначение» вместо слова «задачи». Он акцентировал внимание на том, что в прежнем УПК РСФСР, в Кодексах иных отраслей права (Уголовном, Гражданском процессуальном, Арбитражном процессуальном) и во многих иных федеральных законах использован устоявшийся и правильный термин «задачи». Причем такого рода детерминанты обозначены в самостоятельных статьях, а не включены в принципы (как это допустил законодатель в главе 2 УПК РФ). Смешение разных по своей природе и значению правовых положений вносит сумбур в понимание и задач, и принципов уголовного процесса. А.П. Гуляев сетовал, что для отступления от общепринятой формы обозначения задач не было никакой необходимости, предлагал возобновление в новом Кодексе статьи с наименованием «задачи».

Солидаризируясь с Учителем, отметим, что в трансформации «задач» в «назначение» не было юридического резона, на рубеже XX–XXI вв. таковая произошла по причинам, связанным с реализацией вопросов уголовно-процессуальной политики. Поскольку «назначение» основано на социальной потребности существования правовых норм, регулирующих общественные отношения, т.е. ориентировано на начальный момент уголовно-процессуальной деятельности, то им можно выразить лишь внешнюю оценку уголовного процесса как отрасли юридической практики, оно не способно организовать правоприменителя на строго определенный результат. В этой связи многие ученые-процессуалисты отмечают, что определение в законе «назначения» без указания «задач» и «целей» уголовно-процессуальной деятельности, является явно недостаточным [2; 3; 4 и др.].

При этом технико-юридические детерминанты уголовного процесса остаются неизменными. В ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. они обозначались как «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона...». Справедливым является позиция профессора А.П. Гуляева о том, что используемое выражение «правильное применение закона» предполагало, прежде всего, правильное применение уголовного закона. Такая формулировка четко показывала направленность уголовного процесса на разрешение по существу вопросов уголовного права, в этом ее достоинство [5].

Рассуждая о неразрывной связи отраслей уголовно-правового блока и отмечая служебный характер уголовно-процессуального права по отношению к уголовному, профессор А.П. Гуляев обращал внимание на то, что

цели уголовно-процессуальной деятельности четко и развернуто обозначены в ч. 1 ст. 2 УК РФ в норме о задачах (т.е. охрана от преступных посягательств прав и свобод человека, собственности, общественного порядка и общественной безопасности и т.д.); и то, что обозначено в Уголовном кодексе в качестве задач, для уголовно-процессуальной деятельности является целью. В сжатой форме она может быть сформулирована как поддержание законности, правопорядка в государстве и обществе. Именно так она обозначалась в УПК РСФСР.

Относительно формулировки ч. 1 ст. 6 УПК РФ, Анатолий Петрович справедливо отмечал, что целеполагание представлено здесь весьма усеченно. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 6 отмечается, что судопроизводство имеет назначением «защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений». Вместе с тем, в ч. 1 ст. 2 УК РФ объекты уголовно-правовой охраны представлены в развернутом виде [1]. Позиция ученого имела и имеет значительную поддержку в юридической литературе: в ст. 6 УПК РФ следовало бы указать на необходимость защиты от преступных посягательств и самого Российского государства, и его конституционного строя, и общества. Их исключение из числа объектов, на защиту которых направлено уголовное судопроизводство, привело к надрыву неразрывной связи между уголовно-процессуальной деятельностью и материальным уголовным правом; выстраивать задачи уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) в отрыве от задач УК РФ (ст. 2 УК РФ) методологически ошибочно [6; 7; 8 и др.].

Полагаем, что причины появления категории «назначение уголовного судопроизводства» в усеченном виде объяснимы старанием разработчиков УПК РФ обозначить принадлежность уголовного процесса России к «охранительному» типу, в котором единственной ценностью является личность, ее права и свободы. По этому основанию назначением определяется также и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Этой формулировкой разработчики одновременно показали приверженность идее независимости процесса от материального права, якобы, уголовный процесс нужен не для успешной реализации норм уголовного закона, а чтобы обезопасить личность от неправильного его применения: «уголовное право – это меч, разящий правонарушителей, а уголовный процесс – щит, оберегающий личность от государственной репрессии» [9]. Получается, что уголовное судопроизводство должно защитить личность от себя самого!? Полагаем, что закрепление целей уголовного процесса в негативном виде не потребуется, если правильно определить позитивный результат этого вида деятельности.

В ч. 2 ст. 6 УПК РФ провозглашается, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению, что и отказ от преследования невиновных, освобождение их

от наказания, реабилитация каждого необоснованно подвергнувшегося преследованию. По мнению А.П. Гуляева, здесь просматривается попытка оригинально изложить вырванную из контекста идею о том, «чтобы каждый виновный в совершении преступления был привлечен к уголовной ответственности и ни один невиновный не был привлечен к ней». Но по УПК РСФСР – это был результат правильного применения уголовного закона, а ч. 2 ст. 6 УПК РФ оказалась оторванной от своей основы и выглядит всего лишь как логическое умозаключение сравнительного порядка [1].

Обратим внимание на то, что и уголовное преследование, и реабилитация выступают отдельными видами, порядком уголовно-процессуальной деятельности (п. 34 и п. 55 ст. 5 УПК РФ). Целью же могут именоваться результаты, которых правоприменитель пытается достичь, начиная данную деятельность. При уголовном преследовании – изобличение виновных; при реабилитации – это возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление иных прав реабилитированного. Изобличение гипотетически может быть определено в качестве цели. Причем, это предполагает, что в случае непричастности лица к совершению преступления его дальнейшее уголовное преследование будет прекращено. Правоприменитель не может исключать ошибочность уголовного преследования, но при этом он отнюдь не стремится допускать такие ошибки и иметь в результате своей деятельности негативные последствия. Поэтому признание права на реабилитацию и последствия такого признания неправильно определять в качестве целей уголовного процесса.

Цель – это предмет стремления, то, что нужно, желательно достичь при осуществлении деятельности. Уголовный процесс приводится в движение посредством сообщения о предполагаемом преступлении. Возникает необходимость проверить первоначальную гипотезу о наличии факта совершения общественно опасного деяния. Результатом процессуальной деятельности является подтверждение или опровержение предположения о наличии криминального факта. Констатирование преступления влечет возникновение права государства на применение к конкретному лицу, совершившему правонарушение, меры уголовно-правового воздействия, в определенных случаях справедливым результатом уголовно-процессуальной деятельности может стать освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Достижение данной цели предполагает разрешение определенных задач, возложенных на компетентные процессуальные органы. Иначе говоря, задачи этих органов выступают в качестве средств достижения цели [10]. Профессор А.П. Гуляев акцентировал внимание на задаче правильного применения уголовного закона, ибо с этого начинается и этим заканчивается возбуждение уголовного дела и предварительное расследование, по поводу этого осуществляется и завершается судебное разбирательство. Квалификация деяния имеет большое значение и при применении

мер принуждения и принятии многих других процессуальных решений. Причем уголовное право применяется не иначе как в процессуальных актах, т.е. в процессуальной форме и именно в рамках процессуальной деятельности [1].

Профессор А.П. Гуляев также обращал внимание на то, что ст. 7 УПК РФ безосновательно абстрагирована от идеи законности применения норм материального права в ходе уголовно-процессуальной деятельности и акцентирована на законность применения лишь процессуального закона. Чрезмерно категорично здесь решен вопрос и о недопустимости доказательств: требуется признание недопустимым любого доказательства, полученного с любым нарушением закона, даже если это нарушение закона объективно не ставит под сомнение достоверность полученного доказательства. Признание его недопустимым по любому формальному основанию нередко противоречит здравому смыслу, соображениям объективности и справедливости [1].

Рассуждая о системе принципов, в целом, Анатолий Петрович указывал, что в нее не включен ряд основных общепризнанных в теории положений, которые являются весьма актуальными для практической деятельности: публичность уголовного процесса, объективность, установление истины по делу. Необходимость восстановления их на уровень правовых принципов у Учителя не вызывала сомнений, тем более что все они на протяжении многих десятилетий эффективно служили справедливости уголовного правосудия. Ученый обращал внимание на необходимость полного и тщательного закрепления принципиальных положений в УПК РФ, поскольку они обуславливают качество уголовно-процессуальной деятельности: её демократичность, гуманность, и вместе с задачами определяют содержание и процессуальную форму производства по уголовным делам [11].

Отдельное внимание А.П. Гуляев уделял принципу справедливости. Отсутствие в главе 2 УПК РФ данного положения как общего нравственного требования, причем требования не только к приговору или наказанию, а ко всей к уголовно-процессуальной деятельности, в т.ч. отдельным действиям и решениям, он называл одним из существенных недостатков системы принципов [12]. В уголовно-процессуальной деятельности ориентироваться на идею справедливости полезно и необходимо при принятии любых решений, при проведении любых действий, которые в той или иной степени затрагивают права и интересы субъектов общественных отношений: человека, организации, государства, общества. По мнению ученого, закрепление в ч. 4 ст. 7 УПК РФ положения о том, что определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными, недостаточно. Многие действия и решения в ходе уголовного процесса не имеют выражения в перечисленных актах (повестки, поручения, запросы, распоряжения, разре-

шения, отказы и т.д.), хотя весьма существенно затрагивают интересы участников процесса, да и общие интересы дела. Изложенные соображения приводили профессора А.П. Гуляева к заключению о необходимости включения в УПК идеи справедливости в качестве принципа уголовного процесса, сопряженного с законностью в одной статье «Законность и справедливость уголовно-процессуальной деятельности» [13].

В завершение статьи обратим внимание на подход Мэтра процессуальной науки к принципу состязательности. Он отмечал, что состязательность вполне заслуженно закреплена в Конституции РФ применительно к судебному разбирательству. При этом научно несостоятельна трансформация в состязательность всего уголовного процесса, распространение её на досудебное производство, как это сделано в УПК РФ. Идея состязательности не может быть признана в качестве принципа для досудебных стадий процесса, потому что на них нет правового равенства сторон, а дознаватель и следователь наделены властными полномочиями по отношению к участникам со стороны защиты, нет нейтральной стороны в виде суда. Отдельные вопросы, решаемые в досудебном производстве в порядке состязательности (например о мерах пресечения), не меняют общего положения вещей: досудебное производство в основном осуществляется в публично-разыскном порядке. Смысл конституционной статьи о состязательности судопроизводства – в применении её лишь в тех ситуациях, когда есть разногласия сторон относительно выводов органа уголовного преследования. В других ситуациях нужно использовать упрощенное производство, в том числе и такие формы, которые уже предусмотрены действующим законом по соглашениям о сотрудничестве, и особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Причем целью состязательности, по мнению А.П. Гуляева, является установление истины. Законодатель же обходит это молчанием и допускает тем самым любой иной результат состязания сторон, поэтому в практике требование о вынесении справедливого приговора в ряде случаев остается необеспеченным. Суд (судья) поставлен в безвластное, даже в беспомощное положение; когда чувствует, что истина не установлена, он просто вынужден брать за основу приговора позицию той стороны, которая представляется предпочтительней. Предпочтительность же обеспечивается зачастую вовсе не тем, что данная сторона разбирательства убедила суд в истинности своих выводов, а профессиональной слабостью и недоработкой другой стороны [1].

Приведенные в данной статье позиции А.П. Гуляева относительно нормативного закрепления фундаментальных положений уголовно-процессуального права являются актуальными. Идеи мудрого ученого имеют значительную поддержку в уголовно-процессуальной доктрине, но пока они так и не нашли свою реализацию в УПК РФ. Памятуя о глубоком научном предвидении Анатолия Петровича, мы верим, что взвешенные подходы о

целях, задачах и принципах процессуальной деятельности найдут своё отражение в новейшем законодательстве, призываем научное сообщество развивать идеи нашего Учителя!

1. Гуляев А.П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Рос. следователь. 2012. № 16. С. 5.

2. Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск, 2006. С. 17.

3. Судницын А.Б. Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования: монография. Красноярск, 2019. С. 11–12.

4. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития: монография. Екатеринбург, 2023. С. 166–170.

5. Гуляев А.П. Концепция реформирования предварительного расследования преступления // Рос. следователь. 2012. № 11. С. 2–4.

6. Божьев В.П. К вопросу о соотношении норм Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ // Гос-во и право. 2002. № 9. С. 101.

7. Масленникова Л.Н. Цель уголовного судопроизводства как форма правового согласования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных интересов государства и личности // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 71–72.

8. Победкин А.В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства: монография. М., 2024. С. 210–214.

9. Михайловская И. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 2002. № 7. С. 2.

10. Володина Л.М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации: монография. М., 2018. С. 45.

11. Гуляев А.П. Идеи и нравственные начала уголовного судопроизводства // Идеи и нравственные начала уголовного процесса: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2009. С. 13–15.

12. Гуляев А.П. Задачи и принципы уголовного процесса (состояние и перспективы правового закрепления) // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: мат-лы междувуз. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 16–17.

13. Гуляев А.П. Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе Российской Федерации: мат-лы между-

нар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию заслуженного юриста Российской Федерации, д.ю.н., проф. Анатолия Петровича Гуляева. М., 2014.

Сведения об авторе

Муравьев Кирилл Владимирович. Доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра.
Академия управления МВД России.
125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: Гуляев Анатолий Петрович, уголовно-процессуальное право, назначение, цели, задачи, принципы, законность, справедливость, состязательность.

Мядзелец О.А.

ЧТО ГОВОРИТ ТЕОРИЯ И ПОКАЗЫВАЕТ ПРАКТИКА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЛИЦУ НЕЗАКОННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ?

Статья продолжает серию публикаций автора о судьбе межотраслевого института возмещения вреда, наступившего у лица от незаконного применения к нему мер уголовно-процессуального принуждения при производстве по уголовному делу (ч. 3 ст. 133 УПК РФ). Возмещение физическим и юридическим лицам вреда, причиненного незаконной уголовно-процессуальной деятельностью, предложено рассматривать через призму самостоятельного уголовно-процессуального института. Судебная практика воспринимается в качестве неотъемлемой части правовой системы как способствующая уяснению содержания правовых категорий, являющихся неотъемлемыми элементами института возмещения вреда лицам, незаконно подвергавшимся мерам процессуального принуждения.

Результаты научного мониторинга, который продолжается фактически десять лет, подтверждают актуальность разработки теоретических аспектов одного из «загадочных» процессуальных феноменов современного уголовного судопроизводства, опирающегося на высокий потенциал положений ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ [1].

Конструирование в российском уголовном процессе эффективных процессуальных средств защиты имущественных и иных прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство без осуществления в отношении них уголовного преследования, остается важной задачей законодателя.

Принципиальным является и знание заинтересованными лицами имеющихся процессуально-правовых возможностей компенсации имущественных потерь, возникших при производстве по уголовному делу. Поэтому указанное процессуальное средство защиты имущественных и иных прав лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, продолжает представлять собой одновременно научную, правовую (законодательную) и дидактическую проблему.

Первый шаг в рамках рассмотрения возможностей возмещения вреда «третьим лицам» – изучение норм УПК РФ, ГК РФ и ГПК РФ, регулирующих процедуры восстановления имущественных потерь участникам уголовно-процессуальных отношений, не имеющим статуса уголовно-преследуемых. Важно обнаружить факторы субъективного и объективного характера, подлежащие разблокированию для создания условий в реализации процессуальных средств защиты имущественных прав лиц, указанных в ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ.

При изучении правоприменительной компенсационной практики надлежит обратить внимание на следующие научные заключения и выводы.

Состояние уголовно-процессуальной доктрины возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, качественно отличалось в различные временные отрезки и отражало в большей степени содержание в этой части законодательства и правовых позиций Верховного суда СССР, Верховного суда РСФСР и Верховного суда РФ.

Теория ответственности государства за незаконное уголовное преследование и возмещения вреда реабилитированному качественно изменилась в последней четверти предыдущего столетия, в этот период окончательно определился ее предмет. Закономерный итог достаточно высокого уровня развития доктрины реабилитационных уголовно-процессуальных отношений – принятие нормативных правовых актов 1981–1982 гг., в которых получил закрепление правовой институт возмещения вреда, нанесенного незаконным осуждением, привлечением к уголовной ответственности и заключением под стражу.

Куда скромнее формировалась доктрина компенсации вреда лицам, не являющимся субъектами уголовного преследования, пострадавшим от незаконных действий органа расследования, прокурора и суда при вовлечении их в уголовное судопроизводство. Вместе с тем постепенно названное научное направление утратило зависимость от реабилитационной проблематики, стало самостоятельным, взаимодействуя при этом с теориями возмещения лицу вреда, причиненного преступлением (а), возмещения вреда реабилитированному (б), охраны имущественных интересов лица в связи с его участием в уголовном процессе (в).

Идея компенсации вреда, причиненного в результате ошибки или злоупотребления органа, осуществляющего уголовное судопроизводство,

не только реабилитированному, но и всякому лицу, незаконно подвергнутому принудительным процессуальным мерам в рамках уголовного дела, стала получать доктринальное оформление в научных источниках, опубликованных в период ведения активной работы над УПК РФ (1996–2001 гг.), а также в первые годы после введения в действие УПК РФ (Б.Б. Булатов, А.П. Гуляев, В.В. Николюк, Н.Ф. Сосновик и др.) [3; 4; 5].

Научные позиции и подходы, авторы которых склонны выделять в уголовном процессе самостоятельный компенсаторный механизм, ориентированный на «третьих лиц» в уголовном процессе, будучи в первые полтора десятилетия после введения в действие УПК РФ разрозненными, пространственными и не представлявшими системного единства, в итоге подтолкнули часть исследователей к тому, чтобы возмещение физическим и юридическим лицам вреда, причиненного незаконной уголовно-процессуальной деятельностью, рассматривать через призму самостоятельного уголовно-процессуального института.

Отмечая самостоятельность регулируемого ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ способа возмещения вреда лицу, ставшего объектом незаконного уголовно-процессуального воздействия в связи с уголовным преследованием других лиц, исследователи не раскрывают в деталях его специфику, в частности не проясняют, в рамках какой процедуры должна устанавливаться незаконность применения к участнику уголовного процесса меры процессуального принуждения и незаконность действий в отношении юридического лица, какой процессуальный акт будет давать лицу право на возмещение вреда в порядке, определенном гл. 18 УПК РФ.

В настоящее время очевидна потребность в изучении сущностных признаков правовых феноменов, олицетворяющих в уголовном процессе формально схожие, но содержательно и процедурно различающиеся способы возмещения вреда реабилитированному и лицу, которому вред причинен незаконным применением мер процессуального принуждения. На теоретическом, методическом (учебном) и правоприменительном уровнях указанные компенсаторные механизмы воспринимаются с явным предпочтением иметь дело с прозрачным и развитым правовым институтом реабилитации (гл. 18 УПК РФ), чем с достаточно распространенными, но поглощаемыми гражданским, арбитражным и даже административным судопроизводством случаями, когда лицо становится объектом негативного уголовно-процессуального воздействия и вред ему причиняется в связи с уголовным преследованием других лиц (ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ).

Концепция гражданско-правовой природы правоотношений, возникающих в связи с причинением вреда лицу, ставшему объектом незаконного уголовно-процессуального воздействия, не корреспондирует юридической природе норм, регулирующих рассматриваемые конкретные правоотношения (соответствующих норм УПК РФ). Такой подход не способствует

обеспечению скорейшего возмещения вреда в полном объеме и в процедурах, максимально отвечающих интересам пострадавших.

Не могут быть поддержаны предложения удалить (переместить) из уголовно-процессуального права нормативные правила разрешения вопросов о возмещении причиненного вреда за неправомерное применение мер процессуального принуждения с выделением его в самостоятельное компенсаторное производство по аналогии с производством по рассмотрению заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство и права на исполнение судебного акта в разумный срок. При действующей конструкции институт возмещения вреда за неправомерное применение мер процессуального принуждения не может быть «расчленен» путем размещения одной части его положений в законодательстве об административном судопроизводстве, а другой его части – в уголовно-процессуальном законодательстве.

Представленная в правовой литературе концепция совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего сферу возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство (А.С. Кирилов), внутренне противоречива [6]. Базируясь на категории «вред, причиненный незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство», данная концепция не содержит теоретических положений о процедуре оценки законности принудительных мер, которым подвергаются участники уголовного процесса в связи с производством следственных действий, применением мер процессуального принуждения. Кроме того, не выработано критериев определения круга действий и решений, способных причинить физическим и юридическим лицам вред, возмещаемый в порядке проектной гл. 18.1 УПК РФ.

Углубление теоретических представлений в этой области права может происходить по ряду направлений, отражающих как внутреннюю структуру указанного института (круг субъектов права на возмещение вреда; перечень процессуальных принудительных мер; оценка законности применяемых мер уголовно-процессуального воздействия), так и его внешние взаимосвязи (подключение к правовому регулированию наряду с УПК РФ других законов; взаимодействие уголовного и гражданского судопроизводства при выборе процедуры возмещения вреда; возможность применения института за пределами производства по уголовному делу).

Таким образом, в гл. 18 УПК РФ объединены нормы разнопланового порядка, предназначенные обеспечить возмещение вреда лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство. Помимо собственно института реабилитации в ней сгруппированы нормы, которые в теории уголовного процесса постепенно начинают рассматриваться как самостоятельный институт возмещения вреда пострадавшим от действий должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Рассматриваемый правовой институт, ассоциируемый с ч. 3 ст. 133 УПК РФ, наглядный пример вовлечения в сферу правового регулирования новых общественных отношений, которые ранее, конечно же, существовали, но не могли быть урегулированы по причине недостаточно развитой процессуальной доктрины.

С учетом содержания ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, прямо предписывающим применение правил гл. 18 УПК РФ для возмещения вреда физическим и юридическим лицам, пострадавшим от незаконных действий властных субъектов уголовного процесса, целая группа норм указанной главы дополняет ряд, ориентированный на регулирование возмещения вреда, причиненного, незаконным применением мер процессуального принуждения при производстве по уголовному делу. К их числу относятся предписания, закрепленные в ч. 5 ст. 133, чч. 1–5 ст. 135, ч. 2 ст. 136, ст. 137 УПК РФ. Однако указанные законоположения, будучи специализированными, приспособленными для регулирования реабилитационных отношений, объективно могут применяться как элемент механизма возмещения вреда, причиненного лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения, по аналогии закона.

Нормы Конституции РФ (ч. 1 ст. 45, чч. 1 и 2 ст. 46, ст. 53) [2], утверждающие право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, – нормы прямого действия и в полном объеме участвуют в регулировании соответствующих общественных отношений наравне с ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Для применения положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ важное значение имеют правовые позиции Конституционного суда РФ, выраженные им в связи с проверкой конституционности ряда норм гл. 18 УПК РФ по вопросам выбора вида судопроизводства (уголовно-процессуального или гражданского процессуального), для рассмотрения судьей требования лица о возмещении вреда, бремени и правилах доказывания его размера, активности суда в получении доказательств.

Судебная практика (правовые позиции Верховного суда РФ, сформулированные им по конкретным вопросам судебной практики и выраженные в соответствующих постановлениях Пленума, тематических обзорах судебной практики, ответах на вопросы, поступившие в Верховный суд РФ из судов, решения апелляционных и кассационных судов по конкретным делам), рассматриваются автором в качестве неотъемлемой части правовой системы как способствующие уяснению содержания правовых категорий, являющихся неотъемлемыми элементами института возмещения вреда лицам, незаконно подвергавшимся мерам процессуального принуждения. Конструктивное значение судебной практики кратно усиливается на стадии формирования молодых правовых институтов, к которым от-

носится исследуемое правовое явление, развивающееся на основе ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Назначение и перспективы уголовно-процессуальной формы компенсации вреда юридическим лицам, пострадавшим от незаконных действий (бездействия) и решений властных субъектов уголовного процесса, обозначаются в правовой теории взаимоисключающим образом.

Один из сценариев дальнейшего совершенствования нормативного регулирования общественных отношений в исследуемой области связан с отказом от использования уголовно-процессуальных средств с заменой их гражданскими процессуальными процедурами.

Другой сценарий укрепления нормативной основы возмещения юридическим лицам вреда, причиненного неправомерными действиями (бездействием) и решениями органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, призван обеспечить более глобальную процессуализацию в УПК РФ соответствующих общественных отношений.

Второй сценарий отражает тенденции последних нескольких десятилетий трансформации уголовно-процессуального законодательства в части охраны имущества и деловой репутации юридических лиц, суть которых – использование комбинированного механизма, сочетающего уголовно-процессуальный (основной, с применением правил ст. 399 УПК РФ) и гражданский процессуальный (вспомогательный, с применением правил о гражданском иске) способов.

Категория «незаконность» является своего рода несущей юридической конструкцией в механизме возмещения вреда, причиненного действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. Только факт признания соответствующего действия или решения дознавателя, следователя, прокурора, судьи незаконным порождает у гражданина и юридического лица право на возмещение вреда. Итоговое реабилитирующее процессуальное решение избавляет реабилитированного доказывать незаконность применявшихся к нему мер процессуального принуждения (задержания, заключения под стражу), причинивших ему вред. В рамках процедуры возмещения вреда лицу, ставшему объектом негативного уголовно-процессуального воздействия, признание его незаконным обязательно и сравнимо с реабилитирующим решением.

Изучение судебной практики показывает, что из сферы применения ч. 3 ст. 133 УПК РФ не должны исключаться уголовно преследуемые лица. В анализируемых нормах, напомним, речь идет именно о «любом лице». Когда продолжается производство по основному уголовному делу, положения ч. 3 ст. 133 УПК РФ могут выступить в качестве резервных норм при рассмотрении судом вопроса о производстве выплат лицу, незаконно задержанному на основании ст. 91 УПК РФ, если с него полностью сняты подозрения. В противном случае лицо, неправомерно задержанное по подозрению в совершении преступления, вынуждено обращаться в суд с во-

просом о возмещении имущественного вреда в порядке гражданского судопроизводства или дожидаться реабилитации по расследуемому уголовному делу. Срок ожидания вполне может растянуться на несколько лет.

В контексте динамично развивающейся в последнее десятилетие теории уголовно-процессуальных институтов исследование именно с этих позиций самостоятельного, как это предусмотрено законом, способа возмещения вреда лицам, незаконно подвергавшимся мерам процессуального принуждения, представляется наиболее перспективным.

Рассматриваемый способ компенсации лицу вреда, нанесенного незаконным применением принудительных мер в связи с производством по уголовному делу, имеет сложное межотраслевое регулирование. В нем участвуют нормы материальных и процессуальных отраслей права.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

2. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

3. Булатов Б.Б., Николюк В.В., Сосновик Н.Ф. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения: монография. Омск: Омск. академия МВД России, 2005.

4. Николюк В.В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения: монография. Омск: Омск. академия МВД России, 2012.

5. Гуляев А.П., Николюк В.В. Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам, незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения // Государство и право. 2007. № 6.

6. Кирилов А.С. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Сведения об авторе

Мядзелец Ольга Александровна. Кандидат юридических наук. Судья. Второй кассационный суд общей юрисдикции (г. Москва). 121357, Российская Федерация, г. Москва, ул. Верейская, д. 29, стр. 34.

Научный сотрудник кафедры публичного права юридического факультета.

Государственный академический университет гуманитарных наук. 119049, Российская Федерация, г. Москва, Мароновский пер., д. 26.

Ключевые слова: реабилитация, право, вред, возмещение вреда, меры процессуального принуждения, суд, судебный порядок, правовой институт.

Назарова М.Д.

**ТЕЗИСНО О ПРОБЛЕМЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМ НАЛОЖЕНИЕМ АРЕСТА
НА ИМУЩЕСТВО ИНЫХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Автором в настоящей статье тезисно рассмотрена проблематика возмещения вреда, причиненного вследствие незаконного наложения ареста на имущество иным лицам, а именно лицам, указанным в ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Автором в статье рассматриваются имеющиеся в юридической науке мнения ученых-процессуалистов по затронутому вопросу, а также сложившаяся судебная практика.

Одним из конституционных предписаний является обеспечение для потерпевших возмещения причиненного вреда (ст. 52 Конституции Российской Федерации) [1]. В связи с этим лица, осуществляющие предварительное следствие, зачастую прибегают к наложению ареста на имущество с целью возмещения причиненного преступлением ущерба.

Однако правоприменители не всегда на должном уровне подходят к процедуре наложения ареста на имущество, а именно применяют арест на имущество с нарушением норм действующего законодательства, что в свою очередь влечет в последующем отмену наложенного ареста, как незаконного. В случаях, когда действие незаконно наложенного ареста на имущество повлекло для собственника имущества причинение вреда, то в силу ст. 53 Конституции РФ такое лицо имеет право на возмещение причиненного вреда [1].

В уголовно-процессуальной сфере вопросы возмещения причиненного вреда вследствие незаконных действий должностных лиц нормативно закреплено в ст. 133 УПК РФ, регулирующей вопросы, связанные с реабилитацией.

Итак, в соответствии с упомянутой нормой возмещение вреда, наступившего вследствие незаконного ареста на имущество, может осуществляться в нескольких вариантах:

1) возмещение вреда лицу, являющемуся непосредственным участником уголовного судопроизводства (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и т.д.);

2) возмещение вреда третьим (иным) лицам, арест на имущество которых был наложен на основании ч. 3 ст. 115 УПК РФ (родственники подозреваемого (обвиняемого), юридические лица и т.д.).

Если в первом варианте все относительно понятно и процесс возмещения причиненного вреда предусмотрен 18 главой УПК РФ, регулирующей в свою очередь вопросы реабилитации, то со вторым вариантом не все так «радужно».

Профессор В.В. Николюк справедливо относит ч. 3 ст. 133 УПК РФ к числу нерабочих «мертвых норм» [2, с. 19]. О «ненадлежащем» функционировании ч. 3 ст. 133 УПК РФ отмечают и другие ученые-процессуалисты, к примеру, О.А. Мядзелец [3, с. 39–46].

«Неэффективность» данной нормы обусловлена наличием законодательных пробелов.

Итак, одним из пробелов является неопределенность круга лиц, на которых распространяется действие ч. 3 ст. 133 УПК РФ. При формулировке ч. 3 ст. 133 УПК РФ законодатель не конкретизировал перечень субъектов, которые могут претендовать на возмещение вреда, причиненного незаконным арестом имущества. В доктрине уголовного процесса круг таких субъектов в настоящее время остается дискуссионным. Мнения ученых-процессуалистов разделились на два лагеря.

К первым относятся: А.Н. Глыбина, А.А. Подопригора, М.В. Орлова, Р.В. Гаврилюк и другие. Эти авторы считают, что к таковым субъектам относятся только те лица, которые имеют право на реабилитацию, а остальные лица вне зависимости от процессуального статуса должны осуществлять свое право на возмещение вреда в рамках гражданского судопроизводства [4, с. 122–124; 5, с. 10; 6, с. 9; 7, с. 12–13].

Ко вторым относятся: А.П. Гуляев, В.В. Николюк и ряд других ученых-процессуалистов. Упомянутые авторы считают, что действие рассматриваемой нормы должно распространяться и на других лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве [8, с. 62].

Неразрешенность круга субъектов, подпадающих под действие ч. 3 ст. 133 УПК РФ, порождает невозможность реализации права на возмещение причиненного ущерба. Наш довод подтверждает судебная практика. К примеру, в одном из регионов Российской Федерации суд отказал в удовлетворении иска о взыскании ущерба, понесенного вследствие действия наложенного ареста на имущество. Суд мотивировал свой отказ, тем, что заявитель (в нашем случае юридическое лицо) не является участником уголовного судопроизводства, которые закреплены в главах 6, 7, 8 УПК РФ [подробнее см.: 9].

Следует обратить внимание на тот факт, что еще в 2011 г. Верховный Суд Российской Федерации в одном из своих постановлений заострил внимание на порядке возмещения вреда, причиненного физическим и юридическим лицам, не являющимся непосредственными участниками

уголовного судопроизводства. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации упомянутые субъекты имеют право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц в порядке, предусмотренном гл. 18 УПК РФ (ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ) [10].

Как мы видим, постановление Пленума Верховного Суда РФ было вынесено значительно раньше упомянутого выше решения суда, в связи с чем сам по себе напрашивается вывод о том, что нижестоящие судебные органы не учитывают решения, вынесенные вышестоящими.

Для реализации предусмотренного права на возмещение вреда, причиненного вследствие незаконного наложения ареста на имущество, законодателю необходимо внести коррективы в действующие нормы УПК РФ, регулирующие эту сферу деятельности. Внесение изменений позволит не только обеспечить реализацию конституционного права на возмещение вреда, причиненного вследствие незаконных действий должностных лиц, но и поставить точку в научной дискуссии относительно субъектов, подпадающих под действие ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

В качестве изменений можем предложить следующее: отделить законодательное регулирование возмещения вреда вследствие незаконного наложения ареста на имущество от реабилитации с введением новой нормы в УПК РФ регулирующей, вопросы возмещения вреда, причиненного действием рассматриваемой меры процессуального принуждения. Также считаем, что в таковой норме должны найти отражение следующие аспекты: непосредственно субъекты, имеющие право на возмещения вреда; основания возникновения такого права; виды вреда, подлежащего возмещению.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Николук В.В. Феномен «мертвых норм» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2 (77). С. 19–25.

3. Мядзелец О.А. Почему право на возмещение вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 133 УПК РФ), остается декларативным // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. № 1 (2). Т. 2. С. 39–46.

4. Глыбина А.Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 122–124.

5. Подопригора А.А. Реабилитация в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 10.

6. Орлова М.В. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9.

7. Гаврилюк Р.В. Реабилитация в российском уголовном процессе: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 12–13.

8. Гуляев А.П., Николук В.В. Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения // Государство и право. 2007. № 6. С. 62.

9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа [Электронный ресурс]: от 26 ноября 2018 г. по делу № А56-50657/2028. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сведения об авторе

Назарова Мария Денисовна. Адъюнкт.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Сведения о научном руководителе

Химичева Ольга Викторовна. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Начальник кафедры уголовного процесса.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: возмещение вреда, конституционное право, наложение ареста на имущество, третьи лица.

Нелюдинова Л.Н.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье автор придает особое значение рассмотрению в ходе осуществления предварительного расследования использования психологи-

ческих знаний при оказании психологического воздействия и взаимодействия с другими участниками следственных действий.

Изменения качественного и количественного уровня современной преступности повышают требования не только к профессиональному уровню следователя, деятельность которого отличается экстремальным характером, но и к его личностным особенностям [1, с. 102]. Особое значение в ходе осуществления предварительного расследования в части использования психологических знаний при оказании психологического воздействия и взаимодействии с другими участниками следственных действий приобретает психологическая подготовленность собственного поведения следователей в целом, и в особенности при производстве следственных действий.

Данная тематика активно разрабатывалась в разные годы на кафедре криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова [2, с. 236; 3, с. 192; 4, с. 405; 5, с. 94; 6, с. 118; 7, с. 77; 8, с. 20] и проведенные учеными научные разработки легли в основу написания данной статьи.

Деятельностью в психологии принято обозначать специфическую активность, направленную на поддержание взаимоотношений с окружающим миром, а также нацеленную на изменение качественных и количественных характеристик в рамках социума или отдельных его составляющих [9, с. 35]. Деятельность человека, являясь основным условием существования общества, имеет определенные признаки, которые позволяют отграничить её от активности, проявляющейся всеми живыми существами. К принципиальным различиям в рассматриваемом аспекте можно отнести предметность деятельности, её орудийность, осознанный характер, подчиненность культурной составляющей, что непосредственно сказывается и на обеспечении развития личности [10, с. 93].

Профессиональная деятельность представляет собой определенную совокупность элементов, объективных и субъективных признаков, анализ которых создает возможность для определения тех, без которых её реализация невозможна [11, с. 279]. Так, например, каждая без исключения деятельность профессиональной направленности имеет необходимое представление о цели, желаемом результате, задействуемых процессах (познавательных, эмоционально-волевых, психомоторных), соблюдение которых позволит реализовать намеченную цель, средствах (материальных/идеальных), и что самое немаловажное – мотиве деятельности [12, с. 240].

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел отнесена к категории сложнейших видов деятельности, требующих должной концентрации и повышенного уровня подготовки, как психологической, так и физической. Психологическая деятельность следователя, существующая в рамках профессиональной, имеет специфические особен-

ности, в связи с чем видится актуальным провести анализ психологических особенностей, как личности следователя, так и самой следственной деятельности, её значимых компонентов.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее по тексту – УПК РФ) содержит в себе определение следователя, как должностного лица, уполномоченного осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (п. 41 ст. 5 УПК РФ) [13, с. 83]. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством следователь обладает особым процессуальным статусом, так как является процессуальной фигурой, выступающей на стороне обвинения и наделенной в соответствии с этим рядом полномочий [14, с. 390].

Профессиональная деятельность следователя является многоаспектной и разносторонней. Согласно теории юридической психологии выделяют несколько сторон профессиональной деятельности следователя: познавательно-прогностическую, коммуникативную, организационно-управленческую и воспитательную. Наиболее полной и конкретной, по нашему мнению, является классификация, приведенная в трудах В.Л. Васильева, согласно которой существует шесть основных профессиональных сторон деятельности следователя: социальная; поисковая (познавательная); реконструктивная; коммуникативная; организаторская; достоверительная [15, с. 96].

Социальная деятельность следователя выражается через политический аспект деятельности следователя как одного из представителей профилактики с преступностью и борьбы с ней. Социальная сторона деятельности не что иное, как взаимодействие с населением в рамках проведения профилактических мероприятий, правовой пропаганды, участия в перевоспитании преступника, иными словами, это все то, что связано с выполнением воспитательных функций в отношении различных категорий граждан.

Одним из основных социальных аспектов деятельности следователя является создание и поддержание доверия в обществе, в защиту прав и интересов которого он служит, что проявляется в установлении позитивных отношений с гражданским обществом, обладающим правовой культурой и способствующим в будущем расследованию преступлений, как действием, так и бездействием, выражающемся в непротивлении процессу расследования. Вместе с тем деятельность следователя также предполагает учет этических и моральных составляющих своей профессиональной принадлежности, поскольку последняя предполагает соблюдение прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законной процедуры привлечения к взаимодействию в рамках расследования преступления, построенной на основе общепризнанных принципов уважения чести и достоинства независимо от статуса и роли лиц в деле.

Социальный аспект деятельности следователя является многогранным и существенным компонентом его работы. Укрепление доверия, поведение, соответствующее нормам морали и нравственности, являются клю-

чевыми элементами, способствующими не только качественному расследованию, но и соблюдению основополагающих принципов справедливости, прав и свобод человека, в частности, и благополучия общества в целом. Следователи играют жизненно важную роль в поддержании хрупкого баланса между правоохранительной деятельностью и социальной ответственностью, и их действия могут оказать длительное воздействие на отдельных лиц, сообщества и организации.

Поисковая (познавательная) деятельность следователя первоначально затрагивает действия по сбору информации о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении, которая может иметь значение для уголовного дела. Кроме того, познавательная деятельность заключается в изучении личности подозреваемого, имеющихсся свидетелей, выработке криминалистических версий относительно преступления на основе анализа имеющихся данных [16, с. 227].

В рамках реализации поисковой (познавательной) стороны деятельности следователя, резонным также будет упомянуть и о профайлинге, как нетрадиционном криминалистическом методе. Не существует единой точки зрения, позволяющей с точностью определить, что представляет собой «профайлинг», однако многие ученые определяют его как «систему установления возможной причастности интересующего субъекта к планируемому противоправному действию, как «технологии предотвращения противозаконных действий посредством выявления лиц потенциально опасных путем применения методов прикладной психологии» [17, с. 319]. По мнению автора, логичным видится прибегнуть к позиции А.Н. Колычевой и В.Р. Волковой, согласно которой «профайлинг – комплекс социально-психологических методик, применяемых в рамках диагностики особенностей личности, скрытых мотивов, оценки сообщаемой информации на основе невербального, вербального и субвербального поведения объекта профайлинга, прогнозирования возможных сценариев развития ситуации, моделей поведения и взаимодействия человека» [18, с. 73].

Практическая значимость профайлинга проявляется в логическом анализе фактических обстоятельств, ориентируясь на который устанавливаются причинно-следственные связи между различными событиями. Зачастую такой специфический метод используется лишь при обеспечении общественной безопасности на транспорте и при проведении массовых мероприятий, не учитывая разнообразия предложенных профайлингом методик, и как следствие возможности его использования в процессе расследования уголовных дел.

К основным направлениям профайлинга относят: составление психолого-криминалистического портрета преступника, что подразумевает под собой метод, ориентированный на выявление совокупности индивидуальных признаков и особенностей личности преступника, которые нашли свое проявление в известных следствию обстоятельствах и следах пре-

ступной деятельности; использование метода «географического профилирования» – определение возможного места нахождения предполагаемого преступника, данное направление представляет особый интерес при расследовании серийных преступлений в целях предупреждения совершения последующих.

Сущностная характеристика метода заключается в выявлении системности совершенных преступлений в конкретных местах; использование приемов верификации при производстве следственных действий, в основу которых заложена методика визуальной психодиагностики, выраженной в наблюдении за поведенческими реакциями собеседника, анализ которых позволит прийти к выводу о наличии в показаниях интересующих следствие лиц лжи в форме умолчания (сокрытия правды) и искажения (сообщения заведомо ложной информации), посредством аудиовизуального исследования выражения лица, изменения в голосе, акцентирования внимания на импульсах к физическому действию, в том числе жестикуляции, и оценки проявлений вегетативной нервной системы [19, с. 62].

Несмотря на важность данного криминалистического метода и его широкие возможности, профайлинг в рамках деятельности по обеспечению национальной безопасности не используется настолько насколько это позволяет современный уровень развития, что обусловлено отсутствием целенаправленного обучения сотрудников упомянутым методикам [20, с. 22].

Реконструктивная составляющая деятельности следователя находит свое отражение в анализе и синтезе информации на текущем и последующем этапах расследования уголовного дела, выдвижении гипотез и версий совершенного преступления, на основе которых вырабатывается алгоритм действий следователя, что сказывается на оперативности и эффективности расследуемого дела [21, с. 12]. Также в рамках реконструктивной деятельности сотрудников следственного подразделения прогнозируется поведение участников предварительного следствия посредством мысленного моделирования.

Коммуникативный аспект деятельности следователя находит свое отражение во взаимодействии с различными категориями граждан, от жертв противоправных действий и свидетелей, до лиц, подозреваемых в совершении преступления. Это взаимодействие требует высоких навыков межличностного общения, что позволит получить значимую информацию от сведущих лиц, активное, включенное слушание и эмпатия позволят расположить лиц, для которых контакт с представителями следственного подразделения, это травмирующий опыт.

Коммуникативная сторона деятельности следователя проявляется и во взаимодействии в рамках создаваемой следственно-оперативной группы, сотрудничестве с другими подразделениями и ведомствами, что зна-

чимо в целях координации усилий, обмена информацией и принятии коллективных решений, влияющих на исход в рамках расследования дела.

Способность передавать сложную информацию в ясной и понятной форме, обосновывая то или иное принятое решение по делу, имеет решающее значение при принятии обоснованных решений и применении соответствующих мер на основе полученных результатов расследования.

Иными словами, коммуникативная сторона деятельности следователя является центральным и динамичным элементом его работы, так как успех в рамках расследования уголовного дела зависит от уровня коммуникативных навыков, включающих в себя как способность установления доверительных отношений, так и взаимодействие с различными категориями граждан в процессе производства отдельных следственных действий и при отчете о проделанной работе перед вышестоящими должностным лицам.

Организационный аспект профессиональной деятельности следователя. Негласно утвержденной концепцией является та, согласно которой каждый субъект, принимающий участие в расследовании уголовных дел, относится к числу носителей определенных функций, при этом следователь образует базу уголовного процесса. Несмотря на то, что на законодательном уровне прописаны должностные обязанности представителя следственного подразделения (следователя), там отсутствуют тактические и организационные вопросы, которые напрямую имеют отношение к действиям следователя, на которых основывается их целенаправленная, правильно организованная работа по расследованию преступлений. Общеизвестным является и тот факт, что только за грамотно организованной деятельностью последует быстрый и качественный результат.

В производстве у следователя находится несколько уголовных дел одновременно, при этом решающей задачей является обеспечение непрерывного расследования каждого дела, без затягивания сроков, в связи с этим, следователю необходимо грамотно организовывать свою деятельность, не только для того, чтобы она была плодотворной, но и в целях недопущения грубых нарушений, связанных с ограничением конституционных прав граждан на свободу передвижения в случае, если это касается избранной меры пресечения в виде содержания под стражей.

Организационный аспект находит проявление как в рамках самоорганизации действий, выработке плана, которому стоит придерживаться в целях экономии времени и избежания сумбурности. Внешние факторы также играют немаловажную роль для правильной организации работы следователя. Так, техническая обеспеченность (отдельный кабинет, персональный компьютер, принтер и т.д.) следователя позволяет ему ощутить себя в благоприятной обстановке, сосредоточиться и как следствие наладить психологический контакт с лицами, вызываемыми для производства как процессуальных, так и непроцессуальных действий.

В приведении полученной информации в рамках расследования уголовного дела в целом, и производстве отдельных следственных действий, в частности, находит свое проявление удостоверительная сторона деятельности следователя. Удостоверить – сделать достойным веры, превратить в истину «для себя» и «для всех», сделать информацию верифицируемой, то есть проверяемой. В процессе следственного познания анализируются имеющиеся доказательства, сопоставляются между собой, оцениваются и подтверждаются совокупностью произведенных проверочных действий на подготовительном этапе и на основе осуществленных действий определяется их истинность. Кроме того, удостоверительной обозначается рассматриваемая сторона деятельности следователя в силу приведения всей полученной информации в специально предусмотренную законом форму (процессуальный документ).

Таким образом, можно сделать вывод о многогранности и многоаспектности деятельности следователя, где все перечисленные стороны следственной деятельности имеют тесную взаимосвязь друг с другом и зачастую перекликаются.

1. Чаплыгина В.Н. Проблемные аспекты механизма реализации системы оценки следственной деятельности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2 (83). С. 101–107.

2. Чаплыгина В.Н., Васюков В.Ф. Проявление и профилактика профессиональной деформации личности следователя в системе МВД России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1. С. 235–243.

3. Фадюшина П.А., Морозова Н.В. Некоторые психологические аспекты производства обыска // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных статей. Орёл, 2023. С. 191–194.

4. Чаплыгина В.Н. Разграничение правомерного и неправомерного психологического воздействия на стадии предварительного расследования // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 401–407.

5. Харламова Н.Д., Бадиков Д.А. Тактические аспекты применения приемов психологического воздействия при производстве допроса и очной ставки // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 2 (79). С. 93–98.

6. Курбанова Е.Д., Чаплыгина В.Н. Проблемы профессиональной этики следователя, существующие на современном этапе развития правового общества России // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник материалов

IV Международной студенческой научно-практической конференции, 2019. С. 117–119.

7. Чаплыгина В.Н., Посохина Д.Г. Психологические особенности профессиональной деятельности следователя // Особенности оперативно-розыскной деятельности ОВД в свете изменяющегося законодательства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию уголовного розыска России / под редакцией Ю.Н. Савенкова, 2018. С. 77–81.

8. Новикова Е.А., Чаплыгина В.Н. Условия психологического воздействия в сфере уголовно-процессуальных отношений: общие черты и особенности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 19–25.

9. Бадиков Д.А. О психологическом воздействии в уголовном судопроизводстве // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции: к 300-летию российской полиции, 2018. С. 35–39.

10. Булыжкин А.В., Чаплыгина В.Н. Оценка эффективности следственной деятельности в России: размышления и выводы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2 (85). С. 91–95.

11. Чаплыгина В.Н. Компетентностный подход в профессиографическом описании деятельности следователя // Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы Международной научно-практической конференции / под общей редакцией А.И. Бастрыкина, 2017. С. 278–280.

12. Чаплыгина В.Н. Структурный подход в описании профессии следователя // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства. 2018. С. 37–42.

13. Шумилин С.Ф., Новикова Е.А. Уголовно-процессуальные функции следователя: монография. Белгород: Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина, 2023. С. 83.

14. Чаплыгина В.Н. Уголовно-процессуальная функция следователя // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции: к 300-летию российской полиции, 2018. С. 389–393.

15. Чаплыгина В.Н. Нравственные начала в деятельности следователя // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 1 (70). С. 95–97.

16. Фомичев А.А. К вопросу о применении гипноза в раскрытии и расследовании преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных статей. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. С. 226–230.

17. Чаплыгина В.Н. Особенности применения полиграфа при расследовании коррупционных преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 316–319.

18. Колычева А.Н., Волкова В.Р. К вопросу об использовании полиграфа в процессе доказывания // Проблемы уголовно-процессуального права и криминалистики: сборник научных статей / редколлегия: Н.В. Морозова [и др.]. Орел, 2021. С. 72–76.

19. Муравьев К.В. Способы снижения процессуальной нагрузки, альтернативные декриминализации // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1 (30). С. 61–67.

20. Васюков В.Ф. К вопросу о производстве следственных действий // Наука и практика. 2014. № 3 (60). С. 21–23.

21. Бадиков Д.А., Харламова Н.Д. К вопросу о характеристике психологического воздействия в стадии предварительного расследования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 1 (78). С. 12–17.

Сведения об авторе

Нелюдимова Людмила Николаевна. Старший юрисконсульт правового направления.

ОМВД России «Орловский».

302040, Российская Федерация, г. Орел, ул. Андрианова, д. 6.

Ключевые слова: социальная деятельность следователя, поисковая деятельность следователя, реконструктивная составляющая деятельности следователя, коммуникативная сторона деятельности следователя, организационный аспект профессиональной деятельности следователя, профайлинг.

Нехаев И.Н.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ С IX ПО XIX ВЕК

В данной научной статье автор на основе исторического анализа нормативно-правовых актов и мнений ученых рассматривает этапы зарождения, становления и постепенного развития механизмов возмещения вреда, причиненного преступлением, в отечественной правовой системе в срезе веков.

Российская Федерация является исторической преемницей семи предшествующих форм непрерывной государственности, берущей свое начало с летописного призвания варягов в 862 г., с которым традиционно связывается национальное государство. Согласно трудам Института российской истории, Российской академии наук, этими формами являются: Древнерусское государство (862–1240 гг.); русские княжества (середина XII в. – начало XVI в.); Русское государство (конец XV в. – 1721 г.; с 1547 г. – Российское царство); Российская империя (1721–1917 гг.); Российская республика (1917 г.); Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (1917–1991 гг., с 1922 г. республика в составе СССР); Союз Советских Социалистических Республик (1922–1991 гг.); Российская Федерация (с 1991 г. по настоящее время) [1, с. 326].

На продолжительной истории собственного содержательного становления и трансформации, ныне действуют нормы отечественного уголовного права и уголовного процесса, которые являются прообразами известных и применявшихся ранее примирительных и восстановительных механизмов возмещения преступного вреда, взявшие истоки, со времени формирования государства и дошедшие в усовершенствованном виде до наших дней. В этой связи представляет интерес краткого рассмотрения норм, источников и порядка ведения уголовного процесса в срезе времени.

Первобытными способами разрешения споров являлись обряды и обычаи. С помощью обычая кровной мести, например, родственники потерпевшего, его наследники, либо он сам удовлетворяли свои притязания, относительно виновного лица, в плане возмещения вреда. Ограничителем же такого обычая и в принципе кровопролития во имя отмщения выступал славянский обряд – побратимство. В таком обряде принимало участие третье лицо, или сторона-примиритель – духовенство.

Однако с появлением древнейшего известного нам славянского памятника права, датированного концом IX в. – «Закона судного людям», происходит изменение морально-нравственных ориентиров, в силу действия указанного регулятора общественных отношений. Документ консолидировал в себе несколько отраслей права одновременно, содержал нормы гражданского, церковного, уголовного права и процесса его применения. Кроме этого, правовой акт содержал в себе положения о возмещении потерпевшему расходов на лечение в случае причинения ему увечий. Таким образом, началась трансформация относительно установления гарантий возмещения преступного вреда [2, с. 198].

С установлением христианства как государственной религии, усиливается и укрепляется идея примирения сторон, закреплённая в Русской Правде. Так же, нормотворческий памятник закреплял собой возможность саморасправы (потерпевшего над виновным лицом), а в ином случае предусматривал возможность получения денежной суммы, если потерпевший избрал отказ от мести [3, с. 62].

Представляет интерес также и то, что Русская правда включала в себя определенную правовую конструкцию, благодаря которой денежные штрафы, выступали «приложением» к основному наказанию в обязательном порядке. Так, осуществлялась компенсации вреда, полученного от преступных посягательств. Русская правда предусматривала ответственность виновного к наказаниям физическим, которые могли варьироваться по объекту причинения страданий: членовредительные; болезненные; осрамительные. Денежные средства же, взыскивались принудительно и в дальнейшем, в зависимости от социального положения потерпевшего (ст. 1, 19, 26 Русской правды по Академическому списку), разделялись на получателей – казна и сам потерпевший [3, с. 30].

Следующей, согласно хронологии появления законодательных актов отечественного государства, выступающей в качестве логического продолжения дефиниций Русской правды, является Псковская Судная грамота, изданная в 1397 г. Значимость грамоты невозможно переоценить, ведь ее положения в своем роде опередили время. Так, грамота закрепляла возможность в принципе заключать мировую сделку, что сподвигало потерпевшую сторону на это, путем возвращения обязательной к уплате княжеской «пени», при избрании мирного решения возникшего вопроса, а также от поединка между сторонами (потерпевшим и обвиняемым), что закреплялось ст. 37 и 80 ПСГ [4, с. 69–72].

На смену указанным документам, в XV–XVI вв. приходят разработанные законодателем судебники Ивана III (1497 г.) и Ивана IV (1550 г.) и Книга Разбойного приказа Ивана IV (1556 г.). С течением времени, ширится и княжеская власть, увеличивается влияние государства, государство стремится взять бремя расследования на себя, нежели отдавать его в руки потерпевшего, в силу чего, обязано принимать меры, направленные на восстановление причиненного преступлением вреда. Так, например, Н.Н. Ланге в одном из своих трудов отмечал, что согласно указанных законодательных актов, третьим лицам, передавалось описанное и опечатанное имущество лиц, заподозренных в совершении преступления, и хранилось оно до окончания дела, а за сумму средств, полученных от продажи этого имущества, осуществлялась выплата потерпевшему, в счет возмещения преступного вреда. Немало важно и то, что предусматривался и выход из положения, в котором заподозренное лицо не имело имущества. за свои противоправные деяния такое лицо претерпевало физическое наказание, а после чего, выдавалось потерпевшему головою до «искупа», то есть в рабство, до того момента, пока физически не отработает причиненный им же от преступления вред [5, с. 240].

Соборное уложение 1649 г. в силу времени, в котором он было издано и применялось, продолжало закреплять собой, например, постулаты материальной ответственности третьих лиц, а также положения, согласно которых, причиненный холопом или крестьянином вред, обязан оплатить их

хозяин. Так, согласно ст. 69 главы XXI Уложения, учитывались интересы феодала (владельца, эксплуатирующего зависимого от него крестьянина), который в силу совершенного преступления лишался зависимого от него человека, а не интересы семьи или возмещение ей ущерба. При убийстве холопом (боярским человеком) другого холопа, убийца приговаривался к торговой казни – порке кнутом на людном месте, после чего, вместе со своей семьей, выдавался феодалу, холопа которого он убил [6, с. 138].

Прогрессивным в области возмещения преступного вреда является и время правления Петра Великого, в частности, обратим внимание на Артикул воинский 1715 г. и Табель о рангах 1722 г. Артикул закреплял в себе разнообразные виды возмещения причиненного преступлением вреда, например: артикул 8 содержал штраф; артикул 58 – вычет из жалования; артикул 124 – конфискацию имущества; артикул 189 – «украденное всегда следовало у преступника отобрать» [7, с. 49]. Табель, в свою очередь, отмечен нами в плане возможности реабилитации того или иного лица незаконно привлеченного к уголовной ответственности, с выдачей грамоты, подтверждающей невиновность. Кроме этого, указанные лица, имели право материального возмещения морального вреда [8, с. 346–350].

Обратим внимание и на указ Императрицы Екатерины II от 1765 г. Согласно указу, потерпевшим возвращались похищенные у них вещи, чем возмещение отныне ограничивалось. Если случалось так, что этого недостаточно, в том смысле, что похищенное имущество установлено не в полном объеме, оставшаяся часть разыскивалась с укрывателей виновного или скупщиков краденного [9, с. 846].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных императора Николая II, датированное 1845 г., в обязательном порядке предусматривало добровольное возмещение преступного вреда виновным лицом. В противном случае, согласно положениям ст. 62–66, виновный, не исполняющий обязательств по возмещению вреда, мог быть взят под стражу, как несостоятельный должник [10, с. 431].

Судебная реформа 1846 г. придала законотворчеству своеобразный «толчок», направленный на развитие уголовного процесса в вопросах, посвященных охране имущественных интересов лиц потерпевших от преступлений. Так, Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, от 1864 г., устанавливалось примирение с потерпевшим и освобождение от ответственности в случаях денежного возмещения виновным в проступке лицом [11, с. 37].

Устав Уголовного судопроизводства, утвержденный 20 ноября 1864 г. Императорским Величеством Александра II, интересен тем, что первым в истории определяет правовое положение потерпевшего и вводит такие понятия, как «гражданский истец» и «гражданский ответчик». Кроме этого, расширен и круг лиц, которые могут выступать в качестве ответчиков, в зависимости от сложившейся ситуации, например: помимо обвинен-

ного лица, отвечать по закону за его деяния могли наследники, в пределах наследуемого имущества и в случае принятия наследства; господа и верители, отвечавшие за вред, причиненный слугами и поверенными лицами; начальство, по делам о растрате [12, с. 578].

Подводя итог изложенному выше, отметим, что институты возмещения вреда, причиненного преступлением, являются составной и неотъемлемой частью российского уголовного процесса. Они возникают и развиваются в его рамках. Основой же возмещения вреда в уголовном процессе, выступает материальное право об уголовном наказании, которое на первоначальных этапах является неотделимым и созависимым от возмещения вреда. Кроме того, механизмы возмещения вреда (реституция, поступивший от потерпевшего иск о возмещении его прав, добровольное возмещение преступного вреда), исходя из проведенного анализа, существуют на всех исторических этапах, не зависимо от источника права, а лишь видоизменяются с течением времени или под влиянием конкретных обстоятельств.

1. Российская государственность: опыт 1150-летней истории / отв. ред.: Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2013. 589 с.

2. Закон судный людем пространной и сводной редакции / под ред. М.Н. Тихомирова, Л.В. Милова. М.: Академия наук СССР, 1961. 287 с.

3. Русская правда по спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому / под ред. проф. Б.Д. Грекова; Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Бунина. Историч. фак-т. М.; Ленинград: Соцэкгиз, 1934 (Л.: тип. «Печатный двор»). Обл., 62, [2] с.

4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1: 1294–1598 гг. 354 с.

5. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и первой половины XVII веков). СПб., 1884. 253 с.

6. Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/#sub_para_N_10.

7. Воинские артикулы Петра I. Материалы к изучению истории государства и права СССР. М., 1960. 50 с.

8. История отечества государства и права России: учебник / В.М. Клеондрова; под ред. Ю.Г. Титова, 2-е изд. М.: ТК Велби 2008. 541 с.

9. НЭБ РГБ. Сенатский архив. Указы и повеления Императрицы Екатерины II за 1765 год. 1913. 1095 с.

10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. [4], IV, 898 с.

11. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Извлечено из Судебного Устава 20-го ноября 1864 года. Санктпетербург: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1867. 45 с.

12. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства юстиции. Пг., 1916. 1412 с.

Сведения об авторе

Нехаев Илья Николаевич. Адъюнкт адъюнктуры.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Сведения о научном руководителе

Семенов Евгений Алексеевич. Кандидат юридических наук, доцент.
Начальник кафедры уголовного процесса.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: механизм возмещения вреда, материальное право об уголовном наказании, иск о возмещении прав, добровольное возмещение преступного вреда.

Никитин Г.К., Васюков В.Ф.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВАМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье авторами рассматриваются отдельные вопросы противодействия мошенничествам, совершаемым с использованием информационных технологий.

Достижения в области коммуникационных технологий оказали глубокое влияние на социальные взаимодействия. Популярность этих технологий объясняется такими их характеристиками, как анонимность, открытость, интерактивность, конвергенция, децентрализация и глобальность. Однако эти характеристики также открыли широкие возможности для преступных формирований. Об этом неоднократно упоминалось в различных литературных источниках [1; 2; 3; 4; 5; 6].

В последние годы распространенной формой преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, стало мошенничество. Причем представляет особый интерес тот факт, что различные сценарии общения злоумышленников с жертвами могут не только трансфор-

мироваться в зависимости от сложившихся обстоятельств. Психологическая и технологическая подготовка мошенников используется в совершении новых проявлениях обмана, реализация механизма которого происходит с помощью сразу нескольких противоправных инструментов [7].

Существует множество видов дистанционного мошенничества, однако самыми распространенными являются:

1) *фишинг* – это метод обмана пользователей, при котором злоумышленники пытаются получить конфиденциальную информацию (например, пароли или номера кредитных карт) путем создания фальшивых сайтов или электронных писем, которые выглядят как настоящие;

2) *вишинг* – метод мошенничества, при котором злоумышленники пытаются получить конфиденциальную информацию от пользователей, посредством использования телефонной сети. Для совершения такого рода действий используются виртуальные машины, арендованные как в России, так и за рубежом. Они используются для получения доступа к сети Интернет, а точнее к мессенджерам – Telegram и WhatsApp, а также могут выступать управляющим сервером. Помимо этого, для создания сети IP-телефонии используются устройства SIM-Box;

3) *мошенничество с онлайн-покупками* сводится к тому, что продавец не отправляет товар после получения оплаты или отправляет «пустышку» вместо обещанного товара;

4) *мошенничество с трудоустройством* реализуется лжеработодателем, предлагающим работу без реальной возможности ее выполнения или требует предоплату за материалы или обучение перед началом работы. Как правило, после перевода денежных средств жертвой мошеннику, аккаунты блокируются;

5) *мошенничество с использованием романтических отношений* («романтическое» мошенничество). Использование романтических отношений стало излюбленным способом совершения мошенничества, получившим широкое распространение во всем мире в условиях распространения онлайн-платформ для знакомств и социальных сетей, предназначенных для оперативного общения и установления социальных связей. Наиболее типичный сценарий подобного мошенничества разделяется на несколько стадий.

На первой стадии происходит поиск жертвы, личность которой тщательно изучается. С учетом полученных данных конструируется цифровой профиль «приманки» и размещается в нескольких социальных сетях. На второй стадии осуществляется знакомство с жертвой, устанавливаются доверительные отношения, с помощью которых формируется уверенность в прочности и характере отношений. На следующей стадии выполняется так называемый «укус» жертвы – направляется просьба о деньгах по различным сценариям. Дальнейшее развитие ситуации зависит от того, насколько тесно

установлены доверительные отношения. Установленные «цифровые» отношения обрываются после перевода денежных средств злоумышленнику [8];

б) *мошенничество с использованием инвестиций в криптовалюты («инвестиционное» мошенничество)*. Указанный вид мошенничества заключается в том, что преступник убеждает жертву вложить свои деньги в проект, который презентуется как надежная инвестиционная возможность. Однако такая возможность реально либо не существует, либо злоумышленник направляет средства на свой счет, а не на подлинный. Инвестиционные схемы могут быть сложными и изолированными по своей природе – они имеют профессиональную рекламу, а также вспомогательные материалы, доказывающие реальность проекта. У жертв создается чувство доверия к «криптоинвесторам», так как на ранних стадиях аферы выплачиваются дивиденды, проводятся конференции, организуются тренинги (практически всегда в дистанционном формате) [9].

В настоящее время существует целый ряд способов, с помощью которых преступники используют криптовалюту для обмана своих жертв. Чаще всего, надеясь на финансовую неграмотность, злоумышленниками предлагается инвестировать в отдельные веб-сайты, приложения или биржи. Также может быть предложено произвести оплату поддельных крипто-токенов или использовать криптовалюту непосредственно для оплаты других товаров и услуг.

Как уже нами было отмечено, методы обмана в современных реалиях высокой организованности преступных сообществ, занимающихся проработкой новых направлений деятельности, приобретают комбинированный характер.

Изучение полицейских сайтов и иностранной литературы, посвященной противодействию дистанционным формам мошенничества, показало, что для обозначения комбинированных методов в основном используются три термина:

1. «Romance baiting» («Романтическая приманка») – это термин, который впервые был использован в Австралии в пресс-релизе Scamwatch – социальной программы, инициированной полицией в феврале 2021 г. в целях противодействия дистанционным мошенничествам в преддверии Дня святого Валентина.

В пресс-релизе новый вид обмана описывался следующим образом: «Эта новая техника, называемая «приманкой для романтиков», предполагает, что мошенники знакомятся с людьми в приложениях для знакомств, а затем переводят разговор на зашифрованный чат-сайт. После нескольких недель развития отношений мошенник начинает расспрашивать жертву о ее финансах и предлагает ей принять участие в инвестиционной программе [9].

2. Термин «CryptoRom» («Крипторомантическая афера») был использован в ряде зарубежных исследований при рассмотрении многоуровневых схем мошенничеств, совершаемых с использованием различных ме-

тодов установления не только доверия от жертвы, но и активизации любовных чувств.

3. Термин 杀猪盘 («Sha zhu pan») «мошенничество с разделкой свиней». Первые проявления данного вида мошенничества были зафиксированы в Китае в начале 2010-х гг., широкое же распространение, это явление получило в 2018 г. Термин «Sha zhu pan» используется для описания преступной схемы, которая включает в себя:

1) «откорм» жертвы, при котором используются известные методы романтического мошенничества для установления доверия и вероятного выполнения любых требований финансового характера;

2) «забой» жертвы происходит после получения максимального доверия к инвестору. На этой стадии потерпевший переводит все деньги на криптокошелек, подконтрольный мошеннику.

Разные по названию термины, отражают схожий способ мошенничества, включающий в себя сразу несколько методов обмана. Реализация рассматриваемого преступления начинается с подхода к потенциальной цели через приложения для знакомств или другие социальные сети, обычно под видом установления романтической связи. Например, мошенники устанавливают первоначальный контакт через приложение Tandem, где пользователи общаются с человеком, являющимся носителем языка, который они изучают.

Злоумышленник вступает в начальный разговор в приложении, с помощью которого они установили первоначальный контакт с объектом. Затем под различными предложениями разговор переводится в приложение WhatsApp, Telegram, где проводятся обучающие «беседы» о торговле криптовалютами. Общение происходит регулярно, жертве демонстрируются различные подробности роскошного образа жизни злоумышленника. При этом, как правило, транслируются фотографии, которые заранее были обработаны для демонстрации дорогих автомобилей, предметов роскоши, обстановки дорогих отелей и курортов. В контексте разговора мошенник рассказывает о том, что он является криптоинвестором, незатейливо демонстрирует транзакции регулярно поступающей криптовалюты. В отдельных случаях жертве делаются подарки с помощью службы доставки, оказываются знаки внимания, отрабатываются наиболее эффективные психологические приемы по установлению непрерывной социальной связи.

Все манипуляции направлены на то, чтобы жертва согласилась пройти обучение криптоинвестированию и заглотить «наживку» о получении прибыли за короткий промежуток времени. Для этого потерпевшему предлагается установить приложение, зарегистрироваться в нем и привязать свой банковский счет для перевода денег в криптовалюту.

Следует отметить, что при осуществлении традиционных схем «романтических» мошенничеств просьба о переводе денег обычно основывается на обстоятельствах, в значительной степени производных от чрезвы-

чайных (медицинские, уголовно-правовые или деловые расходы). В этих случаях жертв просят напрямую перевести денежную сумму преступнику с помощью различных способов оплаты. При комбинированном способе мошенник, как правило, получает полный доступ к финансовым активам жертвы, которая полностью доверяет «привлекательному и успешному инвестору». Более того, в практике китайских следственных органов встречались случаи, когда жертва «Sha zhu ran» передает злоумышленнику управление не только своими счетами, но и счетами родственников.

Продолжающееся использование видимости подлинных отношений для обмана жертв подчеркивает эффективность этого механизма для установления доверия и взаимопонимания и, в конечном счете, для получения преступной прибыли.

Использование в качестве основы романтические отношения позволяет преодолеть любые подозрения, возникающие при использовании традиционных инвестиционных схем, когда жертвам звонят из кол-центров, предлагая инвестиционные возможности. Кроме того, в этом случае используются методы убеждения, разработанные известными психологами и маркетологами, основанные на симпатии и «социальном доказательстве».

«Установление доверительных отношений основанных на романтизме – это преднамеренная тактика, используемая преступниками, которая позволяет им применять целый ряд методов психологического влияния для установления власти и контроля над жертвами и получения/поддержания выполнения любых финансовых запросов».

«Романтическое» мошенничество, хотя и нацелено на все демографические группы, традиционно пользуется большим успехом у пожилых людей. Например, в Австралии наибольшие потери от романтического мошенничества приходятся на взрослых старше 45 лет. Это во многом объясняется тем, что пожилые люди ищут новых отношений, поскольку предыдущий брак распался, а дети выросли и стали жить самостоятельно. Однако переход к сочетанию криптовалютных инвестиционных схем с мошенничеством в сфере романтических отношений привел к значительному изменению демографической структуры жертв. В новой категории «романтических приманок» жертвами чаще становятся люди более молодого возраста по сравнению с традиционным романтическим мошенничеством. Например, в Китае наибольший ущерб в результате комбинированного мошенничества был нанесен потерпевшим в возрасте 25-34 лет. Многим жертвам сложно осознать реальность своего положения и степень обмана, которому они подверглись. Переход преступников к стратегии получения финансового вознаграждения за счет того, что жертва воспринимает как инвестиции, еще больше снижает вероятность понимания обмана.

Устройства, которые используются организованными преступными сообществами для осуществления мошеннических схем:

1. Портативные электронные устройства, включающие в себя компьютеры, ноутбуки, телефоны и планшеты, которые используются для выхода в сеть Интернет и совершения телефонных звонков.

2. Сетевое оборудование, включающее в себя роутеры и модемы, которые используются для подключения и доступа к сети Интернет, настройки проху-серверов.

3. SIM-box – устройства, которые используются для обхода систем мониторинга и биллинга операторов связи. Оно позволяет злоумышленникам осуществлять международные звонки или отправлять SMS по ценам местного оператора, что может привести к значительным финансовым потерям для операторов связи.

4. Скиммеры – это устройства, которые устанавливаются на банкоматы или терминалы самообслуживания для чтения данных с магнитной полосы банковской карты и записи их на другую карту. В современных условиях используются Bluetooth-скиммеры, блокирующие возможность сканирования чипа банковской карты банкомату, вследствие чего владельцу необходимо воспользоваться магнитной лентой. В результате данные карты и пин-код удаленно передаются посредством Bluetooth.

5. Вредоносное программное обеспечение, к которому относятся троянские программы и кейлоггеры.

6. Фальшивые Wi-Fi-точки доступа – точки доступа к беспроводной сети, которые создаются злоумышленниками для перехвата трафика и получения конфиденциальной информации.

7. Создание ботнет – сети зараженных компьютеров или мобильных устройств, которые управляются злоумышленником для проведения DDoS-атак или других видов кибератак.

С целью установления IP-адреса лица, совершающего мошеннические действия посредством аудио-/видеозвонка, можно использовать программные продукты, предназначенные для анализа трафика. Одним из наиболее популярных инструментов для этой задачи является Wireshark. Функционал Wireshark позволяет проводить фильтрацию исследуемого трафика для отсеивания не представляющего интереса и сосредоточения внимания на интересующем. Фильтрация возможна по IP-адресам, номерам портов и протоколам, для чего используются следующие запросы:

1) `ip.src == x.x.x.x`` для фильтрации пакетов, исходящих от указанного IP-адреса.

2) `ip.dst == x.x.x.x`` для фильтрации пакетов, поступающих от указанного IP-адреса.

3) `ip.addr == x.x.x.x`` для фильтрации пакетов, независимо от направления трафика, но только для указанного IP-адреса.

4) `protocol.port == x``, где `protocol` – это имя протокола (например, tcp или udp), а `x` – номер порта – для фильтрации трафика по номеру порта.

Для фильтрации по протоколу, необходимо ввести в поле фильтра название протокола. В настоящее время к наиболее важному фильтру относится последний, так как при проведении аудио-/видеозвонков через мессенджер WhatsApp, Skype и Discord информацию об IP адресе собеседника можно найти в сетевом протоколе STUN (Session Traversal Utilities for NAT).

Устройства SIM-Box, включают в себя следующие сетевые устройства:

1. GSM-шлюз;
2. SIM Bank;
3. Soft Switch;
4. Управляющий сервер.

На обратной стороне GSM-шлюза есть базовые логин и пароль, а также адрес шлюза по умолчанию для администрирования сетевого устройства.

Для исследования данного устройства необходимо подключиться либо к графическому интерфейсу панели администратора, либо подключиться по протоколам telnet (Teletype Network) или ssh (Secure Shell) в консольном режиме. При исследовании GSM-шлюза можно будет получить информацию о том, какие SIM-карты установлены в SIM Bank (IMEI), таблицу активности SIM-карт, логи GSM трафика, а также конфигурационные файлы. Интерес вызывают конфигурационные файлы, потому что при их анализе можно найти IP-адрес управляющего сервера.

Полезные утилиты и фреймворк для исследования GSM-шлюзов:

1. Advanced IP Scanner – сетевой сканер для анализа локальных сетей. Утилита сканирует все устройства в сети, предоставляет доступ к общим папкам и FTP-серверам, дает возможность удаленно управлять компьютерами (через RDP и Radmin), и даже может удаленно выключать их.

2. Router Scan – утилита, предназначенная для определения различных устройств из большого числа известных роутеров/маршрутизаторов, а также извлекать из них полезную информацию, в частности характеристики беспроводной сети: способ защиты точки доступа (шифрование), имя точки доступа (SSID) и ключ точки доступа (парольная фраза). Помимо этого утилита позволяет получать информацию о WAN соединении и вывести марку и модель роутера. Получение информации происходит по двум возможным путям: утилита проводит подбор пары логин/пароль к маршрутизатору из списка стандартных паролей, в результате чего возможно получение доступа к администрированию. Либо будут поэксплуатированы уязвимости для конкретной модели маршрутизатора, позволяющие получить необходимую информацию и/или обойти процесс авторизации.

3. RouterSploit Framework – это фреймворк с открытым исходным кодом, посвященный эксплуатации уязвимостей сетевых устройств.

SIM Bank в основном не хранит информацию, позволяющую установить управляющее лицо или группу лиц.

Soft Switch может быть представлен как отдельное сетевое устройство (коммутатор или маршрутизатор) либо же может находиться в составе GSM-шлюза. Для исследования, данного устройство необходимо подключиться к нему по протоколам telnet (Teletype Network) или SSH (Secure Shell) в консольном режиме и посредством использования AT-команд получить интересующую информацию. К ней относится таблица маршрутизации о соответствии IP-адресов и MAC-адресов устройств в локальной сети, из которой можно будет узнать IP-адрес управляющего сервера. Помимо этого, строит провести анализ журналов событий программ удалённого доступа компьютерной техники, находящейся в той же сети, что и устройства типа SIM-Box, потому что её могли использовать интересующие лица для настройки сетевого оборудования.

Наиболее популярными программами для удалённого доступа являются TeamViewer и AnyDesk. Обе эти программы ведут журналы событий, анализ которых позволит установить IP-адреса входящих и исходящих соединений.

В случае анализа TeamViewer необходимо выполнить следующие действия:

- в версии QuickSupport выбрать раздел «Дополнительно» или нажать на иконку «Настройки»;
- в других версиях необходимо открыть файлы журналов, расположенные «C:\Program Files\TeamViewer», документ «*_Logfile.txt».

Для получения доступа к журналу событий AnyDesk необходимо перейти в директорию «C:\Users\[имя_пользователя\AppData\Roaming\AnyDesk» и открыть файл «ad.trace» с помощью блокнота. Последующий анализ содержимого журнала позволит установить IP-адреса исходящих и входящих соединений.

С целью выявления и получения информации о фишинговом ресурсе в сети Интернет следует воспользоваться WHOIS-сервисами и специализированными расширениями для браузера и веб-ресурсам. WHOIS-сервисы позволяют получать информацию о владельце IP-адреса или домена, включая его местоположение. К специализированным расширениям для браузера и веб-ресурсам относятся следующие:

1. WOT (Web of Trust) – это расширение для браузера, которое показывает рейтинг доверия к сайту. Оно основывается на отзывах пользователей и других факторах. Если у сайта низкий рейтинг, это может быть признаком фишинга.
2. PhishTank – это база данных фишинговых сайтов, которую поддерживает компания OpenDNS.
3. URLVoid – это бесплатный сервис, который проверяет URL на наличие вредоносного контента и фишинга.

Совместное использование данных ресурсов позволит установить IP-адрес хостинговой компании и дополнительную информацию о ресурсе, которую собрали другие пользователи сети Интернет и веб-краулеры.

Чаще всего вредоносное программное обеспечение, используемое в мошеннических действиях, относится к типу трояны удалённого доступа и кейлоггеры. Оба этих типа имеют связь с управляющим сервером, которое используется либо для дальнейшего удалённого администрирования заражённого устройства, либо для получения информации о вводимых жертвой логинах и паролях.

Для анализа и получения информации об IP-адреса управляющего сервера вредоносной программы можно использовать платформу VirusTotal, которая предназначена для анализа файлов и URL на наличие вредоносного кода. В состав VirusTotal входит модуль проведения анализа в песочницах, благодаря которому можно информацию о том, с каким адресом связана программа.

В случае анализа вредоносных программ, которые разработаны под мобильные устройства, работающие на основе операционных систем Android и iOS, следует воспользоваться фреймворком MobSF. Он позволяет проводить статический и динамический анализ мобильных приложений, в результате которых можно установить IP-адрес управляющего сервера программы.

1. Рудов Д.Н., Чаплыгина В.Н. Электронные средства платежа как объект мошенничества // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных статей. Орёл, 2023. С. 125–132.

2. Колычева А.Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытие и расследование преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 172–179.

3. Морозова Н.В. Некоторые особенности расследования компьютерных преступлений // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ. В 2 ч. Орел, 2022. С. 240–245.

4. Гомозова О.Ю., Чаплыгина В.Н. Утечка персональных данных как одна из проблем «цифровой эпохи» расследования // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных статей. Орёл, 2023. С. 37–44.

5. Нугаева Э.Д., Чаплыгина В.Н. Опыт международных проектов в сфере борьбы с киберпреступлениями // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования:

сборник материалов Международной научно-практической конференции: к 30-летию принятия Конституции РФ. В 2 ч. / редколлегия: К.В. Муравьев [и др.]. Орел, 2023. С. 45–50.

6. Проказин Д.Л., Семенов Е.А., Ляпин А.И. Развитие видеотехнологий в уголовном процессе России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 171–178.

7. Каширгов А.Х., Семенов Е.А. Некоторые вопросы противодействия преступлениям, совершенным с использованием IT-технологий // Евразийский юридический журнал. 2021. № 9 (160). С. 309–310.

8. Ермакова А.Л., Чаплыгина В.Н. Фишинг как распространенное киберпреступление современности // Закон и право. 2022. № 2. С. 149–151.

9. Семенов Е.А. Особенности установления события преступлений, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2023. С. 287–292.

10. Australian Competition and Consumer Commission (2021). Romance baiting scams on the rise. Retrieved May 5, 2023. URL: <https://www.accc.gov.au/media-release/romance-baiting-scams-on-the-rise>.

Сведения об авторах

Никитин Глеб Константинович. Оперуполномоченный отдела исследования информационных систем и технических устройств.

Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России.

115054, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Пионерская, д. 6/8.

Виталий Федорович Васюков. Доктор юридических наук, профессор. Профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Московский государственный университет международных отношений МИД России (МГИМО).

119454, Российская Федерация, г. Москва, просп. Вернадского, д. 76.

Ключевые слова: мошенничество, фишинг, вишинг, информационные технологии, противодействие.

Николюк В.В.

**О НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ А.П. ГУЛЯЕВА «СЛЕДОВАТЕЛЬ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

Автор анализирует разработанную в 1980–1988 гг. профессором А.П. Гуляевым универсальную для общей теории права и ряда конкретных правовых отраслей, включая уголовно-процессуальное право, методологию исследования оптимальности правового регулирования деятельности участников уголовного судопроизводства, осуществляющих производство по уголовному делу (на примере следователя), отмечает ее современную значимость.

Изданная более 40 лет назад монография А.П. Гуляева «Следователь в уголовном процессе» [1] и докторская диссертация по этой же проблематике [2], успешно защищенная А.П. Гуляевым в 1988 г. в Академии МВД СССР, послужили теоретическим фундаментом для обоснования оригинальной теории деятельности следователя в уголовном процессе и методики исследования оптимальности ее правового регулирования. За это время существенно изменились социальный, экономический, политический, научно-технический и конечно же правовой образ государства и общества. Проведена и продолжается судебно-правовая реформа, серьезно задевшая не только судебную деятельность, но и досудебное производство. В связи с этим чрезвычайно актуально предугадывание смены парадигм уголовного процесса для смягчения негативных и недопущения разрушительных последствий дифференциации форм уголовного судопроизводства в сторону их упрощения, резкого сближения уголовного процесса и ОРД, введения с подачи Верховного Суда РФ как субъекта законодательной инициативы квазипрогрессивных и квазиэффективных межотраслевых правовых институтов в виде судебного штрафа и уголовного проступка (удивительно, что последний до сих пор не получил законодательного оформления).

Одной из центральных процессуальных фигур в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования является следователь, без которого немислимо какое-либо движение и тем более направление в суд для разрешения по существу уголовных дел о преступлениях. Поэтому разностороннее изучение проблем, «окруживших» следователя, начиная с повышения престижа и авторитета данной профессии, и продолжая мерами обеспечения четкого регулирования полномочий следователя, сочетающегося с рациональными формами проведения процессуальных и следственных действий, — должны составлять стратегическую ли-

нию в деятельности правительственных и законодательных органов по поддержке следственного аппарата независимо от его ведомственной принадлежности.

Социально-политическая роль и место следователя в системе государственных органов, противостоящих преступности, его процессуальные функции, принципы или общие условия их деятельности, взаимодействие с органами дознания, новеллы уголовно-процессуального доказывания, оптимизация форм расследования в зависимости от категории преступления, освобождение от анахронизмов и процессуальных догм в конструкциях институтов привлечения лица в качестве обвиняемого, составления обвинительного заключения, ознакомления участников процесса с материалами уголовного дела, обжалования решений и действий следователя, пределы процессуальной самостоятельности следователя, аргументированно позволяющие действовать ему единолично, не согласовывая свои действия с ведомственным руководством, прокурором и судом – вот примерный перечень исследовательских направлений, в которых принимал участие профессор А.П. Гуляев. Указанные сегменты досудебного уголовного судопроизводства рассматривались и в других научных произведениях незаурядного юриста [3], однако квинтэссенцией его научного творчества являются, без сомнения, указанные ранее монография и докторская диссертация. Основные положения научной платформы «Следователь в уголовном процессе», разработанной А.П. Гуляевым (1980–1988 гг.), выразались в применении методологии, предполагающей широкий качественный анализ всего правообразования (подотрасли) [4], посредством которого регулируется деятельность должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с акцентом на следователя, и выработкой собственных методик определения оптимальности правового регулирования деятельности следователя, включающих системный подход к исследованию совокупности норм, регламентирующих деятельность следователя, выбранные признаки оптимальности права (например, обусловленность объективными потребностями и закономерностями развития регулируемой сферы общественных отношений или социальная полезность права; рациональность правовых форм и средств достижения целей или экономичность; соответствие избранных правовых средств наиболее успешному достижению целей или надежность средств)¹. Коренным признаком, показа-

¹ В плане постановки вопроса о восприятии правообразования, регулирующего деятельность следователя, как подотрасли уголовно-процессуального права, А.П. Гуляев опередил время. В последней четверти предыдущего столетия, как и в текущий момент, стройной теории данного вопроса не разработано в отличие от доктрины уголовно-процессуальных институтов. В литературе представлено несколько самостоятельных теоретических позиций, на платформе которых с различной степенью аргументирован-

телем оптимальности права А.П. Гуляев считал объективную обусловленность правообразования.

Важное методологическое значение имеет авторский подход к выделению среди многих схожих норм цели конкретной правовой нормы. Подчеркивается, что цель правовой нормы не может быть выведена из нее непосредственно. Нормы рассматриваемой подотрасли, отмечает А.П. Гуляев, тесно связаны между собой, со всей системой норм, в которую они входят, и для идентификации цели необходимо каждый раз отталкиваться от более общих целей. Есть особенности в характеристике многоцелевых норм, у которых есть главное назначение, прямая цель.

Таким образом, значительная часть диссертации (первая ее часть) посвящена разработке концепции оптимальности права, признаков (критериев) его оптимальности, методов исследования качества правовых образований. Указанная методология носит универсальный характер и может быть применена общей теорией права, иными отраслями права [подробнее см.: 5].

Вторая часть докторской диссертации А.П. Гуляева объединяет исследуемые конкретные актуальные проблемы регламентации в законе деятельности следователя, среди которых выделяются по глубине теоретической разработки категории процессуальных функций следователя, средств их осуществления, а также принципов деятельности следователя.

В основе авторского подхода к трактовке содержания и видов процессуальных функций находится тезис о первичности функций участников процесса по отношению к его процессуальному положению. Именно они непосредственно определяют правовое положение участника процесса. Отмечая положительные и негативные стороны концепции трех процессуальных функций, считая закономерным явлением совмещение у следователя функций обвинения и защиты, а в известных пределах и разрешение дела, А.П. Гуляев занял позицию о реализации следователем восьми процессуальных функций [1].

Завершая краткий анализ ключевых позиций А.П. Гуляева в части методологии исследования феномена следователь в уголовном процессе и направлений совершенствования правового регулирования деятельности следователя, нельзя не сказать и о существенном вкладе ученого в разрешение многих других острых вопросов, связанных с фигурой следователя как участника уголовного процесса (правовые гарантии законности деятельности следователей, обеспечение его процессуальной самостоятельности [6], быстроты предварительного следствия и др.)¹.

ности обсуждаются проблемы образования подотраслей уголовно-процессуального права.

¹ Высказанные А.П. Гуляевым суждения о возможности обеспечения процессуальной самостоятельности следователя лишь при условии сочетания как правовых, так и орга-

Безусловно, выход в 1981 г. монографии А.П. Гуляева «Следователь в уголовном процессе», защита им в 1988 г. докторской диссертации по теме «Совершенствование правового регулирования деятельности следователей», опубликование нескольких десятков интересных и порой откровенно смелых статей по данной проблематике, означали, что в теории уголовного процесса обосновано оригинальное научное направление, разработана теория, которая выходит далеко за границы частной теории в науке уголовного процесса. Данное учение, как показала последующая нормотворческая практика и соответствующие научные исследования, ощутимо повлияло и продолжает оказывать влияние на нормативное регулирование и организацию досудебного уголовного судопроизводства. В статусе члена рабочих групп по подготовке законопроектов, в том числе проекта УПК РФ, А.П. Гуляев открыто и честно противостоял «иностранный процессуальной интервенции», сильно переживал по поводу того, что российский уголовный процесс может скатиться до своего рода нормативной уголовно-процессуальной франшизы¹.

Многие теоретические представления о функциях и принципах деятельности следователя преобразовались в доктринальные проектные нормы, часть из которых восприняты законодателем. На долгие годы им уготованы внимание правоприменителя и фактическое участие в регламентации общественных отношений, движимых юридическими актами следователя.

И еще два важных момента. Первый тезис касается подготовки научных работ такого жанра как «Научно-практический комментарий к закону». В качестве примера остановимся на комментариях к УПК РФ.

Предназначение комментария к УПК РФ виделось А.П. Гуляевым следующим. Сложившаяся многолетняя практика подготовки таких информационных источников, небезосновательно считал он, сводится преимущественно к пересказу текста комментируемой статьи и в нем невозможно найти ответ на возникший в судебной практике проблемный вопрос. Отсюда предлагалось изменить концепцию написания комментария к УПК РФ, включая в него только спорные, обусловленные недостатками и пробелами правового регулирования вопросы.

Второй «дидактический» тезис обусловлен участием ученых в подготовке и издании учебников «Уголовный процесс».

В современных условиях издается и переиздается много учебников по уголовному процессу. Как минимум 6-7 таких учебников подготовлены

низационных мер, созвучны с современными адекватными представлениями ученых-процессуалистов по вопросу о процессуальной самостоятельности следователя.

¹ На опасность типизации уголовно-процессуального регулирования, подчинения его «межгосударственным стандартам» правильно указывает Л.В. Головкин [7].

и используются в системе образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России. Они существенно разнятся по содержанию, структуре, внутреннему устройству. Как полагал А.П. Гуляев, в МВД РФ должно было принять решение о подготовке наиболее квалифицированными специалистами в области уголовного процесса (скамейка таких ученых-процессуалистов известна) развернутого курса уголовного процесса. Обязательными требованиями к нему уважаемый ученый-педагог называл высокий теоретический уровень представляемого учебного материала, отражение особенностей участия в расследовании уголовных дел сотрудников органов, осуществляющих ОРД, вопросов использования результатов ОРМ в доказывании, рассмотрение последствий сближения уголовного процесса и ОРД [8].

Данная идея представляется интересной и перспективной, практически реализуемой, а такой курс уголовного процесса сыграл бы позитивную роль в обучении слушателей и курсантов, донес бы до них новейшие достижения уголовно-процессуальной науки.

Оба вопроса искренне и глубоко волновали А.П. Гуляева как неперенного автора комментариев и учебников.

Краткий анализ успешно реализованного проф. А.П. Гуляевым научного проекта «Следователь в уголовном процессе» (1980–1988 гг.) хочу завершить словами моей коллеги доктора юридических наук, профессора О.А. Малышевой, в защите диссертации которой А.П. Гуляев принимал участие в качестве официального оппонента. Будучи хорошо осведомленной о его реальных научных разработках, О.А. Малышева отмечает, что они внесли «неоценимый вклад в совершенствование правового регулирования процессуальной деятельности не только следователя, но и иных властных участников уголовного судопроизводства. Подтверждением сказанному выступает содержание правовых норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих принципы уголовного судопроизводства, процессуальные сроки, полномочия следователя, руководителя следственного органа, прокурора и др.» [9]¹.

1. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981.

2. Гуляев А.П. Совершенствование правового регулирования деятельности следователя. М.: Академия МВД СССР, 1988.

¹ В лучшем в стране на сегодняшний день учебно-научном издании по уголовному процессу, подготовленном учеными юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, вопросу о соотношении предварительного расследования и ОРД отведено лишь несколько страниц. И авторов курса трудно в этом упрекнуть, поскольку он предназначен для подготовки гражданских юристов.

3. Гуляев А.П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М., 1976; Он же. Функции следователя. М.: Академия МВД СССР, 1981; Он же. Дознание по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия // Дознание в советском уголовном процессе. М.: МВШМ МВД СССР, 1986 и др.

4. Николук В.В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: мат-лы междунар. науч. практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова / пред. редкол. А.В. Павлов. Омск: Омская академия МВД России, 2024. С. 68–75.

5. Гуляев А.П. Совершенствование правового регулирования деятельности следователя: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988.

6. Кальницкий В.В. Процессуальная самостоятельность следователя и дознавателя // Законодательство и практика. 2023. С. 63–69.

7. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство. М., 2022. С. 157–158.

8. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л.В. Головкин. М., 2021. С. 665–669.

9. Малышева О.А. Развитие научных идей А.П. Гуляева о принципах деятельности следователя в УПК Российской Федерации (к 80-летию профессора Анатолия Петровича Гуляева) // Российский следователь. 2014. № 7. С. 7.

Сведения об авторе

Николук Вячеслав Владимирович. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Главный научный сотрудник.

ВНИИ МВД России.

121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

Ключевые слова: следователь, процессуальные функции следователя, принципы деятельности следователя, правовое регулирование, оптимальность, методология исследования.

Нуждин А.А.

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена рассмотрению проблем законодательного закрепления в уголовно-процессуальном законе функции предупреждения пре-

ступлений. Дан краткий ретроспективный анализ уголовно-процессуального законодательства по вопросу организации предупредительной деятельности. Представлена точка зрения профессора А.П. Гуляева по применению уголовно-процессуальных норм в предупредительной деятельности следователя.

Деятельность по предупреждению преступлений выступает важным и неотъемлемым направлением деятельности всей системы правоохранительных органов. Недопущение совершения преступного деяния, его предотвращение или пресечение является наиболее эффективным. Естественно, предупредить совершение всех преступлений невозможно. Такая ситуация имела бы место «при отмене особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации» (данный тезис был высказан профессором Л.И. Беляевой на Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», г. Рязань, 21 ноября 2019 г.). Однако к достижению таких целей необходимо стремиться.

На законодательном уровне, в кодифицированных нормативных актах подобные задачи ставятся. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 2 определяет свои задачи, среди которых «... а также предупреждение преступлений». В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (ст. 1) «... предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» уже выступает в качестве цели. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в ст. 1.2 указывает на задачу «... предупреждение административных правонарушений». Нам, как исследователям, не совсем понятна градация одной и той же деятельности – предупреждение противоправных деяний – на цели и задачи. Однако данный вопрос не является предметом нашего исследования.

Парадоксальная ситуация в настоящий момент сложилась в сфере уголовно-процессуального законодательства. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не использует терминологию «цели» и «задачи», а формулирует в ст. 6 назначение уголовного судопроизводства: 1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Так же в ч. 2 ст. 6 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет, что «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства ...». Можно утверждать, что указанное выше по своей сути

не являются задачами уголовного судопроизводства, а скорее выступают в качестве функций¹.

Непосредственно про предупреждение преступлений в действующем уголовно-процессуальном законе нет никакой нормы. Предупредительное значение уголовно-процессуального законодательства прослеживается в ч. 2 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления» и в ч. 2 ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. «Установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона». В этой части уголовно-процессуальный закон потерял некую преемственность с ранее действовавшими Уголовно-процессуальными кодексами. Так, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. в ст. 360 закреплял, что «недостаточным и неправильно проведенным признается следствие, которое проведено неправильно, то есть таким образом, что не подвергались обследованию и выяснению возможные действительные причины, обстоятельства и виновные в совершении преступления, коих подлежало выяснить» [1]. Уголовно-процессуальный кодекс в этой редакции действовал недолго, через несколько месяцев было принято решение о переработке уголовно-процессуального законодательства. С одной стороны, новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. не претерпел существенных изменений, но с другой – уже никаким образом не предусматривал задач предупреждения преступлений или выяснения причин, или обстоятельств их совершения [2, с. 127]. Ситуация кардинально изменилась с принятием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., который в задачах уголовно-процессуальной деятельности устанавливал, что «уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений» [3].

В середине XX в. ученые стали активно обсуждать как наличие, так и необходимость уголовно-процессуального (и, как следствие, криминалистического) предупреждения. Здесь можно отметить работы Г.Н. Алек-

¹ Задача – то, что дано или необходимо разрешить, выполнить; цель к которой стремятся, хотят достичь. (Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.) Функция – деятельность, роль объекта в рамках некоторой системы, которой он принадлежит. (Новейший философский словарь / [В.А. Кондрашов, Д.А. Чекалов, В.П. Копорулина]. Изд. 3-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 668 с.)

сандрова [4], С.П. Митричева [5], В.П. Колмакова [6], А.Н. Васильева [7], Р.С. Белкина [8] и многих других.

Как уже отмечалось выше, действующий уголовно-процессуальный закон прямо не указывает на предупреждение преступлений, вследствие чего к данному направлению интерес ученых снизился. С практической точки зрения выявлять и в последующем устранять выявленные обстоятельства является необходимым. Ведь устранив причины и условия совершения конкретного преступления, мы делаем невозможным совершение подобного преступного деяния вновь. Остается загадкой, чем руководствуется следователь (дознатель) не выявляя в процессе расследования причины и условия преступного деяния, а также, не внося представления об устранении выявленных обстоятельств. Велика вероятность, что проблема кроется в формулировке правовой нормы. Как справедливо отмечает Е.Н. Клещина, «... правильное в уголовно-процессуальном законе применять термин «причины и условия, способствующие совершению преступления», а не «обстоятельства, способствующие совершению преступления». Именно термины «причины» и «условия» подчеркивают криминологический аспект такой деятельности, ее сущность» [9, с. 141]. Так же не совсем понятна логика законодателя, который дал право, а не обязал по окончании предварительного расследования вносить представление о принятии мер по устранению рассматриваемых обстоятельств.

С точки зрения форм статистической отчетности доля вносимых представлений (в системе органов внутренних дел) велика – 79 % по отношению к расследованным преступлениям (в среднем за 5 лет). Но качество внесенных представлений, их логичность, правильность и эффективность оставляет желать лучшего¹.

Предупредительные функции уголовно-процессуального законодательства, как уже отмечалось выше, не оставались без внимания многих ученых-процессуалистов. Известнейший ученый-правовед, специалист в области досудебного производства и деятельности органов предварительного расследования, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Анатолий Петрович Гуляев посвятил изучению данного направления не один свой научный труд. В этой связи совершенно обоснованным является посвятить Международную научно-практическую конференцию, проводимую на базе Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова 11 октября 2024 г., памяти Анатолия Петровича Гуляева. В своих работах он указывал, что «на предупреждение преступлений, в конечном счете, направлена вся деятельность следователя. Быстрое и полное их раскрытие, изобличение винов-

¹ По специально разработанной анкете было изучено 482 архивных уголовных дела о преступлениях, совершенных осужденными в исправительных учреждениях.

ных, обеспечение неотвратимости ответственности – все это, являясь составной частью уголовного судопроизводства, способствует укреплению законности, предупреждению и искоренению преступлений ...» [10, с. 50]. Анатолий Петрович понимал, что в процессе расследования следователь обязан не только выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, но и принимать меры к их устранению. Профессор А.П. Гуляев указывал (вопреки устоявшемуся мнению), что следователь обязан устранять обстоятельства преступного деяния уже на стадии возбуждения уголовного дела.

Анатолий Петрович справедливо считал, что «одним из основных процессуальных средств, специально предназначенных для предупреждения преступлений, является представление следователя» [10, с. 51]. Действительно, для внесения представления не требуется полного производства или окончания расследования. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, могут быть выявлены на любом этапе расследования. Анатолий Петрович описывал (в настоящее время необоснованно забытые) формы предупредительной деятельности как «выступления в коллективах по конкретным уголовным делам, внесение обобщенных представлений, направление информации в органы государственной власти» [10, с. 52]. Аспекты предупредительной функции следователя (дознателя) освещались и в иных работах профессора А.П. Гуляева [11–13].

К сожалению, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит в своем содержании ни целей, ни задач, ни назначения организации предупредительной деятельности. Однако функция по предупреждению преступлений у следователей (дознателей) сохранена, о ней не стоит забывать и активно использовать в практической деятельности. Ведь со времен работы и научного творчества советских ученых-правоведов, в том числе Анатолия Петровича Гуляева, по сути ничего не изменилось, дух уголовно-процессуального закона остался все тот же.

1. Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 20-21, ст. 230. (Утратил силу.)

2. Нуждин А.А. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений: история и современность // Советская и российская криминалистика: традиции и перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2023. С. 126–130.

3. Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592. (Утратил силу.)

4. Александров Г.Н. Совершенствование методов расследования преступлений – в центре внимания советской криминалистики // Социалистическая законность. 1948. № 2. С. 7–8.

5. Митричев С.П. Задачи советской науки криминалистики // Социалистическая законность. 1951. № 6. С. 6–17.
6. Колмаков В.П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений // Советское государство и право. 1961. № 12. С. 106–109.
7. Васильев А.Н. Предмет криминалистики // Социалистическая законность. 1967. № 1. С. 29–33.
8. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики. В 3 т. Т. 1. М.: Юристъ, 1997. 408 с.
9. Клещина Е.Н. О роли УПК РФ в предупреждении преступлений // Теория и практика общественного развития. 2009. № 1. С. 139–143.
10. Гуляев А.П. Процессуальные функции следователя: учебное пособие / Академия МВД СССР. М., 1981. 60 с.
11. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1981. 192 с.
12. Гуляев А.П., Данилюк С.А., Забарин С.Н. Задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления: учебное пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1988. 44 с.
13. Гуляев А.П., Туленков П.М., Усков В.М. Обеспечение следователем возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. М.: ВНИИ МВД СССР, 1978. 44 с.

Сведения об авторе

Нуждин Андрей Александрович. Кандидат юридических наук, доцент. Заместитель начальника юридического факультета.

Академия ФСИН России.

390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

Ключевые слова: предупреждение, преступление, функция, уголовно-процессуальный закон, А.П. Гуляев.

Овсянников Ю.В.

ПОЛНОМОЧИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, РАССМАТРИВАЮЩИХ И РАЗРЕШАЮЩИХ ИНФОРМАЦИЮ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В статье рассмотрены отдельные теоретические и практические вопросы процессуального положения и процессуального статуса должностных лиц и государственных органов на этапе принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела.

Стадия возбуждения уголовного дела, располагая возможностью производства предварительной проверки, содержит значительный, но неоднородный круг субъектов (должностных лиц и государственных органов), способных осуществлять эту деятельность. Вместе с тем при реализации ими полномочий нередко возникают определенные затруднения, порождаемые, в первую очередь, недостатками правового регулирования. Кроме того, в последние годы ведомственными нормативными актами, постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации внесены коррективы, которые побудили нас обратиться к рассмотрению данного вопроса.

В ч. 1 ст. 145 УПК РФ говорится, что орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа принимают решения по результатам рассмотрения поступивших к ним заявлений и сообщений о любом совершенном или подготавливаемом преступлении. При этом четко оговаривается круг решений, которые могут быть приняты этими должностными лицами на первоначальном этапе уголовного процесса.

В соответствии со ст. 145 УПК по поступившему заявлению или сообщению о преступлении должно быть принято одно из следующих решений: 1) о возбуждении уголовного дела; 2) об отказе в возбуждении уголовного дела; 3) о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ. Однако содержание стадии возбуждения уголовного дела значительно шире и не исчерпывается принятием только перечисленных решений. Оно состоит и в процессуальной деятельности до принятия решения по заявлению или сообщению, именно здесь рассматривается и разрешается ряд вопросов, предшествующих вынесению итогового постановления.

В связи с этим считаем необходимым обратить внимание на следующие обстоятельства.

1. В п. 31 ст. 5 УПК РФ содержится разъяснение, согласно которому термин «прокурор» включает в себя следующих субъектов: Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями Федеральным законом о прокуратуре [1]. Такое же толкование термина «прокурор» дает ст. 54 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2]. На основании изложенного можно констатировать, что все названные прокуроры, а также их заместители и помощники обладают правом на принятие решений в стадии возбуждения уголовного дела.

2. Участие прокурора на этом этапе уголовного судопроизводства связано не только с рассмотрением и разрешением информации о преступлении, но и с осуществлением надзора за этой деятельностью. Последнее наделяет прокурора возможностью принятия ряда свойственных только

ему решений. На наш взгляд, эти решения могут быть сгруппированы в следующие блоки: а) решения, связанные с проверкой исполнения требований закона и ведомственных нормативных актов о приеме и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); б) решения, связанные с надзором за своевременностью разрешения информации о преступлениях, а также правомерностью производимых при этом действий (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); в) решения, связанные с осуществлением надзора за законностью и обоснованностью итоговых актов, принимаемых в стадии возбуждения уголовного дела (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

3. В ст. 144, 145, 146 УПК РФ среди субъектов, уполномоченных разрешать заявления и сообщения о преступлениях, упомянут орган дознания. Вместе с тем в уголовно-процессуальном законодательстве употребляются термины «орган дознания» (ст. 40 УПК РФ), «начальник подразделения дознания» (ст. 40.1 УПК РФ), «начальник органа дознания» (ст. 40.2 УПК РФ), «дознатель» (ст. 41 УПК РФ). Под органом дознания принято понимать государственный орган или должностное лицо, уполномоченное законом на осуществление уголовно-процессуальной деятельности [3]. Кроме того, органом дознания, согласно п. 24 ст. 5 УПК РФ являются государственные органы и должностные лица, уполномоченных в соответствии с УПК РФ осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия. Но, наверное, неправильным было бы полагать, что любой работник органа дознания наделен всеми полномочиями по разрешению информации о преступлениях. (Хотя в теории уголовного процесса высказывается и противоположная точка зрения. Так, А.П. Рыжаков считает, что если ведомственными нормативными актами не оговорено иное, то решения о возбуждении уголовного дела могут приниматься любым работником органа дознания (не только «главствующим», но и «подчиненным» [см.: 4].) Выражения законодателя: «орган дознания вправе...» носит, по нашему мнению, абстрактный характер. К числу органов дознания законодатель отнес государственные органы, учреждения, выполняющие, как правило, среди прочих и административные функции. Возглавляет такое учреждение руководитель, который несет ответственность (дисциплинарную, моральную и др.) за четкое и надлежащее выполнение им всех функций, в том числе и функции расследования. Поэтому руководитель учреждения вправе принимать все решения и осуществлять любые действия, по уголовным делам и материалам, находящимся в компетенции данного органа дознания. То есть в тех случаях, когда законодатель ведет речь о правах или обязанностях органа дознания, необходимо иметь в виду, что этим объемом прав и обязанностей располагает начальник органа дознания.

Дознатель – это должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, то есть участвовать в уголовно-процессуаль-

ной деятельности. При этом лицу, дознавателю делегируется часть полномочий органа дознания по осуществлению следственных и проверочных действий, принятию отдельных решений. Принятие основных решений по делу возлагается на дознавателя, а не остается прерогативой начальника органа дознания. Если применительно к предварительному расследованию законодатель разграничивает отдельные полномочия между органом дознания и дознавателем, то для первоначального этапа уголовно-процессуальной деятельности такого разграничения не сделано. Дознаватель упоминается в качестве субъекта этой стадии.

4. В связи с рассмотрением органа дознания как субъекта стадии возбуждения уголовного дела считаем необходимым обратить внимание еще на два обстоятельства. Во-первых, является недостаточно четким законодательное регулирование полномочий такого органа дознания, как полиция. Принятый Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в определенной степени затронул сферу уголовного судопроизводства, поскольку данным законом был изменен процессуальный статус начальника отдела полиции. Возникли неясности с процессуальной функцией, выполняемой в дознании этим должностным лицом.

С одной стороны, контроль за процессуальной деятельностью специализированных подразделений дознания возложен на его заместителей, с другой – начальник отдела полиции наделен правом лишь в исключительных случаях поручать соответствующему подразделению дознания полиции проведение дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно. Ему также запрещено вмешиваться в процессуальное руководство, осуществляемое начальником полиции.

Анализ отдельных положений закона все же свидетельствует о том, что начальник отдела полиции причастен к дознанию, выполняя функции в большей степени организационные, чем процессуальные. Так, он обязан: обеспечивать взаимодействие всех служб и подразделений по выявлению лиц, совершивших преступления, независимо от подследственности уголовных дел; поддерживать на должном уровне систему немедленного реагирования на заявления, сообщения о преступлениях; организовывать работу по своевременному предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений и т.п.

5. Суд (судья), как субъект стадии возбуждения уголовного дела согласно закону, обладает всеми полномочиями по судебному контролю за принятием основных и промежуточных решений.

6. Из текста закона вытекает круг решений, которые присущи только деятельности судьи на рассматриваемом этапе уголовного судопроизводства. Так, в ч. 5 ст. 319 УПК РФ говорится о том, что судья принимает меры к примирению потерпевшего с лицом, на которого подана жалоба. Деятельность судьи в этой части может рассматриваться как выбор средств и способов, направленных на примирение сторон, а также как принятие реше-

ния о применении конкретной меры, способной повлечь примирение. Кроме того, встречные жалобы по делам частного обвинения могут быть объединены судьей в одно производство (ч. 3 ст. 321 УПК РФ). Это указывает на наличие еще как минимум одного вида решения, принимаемого судьей.

7. Существует комплекс полномочий суда в связи с осуществлением контроля за обеспечением прав личности в стадии возбуждения уголовного дела. Согласно ст. 125 УПК РФ решение об отказе в возбуждении уголовного дела может быть обжаловано в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

Подводя итог, считаем необходимым отметить, что в правовом регулировании полномочий должностных лиц и государственных органов, рассматривающих и разрешающих информацию о преступлении, существует достаточное число пробелов, которые необходимо устранить на законодательном уровне.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: с изм. от 29 мая 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О Прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации: в ред. от 29 мая 2024 г. № 113-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47, ст. 4472.

3. Словарь основных уголовно-процессуальных понятий и терминов. Омск, 1997. С. 42.

4. Рыжаков А.П. Органы дознания в уголовном процессе. М., 1999. С. 101; Калачева А.В. Орган дознания: обособленное подразделение государственного аппарата или уголовно-процессуальный статус? // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 127–128.

Сведения об авторе

Овсянников Юрий Васильевич. Кандидат юридических наук. Доцент кафедры уголовного процесса.

Сибирский юридический институт МВД России.

660131, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, орган дознания, прокурор, следователь, процессуальные решения.

Павлов А.В., Сквородко А.А.

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ С ПОСЛЕДУЮЩИМ ПРЕКРАЩЕНИЕМ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ, ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИЛИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Внесены системные изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, позволяющие решить вопрос об освобождении от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы. Новеллы коснулись правового регулирования приостановления и прекращения предварительного расследования. На основе анализа правоприменительной практики предложен алгоритм действий при принятии данных процессуальных решений.

Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] в ст. 208 УПК РФ, предусматривающую основания, сроки и порядок приостановления предварительного следствия, было введено новое основание под п. 31, а именно призыв подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключение ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также прохождение ими военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

В связи с тем, что в настоящее время в законе нет точного алгоритма действий следователя по приостановлению предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 31 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, настоящая статья несет сугубо практический характер для должностных лиц, в полномочия которых входит принятие процессуальных решений по уголовному делу. Итак, действующее уголовно-процессуальное законодательство разрешает подозреваемым (обвиняемым) в любой момент производства по уголовному делу в период мобилизации, военного положения или военного времени заключить контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – ВС РФ). Как правило, лица, заключившие указанный контракт, отправляются в зону проведения Специальной военной операции (далее – СВО).

Информация о том, что подозреваемый (обвиняемый) заключил контракт о прохождении военной службы в ВС РФ, может поступить следова-

телю в виде ходатайства о приостановлении предварительного следствия от самого подозреваемого (обвиняемого), кроме того, заявление указанного ходатайства возможно и от его родственников или защитника в случае, если подозреваемый (обвиняемый) убыл в зону проведения СВО без уведомления об этом органов предварительного следствия.

Согласно ч. 9 ст. 208 УПК РФ, по основанию п. 31 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, предварительное следствие приостанавливается на основании ходатайства командования воинской части (учреждения). В настоящий момент, в связи с большой загруженностью работы учреждений Министерства обороны Российской Федерации (далее – МО РФ), следователь на основании имеющейся информации о том, что подозреваемый (обвиняемый) заключил контракт о прохождении службы по контракту в ВС РФ, направляет соответствующий запрос начальнику военного комиссариата субъекта РФ по месту расположения органа предварительного следствия. Следует запросить документы, подтверждающие подписание контракта/убытие подозреваемого (обвиняемого) в зону проведения СВО, а также и само ходатайство о приостановлении уголовного дела в связи с данным фактом.

Военный комиссариат представляет ходатайство о приостановлении предварительного следствия, в котором указывается, что подозреваемый (обвиняемый) признан годным к военной службе и принято решение о его приеме на военную службу по контракту. К указанному ходатайству также должны быть приложены следующие документы:

- копия заявления о рассмотрении кандидатуры подозреваемого (обвиняемого) для поступления в добровольном порядке на военную службу по контракту в ВС РФ и назначения на воинскую должность;
- выписка из протокола заседания совместной комиссии пункта отбора на военную службу по контракту подозреваемого (обвиняемого);
- выписка из приказа начальника пункта отбора на военную службу по контракту подозреваемого (обвиняемого)
- копия контракта о прохождении военной службы подозреваемого (обвиняемого).

После получения вышеуказанного пакета документов, следователь рассматривает и разрешает ходатайство о приостановлении предварительного следствия в отношении подозреваемого (обвиняемого) на основании п. 31 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в связи с заключением последним контракта о прохождении военной службы в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, с приобщением к уголовному делу вышеперечисленных документов. В юридической литературе отмечается, что в этом случае, по сути, процессуально закреплена возможность командования воинской части (учреждения) давать указание органам, осуществляющим предварительное расследование, в принятии процессуального решения о приостановлении уголовного дела по новому основанию, но облеченное законодателем в понятие «ходатайство» [2, с. 10–15].

Тем не менее следует обратить внимание на то, что данное ходатайство выступает лишь одним из источников сведений, свидетельствующих о наличии основания для приостановления предварительного расследования. Однако для принятия этого решения кроме оснований, требуется учитывать и условия, при которых оно может быть принято. В частности, возможно востребовано производство следственных действий, которые могут реализованы в отсутствии подозреваемого (обвиняемого).

После выполнения вышеуказанного алгоритма действий, следователь, при наличии оснований и условий выносит мотивированное и обоснованное постановление о приостановлении предварительного следствия по основанию п. 31 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, заложив в его основу тот факт, что МО РФ было заявлено ходатайство о приостановлении предварительного следствия в отношении подозреваемого (обвиняемого), в связи с заключением последним контракта о прохождении военной службы в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

Изменения коснулись и действия мер пресечения. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 110 УПК РФ решение о приостановлении предварительного расследования, по рассматриваемому основанию, влечет отмену в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения. Если исходит от обратного, то следует вывод, что при приостановлении предварительного расследования по иным основаниям мера пресечения сохраняет свое действие. В этой связи полагаем, данная новелла является излишней, с приостановлением предварительного расследования действие меры пресечения отменяется. Контроль за поведением таких лиц до момента их освобождения от ответственности будет осуществляться командованием воинских частей (учреждений). Данное, по сути своей процессуальное правило, нашло формальное отражение в ч. 2 ст. 78.1 УК РФ. Подобный законодательный прием вызывает некоторые возражения, ставится под сомнение возможность обеспечения надлежащего поведения данной категории лиц. В частности, неясно, каков характер ограничений, какие правовые последствия наступают в отношении командования воинской части (учреждения) в случае ненадлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого).

Также Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ была введена ст. 282 УПК РФ, устанавливающая порядок прекращения уголовного преследования в связи с заключением контракта о прохождении военной службы в ВС РФ в период мобилизации, военного время или военного положения. Согласно данной статье, уголовное преследование по ранее приостановленному уголовному делу на основании п. 31 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, прекращается по ходатайству командования воинской части (военного комиссариата соответствующего субъекта РФ) при получении информации от уполномоченных органов о случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 78.1 УК РФ. В данный перечень случаев входит следующее: подозреваемый

(обвиняемый) был награжден государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы; подозреваемый (обвиняемый) был уволен с военной службы в связи с достижением предельного возраста пребывания на ней или был уволен по состоянию здоровья; период мобилизации был окончен, отменено военное положение.

Прекращение уголовного преследования в отношении данной категории лица, в соответствии с ч. 2 ст. 282 УПК РФ, допускается только с их согласия. Оно должно быть выражено в виде ходатайства о том, что лицо не возражает против прекращения уголовного преследования в отношении него на основании ч. 1 ст. 282 УПК РФ. В случае если лицо возражает против данного решения, то производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке (ч. 3 ст. 282 УПК РФ).

После заявления МО РФ и подозреваемым (обвиняемым) вышеуказанных ходатайств, следователь с согласия руководителя следственного органа выносит мотивированное постановление о прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого) по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 282 УПК РФ. Нам представляется, в данном случае следователь не имеет право на усмотрение и обязан принять решение о прекращении уголовного преследования. Ведомственный процессуальный контроль направлен на проверку как достаточных доказательств, указывающих на причастность лица к совершению преступления, так и необходимых сведений, свидетельствующих о наличии оснований принятия решения.

Таким образом, следователю необходимо выполнить следующий алгоритм действий по приостановлению предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 31 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, и последующим его прекращением по основанию ч. 1 ст. 282 УПК РФ:

1. Запросить обращение от МО РФ о приостановлении предварительного следствия по основанию п. 31 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в связи с заключением подозреваемым (обвиняемым) контракта с ВС РФ о прохождении военной службы, с приложением к ходатайству документов, подтверждающих заключение контракта подозреваемым (обвиняемым);

2. Рассмотреть и разрешить ходатайство МО РФ;

3. Вынести постановление о приостановлении предварительного следствия по п. 31 ч. 1 ст. 208 УПК РФ;

4. Разрешить ходатайство МО РФ о прекращении уголовного преследования в отношении лица по основанию ч. 1 ст. 282 УПК РФ;

5. Получить согласие подозреваемого (обвиняемого) о прекращении в отношении него уголовного преследования по основанию ч. 1 ст. 282 УПК РФ.

6. С согласия руководителя следственного органа вынести мотивированное постановление о прекращении уголовного преследования в от-

ношении лица, совершившего преступление и в отношении которого уголовное дело было приостановлено на основании п. 31 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Латыпов В.С. Институт приостановления предварительного расследования в свете внесенных изменений Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2 (42).

Сведения об авторах

Павлов Антон Васильевич. Кандидат юридических наук, доцент. Начальник кафедры уголовного процесса.

Омская академия МВД России.

644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, д. 7.

Сковородко Артем Андреевич. Следователь.

ОРПТО ОП 7 СУ УМВД России по г. Омску.

644043, Российская Федерация, г. Омск, ул. 6 Северная, д. 3.

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования, прекращение уголовного преследования, мобилизация, военное положение, подозреваемый (обвиняемый).

Политыко О.Е.

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

В настоящее время масштаб преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, имеет впечатляющий размер. Наличие высоких показателей преступлений, совершаемых с использованием ИТ-технологий в банковской сфере, обуславливает необходимость формирования методологии противодействия преступности в данной сфере.

С возникновением такого явления как IT-технологии в обществе произошло множество различных преобразований, одним из которых является преступность в данной сфере – киберпреступность.

Изначально совершение преступлений с использованием IT-технологий были присущи узкому кругу лиц, так как данный вид преступлений требует высоких познаний в данной сфере. Однако в настоящее время ряд информации о методах и способах совершения преступлений в сфере IT-технологий были выброшены в массы, в связи с чем количество преступников в данной сфере существенно возросло, также это связано и с распространением IT-технологий, их оптимизацией и относительной дешевизной в настоящее время.

В большинстве случаев преступления, совершаемые с использованием IT-технологий, имеют своей целью завладение чужими денежными средствами. Наибольшее количество данных противоправных действий усматривается в банковской сфере, так как на текущий момент платежные операции в значительной степени цифровизированы, особенно с введением в действие технологии системы быстрых платежей, которая позволяет оперативно переводить денежные средства, в том числе по номеру мобильного телефона.

Информация о совершении хищения денежных средств с банковских счетов граждан, с использованием средств связи, поступает к сотрудникам правоохранительных органов не только от граждан, но и от организаций (банки, компании сотовой связи). Как правило, первоначальных сведений, которые содержатся в заявлении, недостаточно для и принятия обоснованного решения о возбуждении уголовного дела. Несвоевременное возбуждение уголовных дел способствует утрате следов преступления, затрудняет доступ граждан к правосудию, влияет на вынесение судом законного, обоснованного и справедливого решения по делу.

Следует отметить, что по делам, возбужденным по преступлениям указанной категории, складывается недоброкачественная правоприменительная практика. Так, зачастую отсутствует доследственная проверка сообщения о преступлении, а сразу возбуждается уголовное дело. Данная практика во многом связана с тем, что банки, интернет-провайдеры, операторы сотовой связи и иные учреждения не идут на сотрудничество с правоохранительными органами в рамках материалов доследственной проверки, обосновывая свой отказ отсутствием возбужденного уголовного дела. Безусловно, следователь, дознаватель, орган дознания имеют возможность истребовать необходимую информацию в рамках материала доследственной проверки. Однако сроки производства строго установлены законодателем [1]. При этом сами учреждения отвечают на подобные запросы не раньше чем через 30 суток, так необходимо учитывать проблемы внутреннего документооборота в учреждения (в том числе в органах внутренних дел). Так, сам материал проверки может быть получен исполнителем толь-

ко на третьи сутки, что приводит к тому, что должностное лицо не способно объективно и качественно рассмотреть материал проверки.

Фактически, материал проверки «зависает»: заявление о преступлении поступило, но проверить информацию легальными способами с соблюдением установленных сроков – невозможно. В статье А.И. Анапольской рассмотрены некоторые аспекты взаимодействия правоохранительных органов с банковскими учреждениями. Автор приходит к выводу, что определение принципов и форм взаимодействия правоохранительных органов со службами безопасности банков, сокращение сроков документооборота позволит организовать борьбу с хищениями, совершаемыми в сфере функционирования электронных расчетов [2, с. 5].

Учитывая вышеизложенное, не ясно, каким образом принять законное процессуальное решение, соблюдая установленный Уголовно-процессуальным кодексом срок.

Также необходимо отметить, что при сборе доказательственной базы по преступлениям данной направленности ключевое значение имеют результаты оперативно-разыскной деятельности. Так, по смыслу ст. 89 УПК РФ в доказывании по уголовному делу могут быть использованы результаты оперативно-разыскной деятельности, отвечающие требованиям, предъявляемым УПК РФ.

Необходимо отметить, что в соответствии с приказом МВД России от 27 сентября 2013 г. № 776 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю и в суд» результаты оперативно-разыскной деятельности должны быть соответственно оформлены и могут быть переданы следователю, суду, дознавателю только с оформлением соответствующих документов об их рассекретивании [3]. Следует отметить, что данный процесс зачастую влияет на принятие следователем, органом дознания, судом объективного решения, что в свою очередь может повлиять на процесс расследования уголовного дела.

Таким образом, целесообразно дополнить текст инструкции положениями, в рамках которых допускается возможность ознакомления должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело с результатами оперативно-разыскной деятельности с разрешения руководителя органа правомочного на осуществление оперативно-разыскной деятельности. Данное положение позволит повысить эффективность взаимодействия должностных лиц предварительного расследования с оперативным блоком, а также даст следователю тактическое преимущество при производстве по уголовному делу, ускорит процесс принятия соответствующего решения по уголовному делу. Также необходимо дополнить, что следователь имеет право ознакомиться лишь с результатами оперативно-разыскной деятельности, не раскрывая при этом организацию и тактику производства оперативно-разыскных мероприятий.

Также следует отметить, что в большинстве случаев проверкой сообщений о преступлении в большинстве случаев занимается орган дознания – оперативные подразделения. Соответственно именно от их уровня подготовленности и слаженности действий зависит общий результат – выявление оснований для возбуждения уголовного дела. Так, для преступлений данной направленности характерно отсутствие идентификации злоумышленника, либо отсутствие умысла. При этом в случае, когда проблематично установить умысел у злоумышленника на хищение денежных средств путем обмана, в большинстве случаев результатом такой доследственной проверки становится отказ в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия события преступления (либо усматриваются гражданско-правовые отношения).

Таким образом, для установления оснований возбуждения уголовного дела о хищении денежных средств с использованием IT-технологий в банковской сфере необходимо качественное производство доследственной проверки сообщения о преступлении. В настоящее время правоприменительная практика складывается таким образом, что по фактам противоправной деятельности данной направленности сразу возбуждаются уголовные дела, в связи с тем, что существует ряд проблем с получением необходимой информации от банковских учреждений, учреждений связи и других в рамках материалов проверки. Также следует сказать, что противоправные факты данной направленности являются достаточно сложными и требуют значительных временных затрат, которые сроки по материалам доследственной проверки не могут обеспечить. Основными должностными лицами, занимающимися сбором доказательственной базы в рамках материалов доследственной проверки, являются оперативные работники, соответственно необходимо помимо процессуальных норм совершенствовать оперативно-разыскное законодательство, а также законодательство относительно взаимодействия органов предварительного расследования и оперативно-разыскных подразделений.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: с изм. от 1 июля 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Анапольская А.И. Особенности тактики допроса подозреваемого по делам о хищениях денежных средств с электронных счетов // Вестник ТГУ. 2018. № 4. С. 57–62.

3. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю и в суд [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 27 сентября 2013 г. № 776. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сведения об авторе

Политыко Ольга Евгеньевна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса.

Уральский юридический институт МВД России.

620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела; доследственная проверка; преступления, совершенные с использованием IT-технологий в банковской сфере.

Попова Л.В.

К ВОПРОСУ ВОЗМЕЩЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА ГРАЖДАНСКОМУ ИСТЦУ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье рассматривается деятельность субъектов, ведущих уголовный процесс на стадии досудебного производства, направленная на обеспечение гражданского иска; меры по обеспечению возмещения вреда; наложение ареста на имущество; создание правовых оснований для удовлетворения исковых требований во время судебного разбирательства.

Возмещение вреда потерпевшему одна из задач уголовного судопроизводства. Процесс рассмотрения гражданского иска в уголовно-процессуальном производстве существенно отличается от процесса гражданского. Следователь и дознаватель должны доказывать не только событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения), виновность лица, но и характер и размер вреда, причиненного преступлением. Тем самым, обосновывать заявленный гражданский иск с помощью следственных и процессуальных действий, а также принимать меры к возмещению ущерба. Напротив, в гражданском процессе истец, как правило, самостоятельно приводит обстоятельства, обосновывающие исковые требования, и представляет доказательства, их подтверждающие.

В связи с необходимостью органом расследования незамедлительно принимать меры по обеспечению гражданского иска законодателем введена ст. 160.1 УПК РФ, которая устанавливает некоторые правовые гарантии возмещения, причиненного потерпевшему вреда. Норма закона требует от следователя и дознавателя принятия активных мер, нацеленных на своевременное и полное восстановление нарушенных прав потерпевшего и понесенных им потерь, в том числе и путем наложения ареста на имущество подозреваемого и обвиняемого.

Наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ) – это одна из иных мер процессуального принуждения, представляющая собой запрет, адресованный собственнику или владельцу имущества распоряжаться и в некоторых случаях даже пользоваться им, а также изъятие имущества и передаче его на хранение. Данная мера применяется только по решению суда и имеет своей целью предупреждение сокрытия или отчуждения имущества подозреваемого и обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. Подробная регламентация процесса наложения ареста на имущество, а также четкий порядок продления срока применения данной меры, при должной организованности вполне способны обеспечить возмещение вреда, причиненного преступлением, ну и, с другой стороны, оградить надлежащего собственника от необоснованного ограничения, связанного с распоряжением имуществом.

Н.В. Вирясова и Д.В. Далланиян делают вывод: «Принятию решения о наложении ареста на имущество предшествует, как правило, значительная по временным затратам работа следователя по розыску и установлению подлежащего аресту имущества по уголовному делу. Необходимо обращать внимание на активизацию уголовно-процессуальных мер к возмещению ущерба в ходе предварительного следствия и своевременно применять процессуальные меры к наложению ареста на имущество подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Эта процессуальная деятельность создает необходимые предпосылки для итогового судебного решения [1, с. 320].

Меры по обеспечению гражданского иска в уголовном деле должны приниматься независимо от наличия в деле искового заявления потерпевшего, что, к сожалению, не всегда происходит. Опять же суд не во всех случаях удовлетворяет ходатайство следователя о наложении ареста на имущество. Основанием для отказа служат, как правило, следующие обстоятельства: невозможность наложения ареста на единственное жилое помещение, находящееся в собственности обвиняемого и членов его семьи; имущество обременено, поскольку является предметом ипотеки и собственностью залогодержателя; транспортное средство уже арестовано в рамках исполнительного производства.

Одной из причин отказа в удовлетворении ходатайства следователя об аресте имущества является низкое качество подготовки материалов, представляемых в суд, в обоснование обеспечения гражданского иска, например, отсутствие конкретных сведений о принадлежности имущества определенному лицу или доказательственно не подтвержденные обстоятельства, на основании которых должно принимать решение о наложении ареста на имущество.

С другой стороны, не последним является вопрос о соразмерности ограничения права собственности лица, на имущество которого наложен арест. Думается, необходимо стремиться к достижению разумного баланса

между интересами сторон в уголовном судопроизводстве, то есть не должны создаваться препятствия для правильного осуществления правосудия по уголовным делам, но и произвольно чрезмерно ограничиваться право собственности у гражданского ответчика. Будет ли справедливым решение наложить арест в качестве обеспечения гражданского иска на дачу отца несовершеннолетнего обвиняемого стоимостью 500 тыс. руб., когда тот совершил три кражи на общую сумму около 70 тысяч? Вопрос, конечно, риторический.

Рассмотрим пример из судебной практики, когда суд кассационной инстанции отменил решение апелляционного суда о наложении ареста на имущество в объеме, превышающем разумные пределы. Пятый кассационный суд общей юрисдикции, дислоцирующийся в г. Пятигорске, 28 апреля 2022 г. в открытом судебном заседании рассмотрел кассационную жалобу адвоката Логунова Д.М. на постановление Промышленного районного суда г. Ставрополя и апелляционное постановление Ставропольского краевого суда о наложении ареста на имущество подозреваемого по уголовному делу о мошенничестве. Установлено, что суд первой инстанции по ходатайству следователя следственной части по расследованию организованной преступной деятельности главного следственного управления Главного управления МВД России по Ставропольскому краю Редькина В.С. в рамках уголовного дела № 12101070035290176 наложил арест на принадлежащее подозреваемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, имущество: жилое здание, жилое помещение, 13 нежилых помещений, 15 машино-мест, 2 транспортных средства с запретом распоряжаться данным имуществом, заключать договоры купли-продажи, аренды, дарения, залога и иных сделок с данным имуществом, последствием которых может являться отчуждение или обременение имущества. Апелляционным постановлением Ставропольского краевого суда постановление суда оставлено без изменения.

Кассационный суд определил, что судебные постановления не содержат сведений о стоимости арестованного имущества. Суд апелляционной инстанции не обосновал и не мотивировал свои выводы и не указал на конкретные фактические обстоятельства, на основании которых он принял решение. При решении вопроса о наложении ареста на имущество суд должен указать на конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение. Стоимость имущества, на которое налагается арест, должна быть соразмерна причиненному преступлению ущербу, и не должна превышать максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи Особенной части УК РФ. В связи с этим судья вправе принять решение об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на соответствующую по стоимости часть имущества. Постановление суда мотивировано необходимостью наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части возможных гражданских исков и дру-

гих имущественных взысканий, но не содержит сопоставления стоимости арестованного имущества с ущербом от преступления, в совершении которого он подозревается. При таких обстоятельствах апелляционное постановление Ставропольского краевого суда подлежит отмене с передачей судебного материала в тот же суд на новое апелляционное рассмотрение, при котором необходимо тщательно проверить доводы о нарушениях закона, допущенных судом при наложении ареста на имущество [2].

Институт возмещения ущерба в правоприменительной деятельности весьма востребован. При этом законодатель предусмотрел для обвиняемого возможность смягчить свое наказание, приложив определенные усилия для заглаживания своей вины перед потерпевшим в ходе производства по уголовному делу. Однако, чтобы суд обоснованно и на законных основаниях имел возможность смягчить наказание подсудимому, следовательно необходимо при расследовании уголовного дела квалифицировать и надлежащим образом процессуально оформлять все действия обвиняемого (подозреваемого), направленные на заглаживание вины, чтобы в последующем данные действия не перепутать со способствованием виновного лица на досудебном этапе расследования розыску имущества, добытого в результате преступления.

В правоприменительной практике порой возникают сложности в установлении предмета гражданского иска при взыскании реального ущерба, причиненного потерпевшему. Однако Пленум Верховного Суда РФ выразил свою позицию (п. 7 постановления от 13 октября 2020 г.) в том, что в аналогичных ситуациях необходимо руководствоваться п. 3 ст. 1080 ГК РФ и возлагать обязанность возмещения вреда на виновного в совершении преступления, если имущество, полученное им в результате преступления, в дальнейшем было повреждено, утрачено, использовано, похищено в результате действий другого лица, независимого от первого. Теперь орган расследования не может поступать самостоятельно и обязан прислушаться к рекомендации Верховного Суда РФ. Однако вряд ли большинство следователей или дознавателей знают положения ст. 1080 ГК РФ, в связи с чем здесь возрастает роль руководителя следственного органа и начальника подразделения дознания.

Несовершенство механизма возмещения вреда, недостаточная компетентность правоприменителей в области гражданского права, нежелание обременять себя лишними процессуальными обязанностями приводят к недостаточной эффективности института гражданского иска в уголовном судопроизводстве.

Исправлять сложившуюся практику, думается, необходимо следующим образом. Первое направление – возможно внести изменения в ч. 2 ст. 42 УПК РФ, в которой перечислены права потерпевшего, дополнив норму установлением права на предъявление гражданского иска. Во-вторых, следует вменить в обязанность следователю сразу после призна-

ния лица потерпевшим письменно разъяснить ему право на предъявление гражданского иска и при необходимости проконтролировать процесс составления искового заявления.

1. Вирясова Н.В., Даллакян Д.В. О возмещении имущественного вреда, причиненного преступлениями // Российская наука на пути к устойчивому развитию: междисциплинарные исследования: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Ставрополь, 20 марта 2023 г.). Ставрополь: Параграф, 2023. С. 319–321.

2. Кассационное постановление 5 КСОЮ [Электронный ресурс]: от 28 апреля 2022 г. № 77-824/2022. URL: <https://судебныерешения.рф/67798350> (дата обращения: 10.03.2024).

Сведения об авторе

Попова Людмила Владимировна. Кандидат юридических наук, доцент. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД.

Волгоградская академия МВД России.

400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Ключевые слова: потерпевший, гражданский истец, гражданский иск в уголовном деле, меры по обеспечению возмещения вреда, наложение ареста на имущество.

Попова Е.И., Бянкина А.М.

ТАКТИЧЕСКАЯ КОМБИНАЦИЯ «ДЕМОНСТРАЦИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ» В СФЕРЕ РАБОТЫ С ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ

В статье рассматриваются обстоятельства, свидетельствующие о необходимости использования криминалистических знаний в гражданском и арбитражном судопроизводстве, и делаются выводы об использовании соответствующих криминалистических рекомендаций.

Современные криминалистические исследования, как и ранее, имеют своей целью, прежде всего, разработку рекомендаций, направленных на оптимизацию следственной деятельности. Так, ряд авторов отмечают, что криминалистические знания могут быть полезны в гражданском судопроизводстве. Справедливости ради отметим, что на это направление научных исследований стали обращать внимание достаточно давно. Так, апологет названного направления М.В. Жижина указывает, что «первым моногра-

фическим исследованием процессуальных и содержательных основ применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве еще в советский период были диссертационные работы В.Г. Тихини» [1, с. 38], отмечавшего, что «криминалистика имеет «выходы» в названную отрасль права. Своим конкретным содержанием она, по мнению В.Г. Тихини, связана в гражданском судопроизводстве с процессуальной деятельностью суда, направленной на собирание, представление, исследование и оценку доказательств» [2, с. 259]. Так, М.В. Жижина убедительно доказывает, что не только суд, но и иные субъекты гражданского и арбитражного процесса, активно участвующие в работе с доказательственной информацией могут эффективно использовать криминалистические знания. В числе таковых называются стороны, третьи лица, их представители, прокурор, эксперт, специалист [1, с. 72–77]. Поддерживая и развивая высказанную точку зрения, ряд исследователей формируют научно-обоснованные криминалистические рекомендации для некоторых из названных участников гражданского процесса [3; 4, с. 137–138; 5 и др.], а также уделяют внимание отдельным направлениям криминалистического обеспечения гражданского и арбитражного судопроизводства [6]. На наш взгляд, соответствующие разработки имели бы большую пользу для повышения эффективности не только в части подготовки к судебному разбирательству, но и в ситуациях, связанных с внесудебным/досудебным урегулированием различного рода споров, в том числе в сфере работы с дебиторской задолженностью.

Современный мир характеризуется тем, что в гражданском обороте постоянно присутствуют огромные объемы задолженности, возникающей из различных гражданско-правовых обязательств хозяйствующих субъектов. Необходимо акцентировать внимание на том, что кредитор (а фактически лицо, потерпевшее от ненадлежащих действий недобросовестного должника) защищен не в полной мере. Такая незащищенность, как правило, имеет место практически во время всего периода взаимодействия между кредитором и должником. Так, типичные риски (невывявление которых может поставить под угрозу выполнение договорных обязательств) зачастую обусловлены тем, что, на заключение сделок претендуют как добросовестные, так и недобросовестные хозяйствующие субъекты, например выступающие в качестве подрядчиков, не имеющие опыта работы по направлению исполнения контракта и/или представляющие подложные документы о его (опыта) наличии.

К примеру, прокурором Улетовского района Забайкальского края по материалам, направленным Забайкальским УФАС России проведена проверка, в ходе которой установлено, что 19 января 2023 г. администрацией муниципального района «Улетовский район» в единой информационной системе сферы закупок размещены извещения о проведении открытого аукциона в электронном виде на выполнение работ по капитальному ремонту здания школы на сумму 63794 тыс. рублей. На участие в закупке по-

ступило 10 заявок, по результатам подведения итогов победителем определено ООО «Стройэффект», которое в подтверждение квалификации представило подложные документы, а именно договоры подряда с ОАО «Забайкалстальинвест» по осуществлению капитального ремонта различных объектов на общую сумму 336 млн рублей. По данному факту прокуратурой района 31 мая 2023 г. в орган предварительного расследования направлены материалы в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, по результатам рассмотрения которых возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 327 УК РФ (использование заведомо подложного документа) [7].

Также распространенным является намеренное введение в заблуждение кредитора относительно материального положения должника. С этой целью зачастую последний: предоставляет кредитору документы, не соответствующие действительности полностью или в части, или вовсе подложные; добивается доверия кредитора манипулятивными/обманными способами. К примеру, в качестве некой уловки практикуется возврат кредитору небольшой суммы денежных средств с процентами, впервые взятой на небольшой период времени. Это делается с целью того, чтобы кредитор убедился в «якобы надежности» дебитора и предоставил большую денежную сумму на длительный период. Имеют место и множество иных широко известных и весьма распространенных «схем» обмана/введения в заблуждение участников гражданских правоотношений хорошо известных многим руководителям организаций, участникам сферы закупок и др. При этом, как показывает анализ практической деятельности, зачастую субъекты, пострадавшие от недобросовестных (а иногда и преступных) действий контрагента не инициируют привлечение его к юридической ответственности.

Полагаем, для целей защиты кредитора как потерпевшей стороны от действий недобросовестного должника целесообразно использовать знания науки криминалистики. Прежде всего, обратим внимание на то, что наличие ситуаций, связанных с рисками невозвращения дебиторской задолженности обуславливает конфликтные ситуации, характеризующиеся тем, что стороны «не слышат» и «не желают слышать» друг друга. Для их разрешения могут использоваться разнообразные тактические приемы, направленные на установление психологического контакта между названными субъектами. К примеру, эффективными могут быть такие: 1) обращение к логическому мышлению допрашиваемого; 2) возбуждение у него интереса к общению и его результатам. Здесь же отметим, что не всегда возникает необходимость установления психологического контакта. Для целей разрешения подобного рода и иных конфликтных ситуаций может быть реализована тактическая комбинация, которую условно можно именовать «Демонстрация возможностей уголовного преследования». Такая тактическая комбинация целесообразна, как минимум, при наличии следующих обстоятельств: злостное уклонение должника от возврата долга, прежде всего, когда он располагает возможностями по его погашению (наличие

денежных средств на счете в банке, имущество на праве собственности, имущественные права и пр.); намеренное сокрытие имущества от кредитора, перерегистрация прав на имущество на третьих лиц; фиктивные сделки, основной целью которых является демонстрация того, что денежные средства/имущество переданы другим субъектам).

В рамках тактической комбинации «Демонстрация возможностей уголовного преследования» кредитору рекомендуется продемонстрировать должнику возможность обращения в правоохранительные органы с заявлением, содержащим информацию, которая может быть основанием для возбуждения уголовного дела. С этой целью целесообразно заранее составить проект соответствующего заявления в правоохранительные органы и представить для изучения должнику. Для того, чтобы информация, содержащаяся в заявлении, действительно произвела «нужный» эффект и повлияла на принятие должником добровольного решения погасить дебиторскую задолженность важно «грамотно» составить текст этого документа. При этом недопустимы необоснованные угрозы и принуждение. Текст проекта заявления должен основываться на знании действующего законодательства, практики его реализации и обозначать готовность воспользоваться предоставляемыми законом правами.

Далее, демонстрируя должнику текст заявления, целесообразно обратить внимание должника и на иные (помимо возбуждения уголовного дела) негативные обстоятельства: участие в уголовном судопроизводстве требует больших временных затрат, зачастую обуславливает необходимость расходов на оплату услуг профессионального юриста – специалиста в сфере уголовного судопроизводства и т.п.; есть вероятность того, что в отношении организации – должника будут инициированы проверки со стороны различных надзорных органов; полная (частичная) потеря деловой репутации, конкурентных преимуществ, внесение в базу недобросовестных плательщиков и пр.

Нами обозначены далеко не все, а лишь некоторые направления использования криминалистических знаний в сфере работы с дебиторской задолженностью. Убеждены, что дальнейшие исследования в этом направлении могут быть весьма эффективны и, кроме прочего, позволят хозяйствующим субъектам сэкономить достаточно много ресурсов (время, эмоциональные и финансовые средства (оплата юридических услуг с обеих сторон), добиться добросовестного исполнения гражданских обязанностей участниками гражданских правоотношений.

1. Жижина М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в цивилистическом процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 539 с.

2. Тихиня В.Г. Избранные труды. Минск: ЮрСпектр, 2020. 620 с. (Наследие права.)

3. Пичугин С.А., Киселевич И.В. Особенности тактики проведения допроса судебного эксперта в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 137–138.

4. Попова Е.И., Дабаев Б.А. Тактические особенности оценки заключения и допроса эксперта в арбитражном процессе // Российское правосудие. 2020. № 8. С. 15–22.

5. Скобликов П.А. Охрана прав потерпевших: актуальное содержание нормы, закрепленной в ст. 52 Конституции РФ // Государство и право. 2022. № 3. С. 70–78; Скобликов П.А. Отказ в доступе к правосудию пострадавшим от преступлений: проблемы и решения // Законодательство. 2012. № 8. С. 72–79.

6. Ладошкин А.С. Особенности криминалистической методики расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2019. 237 с.

7. Суханов Д.А. Надзор за исполнением антимонопольного законодательства и законодательства о государственных закупках в сфере возведения объектов капитального строительства // Актуальные вопросы антимонопольного регулирования и закупок – IV: Четвертая Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием (29 марта 2024 г.). Чита: ЗабГУ.

Сведения об авторах

Попова Елена Ильинична. Доктор юридических наук, доцент. Профессор кафедры криминалистики.

Уфимский университет науки и технологий.

Профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ.

670013, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1.

Бянкина Анна Михайловна. Старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Международного факультета права и бизнеса.

Забайкальский государственный университет.

672039, Российская Федерация, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, д. 30.

Ключевые слова: криминалистические знания, криминалистические рекомендации, гражданское судопроизводство, дебиторская задолженность, хозяйствующие субъекты, должник, кредитор.

Примкулов А.А.

СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена вопросам обеспечения реализации задач уголовной политики в целях защиты прав и свобод человека и гражданина в контексте применения судом и иными субъектами принятия процессуальных решений стандартов доказывания в уголовном судопроизводстве. В статье раскрывается совокупность стандартов формирования уровня убеждения, необходимого для принятия соответствующего процессуального решения, в число которых входят стандарты «обоснованное подозрение», «вне разумного сомнения», «толкование любых сомнений в виновности в пользу обвиняемого», объединенные стандартом достаточности доказательств для разрешения уголовного дела. Констатируется, что в основу разделения стандартов формирования достаточной совокупности надлежащих, допустимых и достоверных доказательств целесообразно положить именно виды процессуальных источников доказательств.

Развитие уголовного процессуального законодательства закономерно преследует целью неизбежное, полное и исчерпывающее исполнение задач уголовной политики, способствующей определению преступности и наказуемости деяний; формирующей основы выявления, раскрытия, расследования преступлений, исполнения уголовных наказаний, предупреждения преступлений. Указанная разновидность внутренней политики государства первична для обеспечения законности и справедливости, поскольку она, как отмечает Л.И. Беляева, представляет собой «...деятельность государства, связанную с правом. Она осуществляется на основе права, в рамках права и во исполнение права» [3, с. 43]. Соответственно, уголовная политика «...отличается определенным содержанием. Оно заключается в управлении общественными процессами в области борьбы с преступностью» [3, с. 43].

Преследуя целью противодействие преступности, уголовная политика позволяет достичь наиболее полного взаимодействия государства и институтов гражданского общества в вопросах предупреждения преступлений, обеспечения в случае их совершения максимально эффективного уголовного судопроизводства с установлением для виновных лиц минимально строгого наказания, позволяющего достичь их исправления и ресоциализации. Основываясь на предусмотренном в ст. 6 УПК РФ назначении уголовного судопроизводства, а также регламентированных в главе 2 УПК РФ его принципах, исключительно судом определяется виновность субъекта преступления, а также осуществляется выбор строгости наказания посред-

ством исследования и оценки всех обстоятельств содеянного. Тем самым презюмируется исключительная значимость доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве, стандарты которого допустимо рассматривать как средство обеспечения реализации задач уголовной политики.

Перечень стандартов доказывания в нормах международных договоров, участницей которых выступает Российская Федерация, а также национального уголовно-процессуального законодательства, не приводится. Соответственно, их система и особенности применения для обеспечения противодействия преступности определяется на основе толкования правовых норм и обобщения практики признаваемых на государственном уровне международных судебных институций, Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) и сложившейся правоприменительной практики.

В российской уголовно-процессуальной доктрине, а также отчасти в законодательстве и напрямую в правоприменительной практике находят свое воплощение три общепринятых стандарта доказывания.

1) Обоснованное подозрение, предполагающее наличие достаточных данных относительно того, что соответствующий субъект мог совершить конкретное преступление.

Указанный стандарт связан с необходимостью обеспечения достоверности доказательств, что проистекает из ч. 1 ст. 88 УПК РФ. Кроме того, указание на достаточность данных, подтверждающих (или с высокой долей вероятности указывающих) на совершение лицом преступления, прямо прописано, например, в ст. 91 УПК РФ в контексте закрепления оснований задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

Как проистекает из пп. 1, 2 постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 [2], гарантией обоснованности подозрений является полнота установления обстоятельств совершенного, обеспечиваемая судом в том числе на этапе предварительного расследования: проверка обоснованности подозрения не может сводиться к формализованному выявлению причастности лица к преступлению.

Для сравнения, в п. 2 ранее действовавшего постановления Пленума ВС РФ от 29 октября 2009 г. № 22 [1] проверка обоснованности подозрения рассматривалась именно как обязанность суда «в каждом конкретном случае проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению», получение «достаточных данных о том, что соответствующее лицо могло совершить это преступление». Исключению поверхностного подхода суда к указанным обстоятельствам способствует и закрепление обязательности оценки соответствующих обстоятельств с ограничением обсуждения вопроса о виновности лица, поскольку «подозрение отличается от обвинения меньшей степенью определенности и обоснованности» [1].

2) Убеждение вне разумного сомнения и толкование любых сомнений в виновности обвиняемого в его пользу.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве, а также в правоприменительной практике стандарт «вне разумного сомнения» не находит прямого воплощения, хотя в юридической доктрине он достаточно широко освещается. Обозначенный стандарт позволяет не принимать во внимания обстоятельства, убеждающие суд в виновности лица, если их содержание откровенно противоречит здравому смыслу и логике – то есть, если относительно их возможности и реальности существования имеются разумные сомнения. По разделяемому нами мнению Д.А. Мезинова, «полное и точное соответствие выводов (знаний) уполномоченных субъектов уголовного процесса об обстоятельствах (фактах) совершенного преступления самим этим обстоятельствам (фактам), как они существовали в объективной действительности» [4, с. 43].

В англо-саксонской правовой семье обозначенный стандарт получил широкое распространение вплоть до закрепления в 1970 г. в Четырнадцатой поправке к Конституции США обвиняемого от обвинения, пока каждый факт, необходимый для установления наличия состава преступления, не доказан за пределами разумного сомнения [см., например: 6]. Его применение связано, как представляется, в связи с отсутствием строгой регламентации достоверности и допустимости доказательств. Однако в российском уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрены четкие правила оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ), включающие обозначенные выше критерии.

Что касается толкования любых сомнений в виновности обвиняемого в его пользу, то он напрямую закреплен в ч. 3 ст. 14 УПК РФ и является значимой гарантией защиты прав человека и гражданина в ситуации, если он подозревается или обвиняется в совершении преступления. Соответствующее положение уголовно-процессуального закона является важным продолжением реализации презумпции невиновности, презюмированной в ст. 49 российского Основного закона.

3) Достаточность доказательств для разрешения уголовного дела.

Обозначенный стандарт распространен и находит прямое воплощение в уголовно-процессуальных доктринах подавляющего числа современных государств. В УПК РФ он предусмотрен в ч. 1 ст. 88 и является обобщающим для иных критериев и стандартов доказывания: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела».

Таким образом, приведенные стандарты «обоснованное подозрение», «вне разумного сомнения», «толкование любых сомнений в виновности в пользу обвиняемого», объединенные в стандарт достаточности доказательств, составляют ключевую систему стандартов доказывания, связанную с формированием уровня убеждения, необходимого для принятия соответствующего процессуального решения. Они подлежат применению

субъектами принятия процессуальных решений в ходе осуществления оценки совокупности доказательств с точки зрения их достаточности для мотивирования такого решения. В то же время содержанием указанных стандартов доказывания не охватывается процесс формирования соответствующей внутренней убежденности, что обуславливает потребность в выделении еще одной группы стандартов доказывания – стандартов формирования достаточной совокупности надлежащих, допустимых и достоверных доказательств.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что система стандартов доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации включает в себя стандарты формирования уровня убеждения, необходимого для принятия соответствующего процессуального решения, в число которых входят стандарты «обоснованное подозрение», «вне разумного сомнения», «толкование любых сомнений в виновности в пользу обвиняемого», объединенные стандартом достаточности доказательств для разрешения уголовного дела. Их совокупность позволяет суду или иным субъектам принятия процессуальных решений с необходимой степенью убежденности вынести обоснованное и справедливое решение с учетом всего комплекса доказательств. Указанное позволяет эффективно и качественно реализовать задачи уголовной политики и обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

1. О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 октября 2009 г. № 22: в ред. от 14 июня 2012 г. // Рос. газ. 2009. 26 дек. (Документ утратил силу.)

2. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41: в ред. от 11 июня 2020 г. // Рос. газ. 2013. 27 дек.

3. Беляева Л.И. Уголовная политика в системе государственной политики борьбы с преступностью в Российской Федерации // Вестник академии правоохранительных органов при генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2022. № 4 (26). С. 43.

4. Мезинов Д.А. Стандарт «вне разумных сомнений» как критерий достижения цели уголовно-процессуального доказывания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 40–47.

5. Терегулова А.А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. 28 с.

6. In the Matter of Samuel WINSHIP, Appellant [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/397/358#writing-USSC_CR_0397_0358_ZS.

Сведения об авторе

Примкулов Алтынбек Асылбекович. Адъюнкт.
Академия управления МВД России.
125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Александра и Зои Космодемьянских, д. 8.
Старший следователь Следственной службы УВД Октябрьского района г. Бишкек.

Сведения о научном руководителе

Лазарева Лариса Владимировна. Доктор юридических наук, профессор. Профессор кафедры управления органами расследования преступлений.
Академия управления МВД России.
125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: уголовная политика, противодействие преступности, доказательства, доказывание, стандарты доказывания, уголовное судопроизводство.

Прохорова Е.А.

О СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В СВЕТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ФОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В статье исследуется содержание принципа законности в свете модернизации формы уголовно-процессуального права, связанной с деятельностью Конституционного Суда РФ. Отмечается, что содержание рассматриваемого принципа, регламентированное ст. 7 УПК РФ, не соответствует его фактическому содержанию.

Обосновывается необходимость внесения изменений в ст. 7 УПК РФ с целью отражения в ней обязательности решений Конституционного Суда РФ, как важнейшего условия применения норм УПК РФ, а также приведения нормы о приоритете УПК РФ по отношению к иным федеральным законам в соответствие с позицией высшего судебного органа конституционного контроля.

Великий советский и российский ученый, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А.П. Гуляев, внесший огромный вклад в развитие уголовно-процессуального законодательства, а также научных идей о процессуальной деятельности следователя и реализации принципа законности при ее осуществлении, отмечал: «Правильное понимание исходных и определяющих позиций своей деятельности всегда есть и всегда будет одним из важнейших условий успешности этой деятельности» [1, с. 5].

Основная ответственность за правильное понимание содержания уголовно-процессуальных норм ложится на форму уголовно-процессуального права – способы закрепления, изложения и текстуального выражения правовых предписаний.

Как бы ни была глубока, гениальна и совершенна мысль законодателя, она не может существовать без соответствующего оформления, от качества которого зависит ее адекватное восприятие и уяснение.

К сожалению, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) часто выступает объектом справедливой критики не только по причине эклектичности своего содержания, но и в виду огромного количества недостатков, относящихся к сфере законодательной техники [2].

Значительный интерес в этом плане представляет принцип законности, который особым образом связан не только с остальными принципами, но и со всеми уголовно-процессуальными нормами, а значит правильное понимание положений, образующих его содержание, архиважно для реализации не только этих самых положений, но и всех норм уголовно-процессуального права.

Содержание данного принципа в ст. 7 УПК РФ сформулировано очень кратко и сводится к положениям, которые в обобщенном виду устанавливают: 1) приоритет УПК РФ в системе федеральных законов и запрет применения последних в случае их противоречия УПК РФ, 2) запрет нарушения норм УПК РФ и последствия несоблюдения этого запрета.

Отдельные положения принципа законности явно остались за рамками обозначенной статьи. А.П. Гуляев в этой связи отмечал, что ст. 7 УПК РФ «не выражает в общей форме самой сути и специфики законности в уголовно-процессуальной деятельности» [1, с. 7].

Разумеется, мы понимаем, что некоторые положения, фактически образующие содержание рассматриваемого принципа, нашли отражение в других статьях УПК РФ, что логично и соответствует самой природе принципов – быть отправным началом, правилом общего характера, которое конкретизируется в специальных правилах поведения участников уголовного судопроизводства.

Однако в условиях модернизации формы уголовно-процессуального права, выразившейся в активизации роли Конституционного Суда Россий-

ской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) в уголовно-процессуальном регулировании, официальном подтверждении полномочий высшего судебного органа конституционного контроля на истолкование положений уголовно-процессуального закона даже в случае признания их соответствующими Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и установлении запрета на их применение либо реализацию в ином истолковании, сложилась ситуация, когда отдельные положения, фактические образующие содержание принципа законности, оказались за рамками не только ст. 7 УПК РФ, но и самого уголовно-процессуального закона. Как следствие, содержание принципа законности в УПК РФ изложено в усеченном и даже в искаженном виде, что проявляется в следующем.

Во-первых, в УПК РФ упорно игнорируется факт «позитивного», да и «негативного» правотворчества Конституционного Суда РФ, имеющий непосредственное отношение к содержанию принципа законности. Ст. 7 УПК РФ связывает понимание законности с безоговорочным соблюдением предписаний уголовно-процессуального закона, без учета случаев несоответствия их содержания Конституции РФ или несоответствия формы их текстуального выражения смыслу, выявленному Конституционным Судом РФ.

Конечно, можно объяснить данный факт тем, что соответствующие полномочия Конституционного Суда РФ определены Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), а значит «дублирования» этих положений в УПК РФ не требуется. К тому же, ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», определяет, что «решение Конституционного Суда Российской Федерации ... не требует подтверждения другими органами и должностными лицами».

Вместе с тем, не всегда позиции Конституционного Суда РФ воспринимаются правоприменителем должным образом.

Например, как следует из постановления Ломоносовского районного суда города Архангельска от 25 августа 2021 г. по делу № 1-473/2021 [3], постановления Красноборского районного суда Архангельской области от 25 мая 2022 г. по делу № 1-61/2022 [4], судами приняты решения в соответствии с ч. 3 ст. 249 УПК РФ, признанной постановлением Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2021 г. № 13-П [5] не соответствующей Конституции РФ и вопреки сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции, согласно которой, соответствующее судебное решение должно приниматься не на основании п. 2 ч. 1 ст. 24, а на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Вряд ли в такой ситуации можно говорить о реализации принципа законности, несмотря на то, что суды руководствовались в своих решениях нормами УПК РФ.

Полагаем, что причины подобного игнорирования решений Конституционного Суда РФ состоят и в неоднозначности научных походов к их

обязательности, и в неправильной оценке правоприменителем их юридических последствий, и, главным образом, в неопределенности их места в механизме уголовно-процессуального регулирования.

На наш взгляд, в УПК РФ, как основном источнике уголовно-процессуального права, обязательно должен найти отражение вопрос о значении в уголовно-процессуальной деятельности решений Конституционного Суда РФ.

Если говорить о месте таких положений в тексте уголовно-процессуального закона, то, как представляется, таких вариантов два: изложить их в ст. 1 или в ст. 7 УПК РФ.

Первый вариант, например, использован в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан [6], ст. 1 которого относит нормативные постановления Конституционного Суда к законодательству, определяющему порядок уголовного судопроизводства.

Второй вариант применен в Уголовно-процессуальном кодексе Азербайджанской Республики [7] и состоит во включении соответствующих положений в содержание принципа законности, регламентированного ст. 10, ч. 10.3 которой определяет обязательность данного в постановлении Конституционного Суда истолкования Конституции и других законов Азербайджанской Республики.

Второй вариант представляется предпочтительным и в отношении российского уголовно-процессуального закона, поскольку позволяет «обойти» спорный вопрос об отнесении решений Конституционного Суда РФ к источникам уголовно-процессуального права, но при этом сформулировать правило об их обязательности, как важнейшего условия применения УПК РФ и законности основанной на его нормах деятельности.

Во-вторых, при рассмотрении содержания принципа законности следует обратить внимание на регламентацию вопроса о соотношении УПК РФ и федеральных законов. Конституционный Суд РФ дал положениям, закрепленным в ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ и предусматривающим безусловный приоритет уголовно-процессуального закона совершенно новое «звучание», наполнил их смыслом, не вытекающим из их буквального толкования.

В частности, Конституционный Суд РФ не только подчеркнул само собой разумеющийся, вытекающий из самого назначения уголовно-процессуального закона факт, что приоритет УПК РФ перед другими обычными федеральными законами ограничен рамками специального предмета регулирования [8], но и сформулировал новое правило, касающееся иерархии федеральных законов в уголовно-процессуальном регулировании, отметив, что приоритет УПК РФ ограничен случаями, когда в иных законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц [9]. И хотя Конституционный Суд РФ уверяет, что этот смысл уже заложен в ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ, простому правоприменителю, да и представителям уголовно-процессуальной науки,

он не доступен без соответствующих указаний Конституционного Суда РФ, в результате чего данная норма воспринимается в качестве «легальной фикции» [10, с. 216].

Учитывая диалектическую связь содержания и формы уголовно-процессуального права, о содержании правовой нормы мы можем судить только по ее форме, а познать заложенный в содержание правовых предписаний смысл – в первую очередь, по конкретным формулировкам. Единственный выход из создавшейся ситуации – включение данной нормы в текст УПК РФ.

Изложенное свидетельствует о том, что реальное, фактическое содержание принципа законности должно найти отражение в правовых предписаниях, изложенных в ст. 7 УПК РФ.

1. Гуляев А.П. Цель, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Российский следователь. 2012. № 16. С. 5–8.

2. Химичева О.В. УПК РФ: реформа продолжается // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 34–36.

3. Постановление Ломоносовского районного суда города Архангельска [Электронный ресурс]: от 25 августа 2021 г. по делу № 1-473/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Постановление Красноборского районного суда Архангельской области [Электронный ресурс]: от 25 мая 2022 г. по делу № 1-61/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 13 апреля 2021 г. № 13-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 17, ст. 3044.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575852&ysclid=ly481lzc33692646311 (дата обращения: 02.07.2024).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]: от 14 июля 2000 г. № 907-IQ. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280&ysclid=ly49hxi2gy925213602 (дата обращения: 02.07.2024).

8. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы:

постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 27, ст. 2804.

9. По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковско-го и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 8 ноября 2005 г. № 439-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 5, ст. 633.

10. Сидоренко М.В. О системе источников российского уголовно-процессуального права и их иерархии в контексте идеи определенности права // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 213–217.

Сведения об авторе

Прохорова Екатерина Александровна. Кандидат юридических наук, доцент. Докторант факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: принцип законности, модернизация формы уголовно-процессуального права, решения Конституционного Суда Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Рахмаджонзода Р.Р.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ ТАДЖИКИСТАНА

В статье автором рассматриваются различные вопросы уголовно-процессуальной науки Республики Таджикистан через призму этапов становления и развития данной науки, количества ученых в республике и соответствующего просчёта цифровых показателей. Указывается на ряд проблем, которые создают барьеры при дальнейшей модернизации подготовки кадров. Предлагается также видение автора относительно перспектив развития уголовно-процессуальной мысли.

В настоящее время предпринимаемые меры со стороны руководства государства свидетельствуют о внимательном и строгом отношении к проблемам науки, образования и подготовки кадров, в том числе и в сфере подготовки кадров высшей квалификации. Принятые постановления Правительства Республики Таджикистан в этих областях [15; 21; 22; 23; 12; 6; 7; 8] подтверждают наши выводы об этом.

Прав и очень точно определяет наше будущее Лидер нации, уважаемый Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, который отмечает, что в современном мире только те страны могут сохранить своё существование и развиваться, граждане которых обладают высоким уровнем грамотности, образования и культуры, любят науку, обладают знаниями и владеют профессией [5].

В контексте подготовки кадров Лидером нации особо было указано, что в настоящее время в стране работают около 5900 кадров со степенями и учеными званиями, из которых 886 человек, или 15,5 %, являются докторами наук (из них 146, или 16 % – женщины), 4800 – кандидатами наук и 158 – докторами наук по специальности. До обретения независимости в стране работало 3300 кадров со степенями и учеными званиями, в том числе 229 докторов наук и 3074 кандидата наук. Иными словами, за период независимости количество кадров со степенями и учеными званиями увеличилось в 1,8 раза, в том числе докторов наук – почти в четыре раза и кандидатов наук – в 1,6 раза. Эти показатели всё ещё не удовлетворительны, отметил Лидер нации.

В рамках своей встречи с деятелями науки и образования страны, соответствующим государственным органам и учреждениям, академиям, образовательным учреждениям и другим структурам были даны конкретные поручения по устранению действующих недостатков и были определены для них сроки соответственно.

Рассуждая о современном состоянии и дальнейших перспективах уголовно-процессуальной науки, необходимо отметить, что уголовное судопроизводство Таджикистана переходит на новый этап своего становления и развития. Прежде всего, этап связан с периодом проведения в стране судебно-правовых реформ, часть которых благополучно завершилась. Принимаемые нормативные правовые акты и ключевые документы в области уголовно-процессуального законодательства влияют на содержание и направления науки и практики. Вышеизложенные моменты в свою очередь свидетельствуют о развитии и влиянии региональной уголовно-процессуальной политики на отечественную уголовно-процессуальную науку [19, с. 26; 29, 159–179].

В свою очередь отечественная уголовно-процессуальная наука нуждается в тщательном и системном планировании [26, с. 538–539; 14, с. 294–299]. Исходя из достигнутых результатов, опубликованных научных работ уголовно-процессуальная наука Таджикистана заметно продвинулась. Количество защищенных научных исследований свидетельствуют о росте и набирающем обороте научного потенциала.

Свое обогащение уголовно-процессуальная наука также берет на стыке различных отраслей права и их взаимообусловленности друг с другом, когда проводятся конкретные исследования. Следует заметить, что в последние годы, таких исследований проводится крайне мало.

В рамках выделения и обоснования векторов развития и совершенствования основ современной уголовно-процессуальной науки Таджикистана, является необходимым указать на малопродуктивность и редкое участие ученых-процессуалистов дальнейшем становлении и развитии науки. Нам также представляется, что отсутствие цельного комментария к нормам уголовно-процессуального закона также свидетельствует об отсутствии интересности изложенной позиции, не говоря о систематизации и взаимодействии определенных научных школ и направлений.

Следует также отметить, что многие отечественные научные школы и отдельные ученые-процессуалисты давно уже не занимаются конкретными исследованиями, не говоря об отсутствии коллективных исследований. В данном контексте мы собрали данные по всем опубликованным исследованиям наших ученых, и даже диссертации, которые защищались по соответствующим специальностям – 12.00.09 и 12.00.12 (в прошлом 715 и 717 шифры специальностей) в хронологическом порядке. Список внушительный, который дополнительно свидетельствует об отсутствии научных школ в современном этапе развития науки, чего нельзя сказать про советскую эпоху и ее достижения.

Собранные труды по научной специальности 12.00.09 также приведены в сравнении периода становления и развития юридической науки и практики с периодом государственной независимости Таджикистана, т.е. с начала 1949 г. по 2019 г. включительно. За указанный период всего были защищены 4 докторские, 28 кандидатских диссертационных исследований. Учебников было издано – 8. Монографических исследований было подготовлено и издано – 40, а учебно-научных и иных изданий опубликовано было 86 наименований [18, с. 192–201].

На сегодняшний день, если посчитать после 2019 г. то количество защит по научной специальности 12.00.09 – Уголовно-процессуальное право увеличилось на 2 докторские диссертации [2; 19] и 9 кандидатских диссертаций [14; 11; 16; 11; 9; 1; 13; 3; 24]. Из 9 кандидатских диссертаций только две защищены за пределами республики (г. Москва, Академия управления МВД России – О.Т. Тохирзода и г. Волгоград, Волгоградская академия МВД России – Ш.Дж. Азимзода).

Отечественная уголовно-процессуальная наука развивается поэтапно и тому есть несколько причин, за исключением вышеуказанных моментов. Причины, способствующие появлению барьера, мы условно разделяем на несколько подпунктов.

1. Отсутствие научных школ и направлений.
2. Отсутствие взаимодействия между учеными.
3. Отсутствие четких ориентиров, комплексных планов исследований, стратегических документов.

Не вдаваясь в обоснование каждой из выделенных подпунктов, необходимо отметить, что государство в рамках реформирования уголовной

политики в целях всесторонней защиты конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, поэтапно делает все возможное, чтобы доработать проявляющиеся слабые аспекты уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов и судов.

В последнее время, правоохранительная и судебная деятельность неоднократно критикуется высшим руководством страны – Лидером нации, Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном. По утверждению главы государства, процессуальная деятельность органов предварительного расследования и надзора за этой деятельностью не соответствуют должным требованиям. Среди проблем – длительные сроки расследования уголовных дел, их неполнота и односторонность, ошибки в квалификации действий обвиняемых, недостаточный уровень прокурорского надзора, в том числе за возмещением причиненного ущерба, значительное количество возвращенных судами уголовных дел на дополнительное расследование. С учетом изложенного Президентом Республики, было поручено усилить прокурорский надзор за ходом дознания и следствия, в особенности за незаконным возбуждением уголовных дел и безосновательным привлечением граждан к ответственности, низким качеством расследования уголовных дел и несоблюдением срока проверок, тем самым предотвращать безосновательное продление следствия и случаи вызова дознавателями и следователями граждан без необходимости [4]. В контексте дальнейшей оптимизации следственной и правоохранительно-судебной деятельности были также подведены соответствующие итоги высшим руководством государства, где основной акцент был сделан на отсутствии взаимодействия между последними и, обвинительного уклона в их деятельности [25; 20].

Как правильно утверждается в Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 гг. от 6 февраля 2018 г. № 1005, основу законодательства и правовой политики страны составляют научные исследования, в которых всесторонне анализируются различные злободневные вопросы, раскрываются их различные аспекты, в том числе закономерности их развития, опыт других стран, исторический и правовой опыт таджикской государственности (п. 63).

Как нам представляется, исследования в области уголовного судопроизводства также должны корреспондироваться с основными требованиями положений Приоритетных направлений научных и научно-технических исследований в Республике Таджикистан на 2021–2025 гг. утвержденного постановлением Правительства Республики Таджикистан от 26 сентября 2020 г. № 503.

В свою очередь, резюмируя все изложенное, необходимо отметить старание и пошаговое стремление отдельных молодых и состоявшихся ученых к исследованию различных аспектов уголовно-процессуальной науки, которые тем самым вносят свою лепту в дальнейшее становление и развитие отраслевой науки в стране. Таковым мы видим перспективы раз-

вития отечественной уголовно-процессуальной науки, которое нуждается в дополнительном стимулировании, как в финансовом, так и в морально-этическом плане.

1. Абдуллоева М.К. Задержание лица по подозрению в совершении преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2023. 55 с.

2. Абдуллозода П.С. Теоретические и практические подходы к международному сотрудничеству в сфере уголовного процесса в постсоветских государствах: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2023. 135 с.

3. Азимзода Ш.Дж. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2023. 20 с.

4. Выступление на встрече с работниками органов прокуратуры (г. Душанбе, 13 марта 2018 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: www.president.tj/ru/node/17272 (дата обращения: 13.04.2018).

5. Выступление на встрече с деятелями науки и образования страны (г. Душанбе, 30 мая 2024 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: <http://www.president.tj/ru/node/33544>.

6. Государственная программа подготовки научных кадров высшей квалификации на 2021–2030 гг. [Электронный ресурс]: от 30 июня 2021 г. № 264. Доступ из ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

7. Государственная программа противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021–2030 гг. [Электронный ресурс]: от 30 июня 2021 г. № 265. Доступ из ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

8. Государственный стандарт высшего профессионального образования в Республике Таджикистан [Электронный ресурс]: от 29 ноября 2022 г. № 562. Доступ из ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

9. Иброхимзода И.С. Полномочия прокурора в судебных стадиях уголовного процесса Республики Таджикистан: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2022. 66 с.

10. Кахоров Н.М. Основы состязательности в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2019. 25 с.

11. Кобилов Б.К. Применение судом мер пресечения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2021. 47 с.

12. Национальная стратегия развития интеллектуальной собственности Республики Таджикистан на период до 2030 г. [Электронный ресурс]:

от 10 июня 2021 г. № 210. Доступ из ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

13. Негматов Б.С. Упрощенный порядок производства судебного следствия в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2023. 62 с.

14. Одинаев И.А. Уголовно-процессуальное задержание в досудебном производстве Республики Таджикистан и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. 20 с.

15. Приоритетные направления научных и научно-технических исследований в Республике Таджикистан на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс]: от 26 сентября 2020 г. № 503. Доступ из ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

16. Рахимзода М.С. Государственная защита участников уголовного процесса: состояние правового регулирования, практика и перспективы его развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2020. 62 с.

17. Рахмаджонзода Р.Р. Современное состояние уголовно-процессуальной науки // Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения: материалы Международной научно-практической конференции (23 октября 2020 г.). Костанай: Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева, 2020. С. 294–299.

18. Рахмаджонзода Р.Р. Библиография по уголовно-правовому профилю подготовки кадров: научное издание. Душанбе: «ЭР-граф», 2019. С. 192–201.

19. Рахмаджонзода Р.Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2023. 145 с.

20. Речь на встрече с работниками судебных органов (г. Душанбе, 21 ноября 2019 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: <http://www.president.tj/node/21842> (дата обращения: 25.04.2020).

21. Стратегия изучения и развития математических, точных и естественных дисциплин в сфере образования и науки на период до 2030 г. [Электронный ресурс]: от 30 апреля 2021 г. № 165. Доступ из ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

22. Стратегия Республики Таджикистан в сферах науки, технологии и инновации на период до 2030 г. [Электронный ресурс]: от 30 июня 2021 г. № 263. Доступ из ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

23. Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 г. [Электронный ресурс]: от 30 сентября 2022 г. № 483. Доступ из ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

24. Тохирзода О.Т. Производство по уголовным делам частного обвинения (по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 25 с.

25. Торжественное собрание по случаю Дня таджикской милиции (г. Душанбе, 10 ноября 2018 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: <http://www.president.tj/node/18876> (дата обращения: 11.11.2018).

26. Юлдошев Р.Р. Уголовно-процессуальная наука Таджикистана в современных условиях // Роль юридической науки в современных условиях: теория и практика: материалы VI международной научно-практической конференции (Душанбе, 31 октября 2018 г.). Душанбе: РТСУ, 2018. С. 538–539.

Сведения об авторе

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон. Доктор юридических наук, доцент. Заместитель начальника по науке.

Академия МВД Республики Таджикистан.

734012, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Мاستонгулова, д. 3.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, уголовно-процессуальная наука, современное состояние, перспективы развития, диссертации.

Ромашова М.В.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА

Заключение и показания специалиста, вовлеченного в уголовное судопроизводство, являются важными доказательствами по уголовному делу, однако их использование в процессе доказывания вызывает ряд вопросов и трудностей, что обусловлено недостатками правового регулирования процессуального статуса специалиста. В данной статье обозначены проблемы правоприменительного характера, возникающие в связи с участием в уголовном деле специалиста, и предложены варианты их решения.

Эффективность предварительного расследования и стабильность судебного решения по уголовному делу зависят от доказательственной базы, включающей согласно ст. 74 УПК РФ заключение и показания специалиста. Актуальность вопроса использования в ходе уголовного судопроизводства заключения и показаний специалиста для установления обстоятельств произошедшего события определяется важностью процесса дока-

звания для достижения целей уголовного судопроизводства и наличием значительного количества нерешенных вопросов правоприменительного плана, возникающих в случае привлечения лица, обладающего специальными знаниями, для разъяснения входящих в его компетенцию вопросов либо составления письменного заключения.

Исходя из смысла и содержания уголовно-процессуального закона, специалист, вовлеченный в судопроизводство по уголовному делу, не должен иметь заинтересованность в исходе дела, что обеспечит достоверность и объективность изложенных им сведений.

Специалист наделен специфическими процессуальными полномочиями, включая дачу показаний и составление заключения для оказания содействия в установлении обстоятельств произошедшего. Использование этих видов доказательств в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства вызывает ряд вопросов, требующих разрешения для выработки единообразной практики и соблюдения прав участников уголовного судопроизводства.

Сомнения на практике возникают при оценке с точки зрения допустимости следующих доказательств: показаний специалиста в суде, полученных после его допроса в качестве свидетеля на предварительном следствии; заключения специалиста, представленного стороной защиты следователю, дознавателю или в суд; протокола следственного действия с участием специалиста без его предупреждения о даче заведомо ложных показаний при отсутствии в протоколе каких-либо пояснений с его стороны; заключения специалиста, полученного без предварительного ознакомления стороны защиты с постановлением следователя, дознавателя о назначении исследования.

Показания специалиста, согласно ч. 4 ст. 80 УПК РФ, – сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями ст. 53, 168 и 271 УПК РФ. В тексте уголовно-процессуального закона не упоминается о допросе специалиста в ходе предварительного расследования в отличие от допроса эксперта, порядок проведения которого четко указан в ст. 205 УПК РФ. Исходя из смысла закона, полученные в ходе следственного действия разъяснения специалиста следует расценивать в качестве показаний, как и сведения, полученные при допросе в суде.

Доказательственное значение протокола следственного действия с участием специалиста нередко ставится под сомнение в случае отсутствия отметки о разъяснении специалисту ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Законодатель четко отразил необходимость предупреждения специалиста об ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ до начала производства следственного действия, что зафиксировано в ч. 5 ст. 164 УПК РФ. Однако судебная практика складывается иначе, что очевидно нарушает принцип законности и порядок производства следственного дей-

ствия, установленный на законодательном уровне. Например, по уголовному делу № 1-28/2023, рассмотренному Октябрьским районным судом г. Курска, суд сослался в приговоре на протокол осмотра, проведенного с участием специалиста, который не был предупрежден об уголовной ответственности, поскольку никаких пояснений не давал. Защитник просил признать данный протокол осмотра недопустимым доказательством, однако суд апелляционной инстанции оставил приговор в силе, не усмотрев нарушений процессуального закона при проведении оспариваемого следственного действия [2]. Данная судебная практика является, на наш взгляд, незаконной, поскольку не соответствует требованиям ч. 5 ст. 164 УПК РФ. Полагаем, специалист, привлеченный в производство для участия в следственном действии согласно ст. 168 УПК РФ, должен быть в обязательном порядке предупрежден об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ, независимо от дачи разъяснений, поскольку права и ответственность разъясняются специалисту перед началом следственного действия, что отражено в ч. 2 ст. 168 УПК РФ. Если же судебные органы полагают, что нет необходимости предупреждать специалиста об ответственности в случае, если его разъяснения не потребовались, то соответствующую отметку следует внести в текст уголовно-процессуального закона в целях выработки единообразной судебной-следственной практики.

Анализ процессуального положения специалиста позволил выявить неопределенность в вопросе о возможности привлечения в судопроизводстве специалиста, который ранее был допрошен в качестве свидетеля. Подобная ситуация сложилась по уголовному делу в отношении Е.В. Емельянова, осужденного 5 июля 2021 г. Ленинским районным судом г. Санкт-Петербурга по ч. 3 ст. 216 УК РФ. В ходе судебного разбирательства был осуществлен допрос специалиста, ранее давшего показания следователю в качестве свидетеля. Исходя из формального толкования уголовно-процессуального закона, в подобной ситуации имеются основания для отвода специалиста, что следует из текста ст. 61, 70, 71 УПК РФ. Кроме того, свидетель может иметь заинтересованность в исходе дела, что исключает его допрос в качестве специалиста. К такому выводу пришел Конституционный Суд РФ, который посчитал невозможным допрос лица в качестве независимого специалиста, если данное лицо прямо или косвенно причастно к расследуемым событиям, является их очевидцем, что влечет недопустимость его показаний как специалиста, поскольку сообщенные сведения будут базироваться не на объективных знаниях, а субъективном восприятии событий [5].

Несмотря на то, что в тексте уголовно-процессуального закона прямо указано на необходимость отвода специалиста, явившегося в суд для дачи показаний, в случае его допроса на этапе предварительного расследования в качестве свидетеля, судебные органы, включая суды первой, второй и кассационной инстанций, рассматривающие дело в отношении Е.В. Емелья-

янова, не усмотрели оснований для исключения показаний специалиста из числа доказательств. Это свидетельствует о наличии сомнений и неясностей, связанных с процессуальным статусом специалиста и допустимостью его показаний.

С другой стороны, на практике судебные органы в некоторых случаях необоснованно отказывают в допросе лиц в качестве специалистов, приглашенных стороной защиты и явившихся в суд для дачи показаний, несмотря на наличие нормы, запрещающей суду отказывать в удовлетворении данного ходатайства, что зафиксировано в ч. 4 ст. 271 УПК РФ. Данный вопрос, безусловно, нуждается в уточнении в целях соблюдения прав участников и принципов равенства сторон, состязательности и справедливости.

Использование в качестве доказательства заключения специалиста также сопровождается трудностями правоприменительного характера, что напрямую зависит от дефектов законодательной конструкции ч. 3 ст. 80 УПК РФ, где заключение специалиста определено как представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Осуществляя толкование данной правовой нормы, суды приходят к сомнительному выводу о том, что специалист не правомочен проводить схожее с экспертизой исследование, чтобы не допустить подмену процессуальных действий, а вправе лишь высказывать свое мнение по поставленным вопросам, которое носит предположительный характер, что лишает заключение достоверности и препятствует его использованию в качестве доказательства [3]. С другой стороны, в материалах уголовных дел имеются вынесенные следователем постановления о назначении исследования специалистом, то есть в судебно-следственной практике наблюдаются противоречия, касающиеся сути заключения специалиста.

Помимо этого, возникают вопросы о необходимости знакомить сторону защиты с постановлением о назначении исследования специалистом и возможности использования заключения специалиста в качестве доказательства при отсутствии процедуры ознакомления с указанным постановлением до начала проведения исследования. На практике данная процедура не выполняется по причине отсутствия специальной правовой нормы, но, исходя из принципа юридического равенства, следует предположить, что знакомить обвиняемого и его защитника с данным документом необходимо по аналогии с постановлением о назначении экспертизы, что обеспечивает возможность заявить отвод специалисту, сформулировать для него вопросы, а также станет условием приобретения заключением специалиста доказательственного значения.

При использовании в процессе доказывания заключения специалиста, как правильно отмечается в литературе, также возникают обоснованные сомнения и неясности [4, с. 52]. Чаще всего причиной исключения данного документа из числа доказательств является привлечение специалиста ненадлежащим лицом. По мнению судебных органов, данным пра-

вом обладает только следователь или суд. Такое толкование уголовно-процессуального закона, очевидно, противоречит ст. 53 УПК РФ, позволяющей защитнику привлекать специалиста в судопроизводство. Также суды ссылаются на отсутствие отметки о предупреждении специалиста об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, что обуславливает предположительный характер заключения. Такая позиция не соответствует логике законодателя, который не предусмотрел для специалиста ответственность за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ. Например, по уголовному делу в отношении О.Ф. Тлуповой, осужденной 17 ноября 2023 г. Баксанским районным судом Кабардино-Балкарской Республики по ч. 1 ст. 264 УК РФ, суд не признал доказательством по уголовному делу заключение транспортно-трассологического и автотехнического исследования специалиста ООО «АЛЬТЭКС» по тем основаниям, что ее автор не был привлечен к участию в уголовном деле в установленном порядке, не предупреждался об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Суд апелляционной инстанции согласился с данной позицией и пояснил, что письменное мнение лица, привлеченного защитником в качестве специалиста, не может расцениваться как доказательство [1].

Бугульминский городской суд Республики Татарстан, рассмотрев уголовное дело в отношении Р.И. Исхакова, осужденного по п. «б» ч. 2 ст. 199, п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ, в приговоре указал, что привлечение специалиста к участию в процессуальных действиях осуществляется следователем или судом, поэтому заключение ООО «ХимБурСервис» не может являться допустимым доказательством [6].

Данные выводы судебных органов не согласуются с позицией законодателя, являются необоснованными и нарушающими права участников со стороны защиты, лишенных возможности представить доказательства по уголовному делу. Полагаем, что вопросы использования в процессе доказывания заключения и показаний специалиста должны быть четко урегулированы на законодательном уровне в целях устранения противоречий, соблюдения прав участников со стороны защиты и обеспечения им возможности самостоятельно собирать оправдывающие доказательства и тем самым избегать произвола и добиваться справедливости.

1. Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики [Электронный ресурс]: от 17 января 2024 г. № 22-36/2024 // Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики: официальный сайт. URL: https://vs--kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=31806125&delo_id=4&new=4&text_number=1.

2. Апелляционное постановление Курского областного суда [Электронный ресурс]: от 25 декабря 2023 г. № 22-1414/2023 // Курский областной суд: официальный сайт. URL: <https://oblsud--krs.sudrf.ru/modules.php?>

name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=125586089&delo_id=4&new=4&text_number=1.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.В. Янченко на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 58, частями первой и второй статьи 86 и частью первой статьи 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2023 г. № 1751-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

4. Семенов Е.А., Васюков В.Ф., Волеводз А.Г. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: теоретические, процессуальные и организационные аспекты. М.: Проспект, 2020. 227 с.

5. О проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Емельянова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации по делу от 11 июля 2024 г. № 37-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Приговор Бугульминского городского суда Республики Татарстан [Электронный ресурс]: от 19 декабря 2023 г. // Бугульминский городской суд Республики Татарстан: официальный сайт. URL: https://bugulminskyyat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=318572952&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

Сведения об авторе

Ромашова Марина Владимировна. Кандидат юридических наук. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса.

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

390043, Российская Федерация, г. Рязань, ул. 1-я Красная, д. 18.

Ключевые слова: заключение специалиста, показания специалиста, процесс доказывания, предварительное расследование, уголовное судопроизводство.

Россинский С.Б.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ: СТОИТ ЛИ ВОЗВРАЩАТЬСЯ К «ФРАНЦУЗСКОЙ» МОДЕЛИ?

Анализируются перспективы повторного внедрения в национальные механизмы предварительного расследования «французской» типовой мо-

дела предварительного следствия. Формулируются вывод о явной неприемлемости для современного российского общества и государства вектора дальнейшего развития досудебной уголовной юстиции по классическим французским канонам, в частности реставрации некогда существовавшего корпуса специальных судебно-следственных чиновников. Одновременно утверждается о необходимости сохранения отдельных элементов «французской» модели.

Какими видятся концептуальные подходы к национальной системе предварительного следствия? Приступая к ответу на этот вопрос, необходимо сразу обратить внимание на аксиоматичность, то есть своеобразную доктринальную презумпцию идеи об общей приверженности российского уголовного судопроизводства именно к «европейским» публично-правовым канонам, к правовой ауре, свойственной христианской цивилизации, некогда возникшей в западной части Евразии. Ведь в силу ряда объективных и достаточно понятных причин эти каноны уже так фундаментально внедрились в национальную правовую среду, так глубоко укоренились в сознании всех слоев населения, что воспринимаются как непреложные юридические традиции, как бесспорные постулаты. Поэтому их глобальная ломка может привести к самым непредсказуемым последствиям, а затем – к неизбежному осознанию потребности в их реставрации, аналогично тому, как это происходило в первые месяцы советской власти [2, с. 8–52].

И в этой связи возникает еще один вопрос: надо ли реставрировать в современной России так называемую «французскую» типовую модель, основанную на дифференциации полицейского дознания и деятельности особых судебных чиновников: судебных следователей, следственных судей и т.п. – должностных лиц, обладающих юрисдикционной правосубъектностью, в том числе способных формировать доказательственные активы (доказательства), давать правовую оценку (квалификацию) содеянного, выносить имеющие юридические последствия правоприменительные решения. Ведь возникшая на рубеже XVIII–XIX вв. эта модель в силу ряда исторических причин начала использоваться во многих государствах. Российская империя тоже не стала исключением. Будучи ориентированными на французские социально-культурные ценности, участвующие в подготовке и претворении в жизнь Судебной реформы 1860-х гг. представители российской элиты постарались обеспечить максимальную степень преемственности новой на тот момент национальной системы предварительного следствия по отношению к данной модели. Легализованный в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. дореволюционный порядок досудебного производства в целом сводился к функционированию корпуса судебных следователей. Более того, всего через несколько лет после революционных событий 1917 г. возникли тенденции, связанные с реставрацией дореволюционных механизмов досудебного производства.

В дальнейшем эти тенденции оказали существенное влияние на развитие советской и постсоветской уголовной юстиции – несмотря на инкрементальную административизацию предварительного расследования уголовных дел, в частности на передачу соответствующих полномочий в ведение прокуратуры и органов исполнительной власти, сформировавшаяся за последние сто лет национальная система предварительного следствия сохраняет множество элементов, свойственных модели «французского» типа. И в этой связи один из путей ее развития вполне допустимо связать с реставрацией судебных следователей либо иных подобных судебных чиновников.

Такой вектор реформирования досудебной уголовной юстиции позволит выгадать некоторые очевидные предпочтения. Ведь во-многом основанная на принципах инквизиционности, характеризующаяся весьма высокой степенью публичности «французская» типовая модель сильнее всего предрасположена к должному уровню гармонизации механизмов досудебного производства с уже ставшими традиционными потребностями российского социума в сфере борьбы с преступностью. По всей вероятности, эта модель способна максимально оправдать реальные ожидания подавляющего большинства населения, по-прежнему олицетворяющего подлинное предназначение органов предварительного следствия именно с поиском истины [1, с. 107], со стремлением к некоей житейской справедливости, соответствующей не столько юридическим законам и правилам, сколько устоявшимся в обществе обычаям, «понятиям», представлениям о добре и зле и т.д. Многие россияне, как и прежде, желают видеть в следователях тех самых Порфириев Петровичей или Пал Палычей – принципиальных, строгих, но в тоже время радеющих за правду, вдумчивых, понимающих и справедливых «государевых слуг», готовых обстоятельно разобраться в мельчайших подробностях произошедшего и, самое главное, взять на себя всю полноту ответственности за обеспечение прав и законных интересов «рядовых граждан», не имеющих надлежащей юридической подкованности и правовой культуры, не располагающих финансовыми возможностями для приглашения работоспособных защитников (представителей) и т.д. Кроме того, очевидно, что реставрация «французской» типовой модели способствует преодолению целого ряда доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, возникших именно вследствие постепенных преобразований дореволюционной системы досудебного производства.

Вместе с тем, «французской» типовой модели присущ целый ряд «слабых звеньев», ставящих возможность ее полноценной реставрации для нужд российской уголовной юстиции под большой вопрос. Наиболее существенными из них являются «тяжесть», длительность, инертность, а значит и высокая стоимость (неэкономичность) механизмов работы классических судебно-следственных чиновников. Ввиду потребности в реализации множества известных процессуальных полномочий, связанных с полным, всесторонним и объективным исследованием имеющих значение

для уголовного дела обстоятельств, с собиранием (формированием) доказательств, с надлежащим обеспечением прав и законных интересов невластных участников уголовного судопроизводства и т.д., досудебное производство «французского» типа представляет собой череду сложных, трудоемких и заформализованных процедур – именно в них и кроется смысл подобной формы расследования; именно с ними и связаны важнейшие процессуальные гарантии, обуславливающие доброкачественность результатов следственной деятельности, их изначальная пригодность (допустимость) для предстоящего судебного заседания. Кстати, по всей вероятности, именно этим, в первую очередь, и объясняется неостребованность «французской» типовой модели досудебного производства в странах англосаксонской правовой семьи, а также возникновение и активное внедрение в мировую практику «немецкой» модели, основанной на отказе от судебно-следственных процедур формирования позиции государственного обвинения.

Кроме того, сложность внедрения «французской» типовой модели досудебного производства видится в географических и демографических особенностях России, предполагающих неравномерную, преимущественно низкую плотность населения, в частности существование множества малых населенных пунктов, разбросанных на десятки и даже сотни километров, то есть расположенных на значительном расстоянии от районных центров и других «очагов цивилизации». В таких непростых условиях наблюдаются изрядные трудности даже в части осуществления более привычных механизмов реализации судебной власти, сводящихся к проведению отдельных судебных заседаний с правом их отложения, объявления достаточно длительных перерывов и т.п. – даже для решения этих задач государство вынужденно учреждать вызывающие серьезные нарекания малосоставные суды, допускать возможность проведения выездных судебных заседаний и пр. Чего уж говорить про идеи возрождения корпуса специализированных судебно-следственных чиновников, должных отвечать за предварительное расследование уголовного дела на постоянной основе и готовых держать «руку на пульсе» буквально в круглосуточном режиме? Перспективы введения подобных правил на всей территории страны представляются весьма и весьма маловероятными.

В этой связи думается, что ни современное российское общество, ни реалии современной российской государственности явно не предрасположены к дальнейшему развитию досудебной уголовной юстиции по классическим французским лекалам, в частности к реставрации некогда существовавшего корпуса специальных судебно-следственных чиновников, наделенных всей полнотой, по крайней мере подавляющим большинством, «юрисдикционно-расследовательских» полномочий. Вместе с тем отказ законодателя от ряда еще присущих российской уголовной юстиции элементов «французской» типовой модели досудебного производства, в частности

от концепции «сильного», ответственного, вдумчивого, пони-мающего и справедливого следователя, призванного искать правду, устанавливать истину, то есть осуществлять полное, всестороннее и объективное познание всех имеющих значение обстоятельств и одновременно заботиться о правах и интересах участвующих лиц, также видится неконструктивным. Поэтому наиболее оптимальным представляется дальнейшее развитие досудебной уголовной юстиции по возникшему середине XX в. особому, так сказать, национальному пути, предполагающему возложение «юрисдикционно-расследовательских» полномочий на внесудебные органы государственной власти.

1. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2023. 528 с.

2. УПК РСФСР 1922 года – первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Институт государства и права РАН, 2023. 216 с.

Сведения об авторе

Россинский Сергей Борисович. Доктор юридических наук, профессор. Профессор кафедры управления органами расследования преступлений.

Академия управления МВД России.

125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: досудебное производство, полномочия следователя, предварительное следствие, следователь, следственный судья, судебный следователь.

Ростовцев А.В.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассмотрены организационно-практические аспекты работы с цифровыми следами при расследовании преступлений.

В последние десятилетия следователи начали активно изучать цифровые следы при расследовании различных видов преступлений в области

информационных технологий. Эти исследования включают в себя такие аспекты, как анализ голосов, редактирование видео, изучение почерка, изучение монтажа фотографий и видео, расследование бухгалтерских и финансовых преступлений, а также изучение технических деталей документов. Это обусловило ряд теоретических, правовых и организационных проблем и привело к изменениям в том, как эксперты методически проводят свои исследования, что оказало существенное влияние на их компетенцию.

С точки зрения Е.Р. Россинской, цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи [1, с. 44].

Такие следы невозможно воспринимать непосредственно органами чувств, однако их исследование осуществляется с помощью специальных устройств и программ, а не логико-психологических средств и методов. Они характеризуются высокой степенью трансформации, требуют новых способов, методов и процедур по обнаружению, фиксации и обеспечению сохранности. Перечисленные свойства цифровых следов требуют использования криминалистических технологий при их выявлении, сохранении и изъятии, а также судебно-экспертном исследовании.

Как отмечает В.В. Павлов, обнаружить цифровые следы в мессенджерах и социальных сетях возможно следующим образом:

- с электронного устройства участников уголовного судопроизводства (обвиняемый, подозреваемый, свидетель, потерпевший), посредством авторизации через их аккаунт – получение информации в таком случае возможно, если данные будут находиться в открытом доступе или есть возможность внедриться путем вступления в закрытые группы;
- поиск информации посредством технических средств;
- с электронно-вычислительных устройств [2, с. 60].

В них могут размещаться сведения, которые в свою очередь доказывают противоправную деятельность:

- поиск жертвы и орудий преступления;
- обмен информации между членами преступной группы (сообщества);
- сбыт имущества, ранее добытого преступным путем;
- обмен преступным опытом, посредством изучения информации;
- экстремистские материалы;
- способ сокрытия следов и др.

Стоит отметить, что цифровую информацию обычно содержат электронные носители. Из-за своего обезличенного характера она представляет собой дополнительную проблему для органов следствия и дознания в сопоставлении цифрового следа с лицом, причастным к преступному собы-

тию. Все это затрудняет фиксацию в определении места совершения противоправного деяния, которое непосредственно связано с сетью Интернет.

При этом криминалистическому исследованию подлежит сам электронный носитель вместе с цифровыми следами, который при его правильном обнаружении, фиксации и изъятии (с сохранением целостности и полноты криминалистически значимой информации) в дальнейшем становится вещественным доказательством и объектом судебной компьютерно-технической экспертизы, от результатов которой зависит дальнейшая направленность расследования.

Как известно из учения о классификации судебных экспертиз [3, с. 136], любое экспертное исследование, в том числе исследование цифровых следов возможно при производстве:

1) комплекса экспертиз (несколько экспертиз с использованием разных плоскостей специальных познаний): судебная компьютерно-техническая экспертиза и затем иные необходимые экспертизы в соответствии со сложившейся следственной ситуацией;

2) комплексной экспертизы (проводится одна экспертиза с привлечением экспертов, сведущих в разных отраслях знаний);

3) различных родов (видов) моноэкспертиз – используются специальные знания и методики в сфере IT-технологий.

Основной формой фиксации информации, полученной при производстве следственного действия в сети, является протокол с описанием ключевых характеристик изучаемых компьютерных устройств, внешнего вида страниц в Интернете, содержащейся на них информации, фотографирование экрана, изъятие для исследования всего объекта. Помимо протокола, такую информацию возможно фиксировать и в иной форме: распечатанный скриншот, справка организации, которая представляет услуги хостинга.

Безусловно, при проведении следственных действий, связанных с обнаружением, фиксацией и изъятием цифровых следов, необходимо наличие специалиста, ввиду того, что его участие является обязательным на основании ст. 164.1 УПК РФ, при изъятии и копировании данных с электронных носителей [4]. Ряд ученых считает спорным вопрос обязательного присутствия специалиста при производстве следственных действий, в том числе, например, при выемке, полагая, что следователь в состоянии сам надлежащим образом изъять электронный носитель информации.

Специалист необходим при изъятии информации с удаленных серверов, так как здесь необходимы определенные знания и правильная дальнейшая фиксация. При обнаружении цифровых следов противоправных деяний, которые связаны с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (приобретение, незаконный сбыт), возможно лишь посредством оценки исходного кода страницы сайта. Для этого необходи-

мо участие специалиста, обладающего узкопрофильными специальными знаниями.

Как и перед любым участником процесса уголовного судопроизводства, перед специалистом ставится конкретная задача по применению своих специальных знаний. Чаще всего он занимается поиском и изъятием цифровых следов и другой важной компьютерной информации. При этом специалист решает следующие вопросы:

- установить конфигурацию компьютерной системы, записав физические, числовые и инвентарные номера;
- обеспечить сохранение информации о состоянии работающего устройства;
- включить побайтовое копирование содержимого памяти электронных носителей информации;
- определить возможность управления компьютерами с помощью системных устройств удаленного доступа;
- экспортировать электронную переписку;
- помочь в поиске скрытых носителей информации и преодолеть защиту доступа к данным [5].

Эксперты изучают электронные носители, которые содержат цифровые формы информации, хранящейся на них. Иногда им необходимо просматривать информацию непосредственно на компьютере, а не на отдельных внешних устройствах хранения. Это требует специальных знаний в области судебной компьютерно-технической экспертизы для поиска и анализа цифровых следов.

В экспертных подразделениях создаются специализированные отделы или группы компьютерно-технических экспертов для помощи в раскрытии и расследовании IT-преступлений. Они применяют новые способы и методы использования специальных знаний в области IT-технологий для поиска и обнаружения цифровых следов. IT-специалисты также дают организационно-тактические и практические рекомендации о том, как максимально эффективно использовать возможности специальных видов исследований при проведении следственных, процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий [6].

1. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2022. 256 с.

2. Павлов В.В., Золотов М.А., Калентьева Т.А. Проблема получения и фиксации информации, содержащейся на электронных устройствах лиц, задержанных по делам о незаконном обороте наркотических средств с использованием ресурсов сети Интернет // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. С. 216–225.

3. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение: учебник / под ред. Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 400 с.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 25 декабря 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022.

6. Тишков С.А. Порядок назначения и производства отдельных видов судебных экспертиз: учебное пособие. Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. 90 с.

Сведения об авторе

Ростовцев Александр Васильевич. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры криминалистики.

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

143103, Российская Федерация, Московская область, Рузский г.о., п. Старотеряево.

Ключевые слова: следователь, цифровые следы, информационные технологии, расследование преступлений.

Рудов Д.Н.

УЧАСТИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ – ЗАЛОГ ПОЛУЧЕНИЯ ВАЖНОЙ ПЕРВИЧНОЙ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье указана целесообразность привлечения к проведению осмотра места происшествия потерпевшего лица, а также важность его пояснений в ходе осмотра, что является первоначальной доказательственной информацией по уголовному делу.

Самым часто проводимым следственным действием по большей части уголовных дел является осмотр места происшествия. Осмотр места происшествия является важным следственным действием при расследовании любого вида преступлений. От качества и полноты его проведения зависит не только сбор вещественных доказательств, но и установление личности преступника с целью его оперативного розыска и задержания по го-

рячим следам. Поэтому он должен проводиться незамедлительно с соблюдением всех процессуальных, криминалистических и тактических аспектов.

Законодательством установлено, что осмотр места происшествия может быть произведен до и после возбуждения уголовного дела и данное следственное действие проводится с целью отыскания, фиксации и изъятия следов преступного деяния, предметов и документов, которые в последующем будут являться вещественными доказательствами, а также непосредственного восприятия следователем обстановки места происшествия для выдвижения обоснованных версий совершения преступления, и лицах, его совершивших [1, с. 196]. Нередки случаи, когда при обнаружении и изъятии следов и других вещественных доказательств были установлены, в короткий срок, лица, совершившие преступление.

Осмотр места происшествия является неотложным следственным действием, так как в ближайшем будущем обстановка места совершения преступления может быть изменена, в связи с погодными условиями, либо вмешательство человека; следы преступника (следы пальцев рук, следы ног, запаховые следы и т.д.) со временем могут быть утрачены [2, с. 38]. В связи с чем, рекомендуется производить осмотр места происшествия непосредственно после получения одного из поводов к возбуждению уголовного дела, предусмотренных ст. 140 УПК РФ [3, с. 92].

Важно провести следственный осмотр правильно, соблюдая все процессуальные процедуры и методы, а также криминалистические рекомендации чтобы обеспечить объективность и достоверность собранных доказательств.

Анализ следственной практики позволяет полагать, что неправильно выбранная тактика осмотра места происшествия:

- может привести к упущению важных доказательств и следов;
- может исказить картину происшествия;
- может помешать реконструкции событий;
- может затруднить установление обстоятельств преступления;
- может помешать правильной оценке обстановки;
- может затруднить установление причинно-следственных связей;
- может привести к неправильным выводам.

Последствия неправильно выбранной тактики осмотра места происшествия для расследования и раскрытия уголовного дела могут повлечь:

- увеличение времени, необходимого для раскрытия преступления;
- увеличение вероятности судебных ошибок;
- уменьшение доверия общественности к правоохранительной системе;
- усложнение привлечения виновных к ответственности.

Значительно облегчает производство данного следственного действия, участие лиц, которые могут дать пояснения по поводу отдельных фактов совершенного преступления [4, с. 48], одним из таких лиц является заявитель. Получив сообщение о преступлении, либо при принятии устно-

го заявления, о совершенном преступлении, следователь в составе следственно-оперативной группы выезжает на место совершения происшествия, где по прибытии устанавливаются лица – очевидцы, производится их устный опрос, после чего следователь приступает к осмотру места происшествия [5, с. 116].

На данном этапе следователем должен быть разрешен вопрос, касающийся участия при производстве осмотра лица, которое в будущем будет являться потерпевшим лицом по уголовному делу и решается вопрос о необходимости участия лица, сведения которого будут способствовать более тщательному установлению обстановки на месте происшествия [6, с. 130]. Помимо этого, следует учитывать, что потерпевший и сам может заявить ходатайство о допуске к участию в осмотре места происшествия [7, с. 200].

При производстве осмотра места происшествия и фиксации в протоколе пояснений заявителя можно детально установить место хранения предметов преступного посягательства по имущественным преступлениям; изменения в обстановке, которые произошли во время, либо непосредственно после преступного посягательства; изъятие следов и средств совершения преступления – окурков сигарет (в случае, если потерпевшее не курит, либо не та марка сигарет), других объектов: перчатки, лом, топор (дела по краже из жилища или иного помещения), след протектора шины (по делам об угонах и краже ТС).

Также потерпевший может пояснить, откуда пришел преступник и в каком направлении скрылся, на каком участке местности было совершено преступное посягательство, данные пояснения будут необходимы для наиболее тщательного поиска следов преступления (следы борьбы – сломанные ветки, примятая трава, следы рук, ног, крови и части одежды). Стоит также зафиксировать с помощью схемы пути прихода, отхода и место совершения преступления, с пояснений пострадавшего лица. Следует пройти по пути следования преступника, так как могут быть обнаружены другие следы, им оставленные, либо ставшие ему ненужными после совершения преступного посягательства. Н.В. Морозова отмечает, что привлечение для осмотра места происшествия потерпевшего имеет особое значение и данное действие выполнимо лишь в том случае, если позволяет его состояние. Именно потерпевший может помочь следователю в установлении границ осмотра, указав маршрут передвижения, нападавшего [8, с. 51]. Здесь следует иметь в виду, что осмотр не ограничивается участком, на котором произошло само преступное посягательство, необходимо также осмотреть прилегающую территорию.

Бывают случаи, когда потерпевший не может присутствовать при производстве осмотра места происшествия. Это может быть связано с состоянием его здоровья. Поэтому, важно будет именно опросить потерпевшего и узнать важные обстоятельства. Если ему тяжело и затрудняется

указать и определить место происшествия, то в таком случае можно попросить его назвать ориентир и доставить к нему. Как получилось доставить потерпевшего на предполагаемое место, то необходимо предоставить ему возможность самостоятельно вести поиск нужного места происшествия.

Также, говоря о тех моментах, когда потерпевшее лицо было госпитализировано с места преступления и не может в ходе первоначального осмотра дать пояснения, то целесообразно по его выписке из лечебного учреждения провести дополнительный осмотр места происшествия с его участием. Данное следственное действие проводится обычно по делам таких категорий, как причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, по делам о дорожно-транспортных происшествиях, а также по разбоям, если пострадавшему был причинен вред, требующий его госпитализации. В ходе дополнительного осмотра по делам о дорожно-транспортных происшествиях потерпевшее лицо может указать место наезда на него, в каком направлении двигался он и его транспортное средство.

До возбуждения уголовного дела пострадавшее лицо вписывается в протокол, как участвующее лицо с указанием фамилии, имени, отчества, места проживания и прописки, а также номера телефона, по которому с ним можно связаться. Следует иметь в виду тот факт, что участие заявителя в ходе осмотра места происшествия может быть, как активным, так и пассивным. В случае участия пассивного заявителя следователю стоит задавать вопросы в ходе проведения осмотра места происшествия в целом, а также по каждому обнаруженному объекту или предмету.

Таким образом, отметим, что целесообразность проведения осмотра места происшествия вместе с потерпевшим не вызывает сомнений, поскольку он может оказать следствию и органам дознания помощь в отыскании следов преступления в силу следующих обстоятельств:

- у потерпевшего могут быть свежие воспоминания о событии, и он может указать на детали, которые не заметили бы другие;

- потерпевший может помочь в поиске улик, таких как орудие преступления или личные вещи грабителей, которые он видел или с которыми контактировал;

- потерпевший может предоставить информацию о внешности, поведении и возможных сообщниках грабителей, что может помочь в их идентификации и задержании;

- участие потерпевшего на месте происшествия может помочь следователям воспроизвести ход событий и понять, как произошло преступление;

- присутствие потерпевшего может также оказать эмоциональную поддержку и дать ему возможность активно участвовать в процессе расследования.

В целом, включение потерпевшего в осмотр места происшествия может улучшить качество и эффективность расследования.

В качестве вывода отметим, что участие пострадавшего лица в ходе проведения осмотра места происшествия имеет важное доказательственное значение, так как показания и разъяснения, полученные в ходе проведения данного следственного действия, будут иметь доказательственное значение. Пояснения потерпевшего лица, а также следы и предметы, полученные в ходе осмотра, дают важную информацию о самом событии преступления, о преступнике, о путях прихода и отхода с места преступления, о похищенных предметах, а также иную информацию, на основании которой выдвигаются целесообразные версии и обеспечивается поиск лиц, совершивших преступление, в кратчайшие сроки, что обеспечивает выполнение назначения уголовного судопроизводства.

1. Соколов А.Б., Абдулина Е.Б. Закономерности организационно-тактической деятельности по подготовке к производству следственных действий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 194–204.

2. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 104, № 7. С. 37–42.

3. Чаплыгина В.Н. «Свободный» повод для возбуждения уголовного дела // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 3 (72). С. 92.

4. Чаплыгина В.Н. Реализация уголовно-процессуальных норм при производстве «доследственной» проверки // Наука и практика. 2014. № 4.

5. Сучков А.И. Некоторые особенности производства осмотра места дорожно-транспортного преступления // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: сборник материалов международной научно-практической конференции. Иркутск, 2022. С. 113–117.

6. Чаплыгина В.Н., Калюжный А.Н. Планирование расследования преступлений: содержание понятия и проблемы организации УПК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 13-1. С. 129–132.

7. Сучков А.И. Актуальные проблемы, возникающие при осмотре места происшествия по делам о спровоцированных дорожно-транспортных происшествиях // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 198–206.

8. Морозова Н.В. Общетеоретические аспекты проведения осмотра места происшествия при расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 4 (89). С. 48–52.

Сведения об авторе

Рудов Денис Николаевич. Кандидат юридических наук, доцент. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, неотложное следственное действие, потерпевший, преступное посягательство, следователь, информация.

Ряполова Я.П., Рябина Т.К.

СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Статья посвящена изучению соотношения частных и публичных начал при производстве дознания в сокращенной форме, анализируются подходы, связанные с предложениями о принятии мер по сдерживанию влияния инициативы потерпевшего и иных участников уголовного судопроизводства на ход производства по уголовному делу в условиях применения упрощенной формы дознания в целях достижения баланса частного и публичного интересов.

Со времени появления дознания в сокращенной форме не прекращается дискуссия о чрезмерном присутствии частной инициативы в выборе направления хода предварительного расследования и вызванного этим изменения баланса частных и публичных начал уголовного процесса. Как показывает анализ гл. 32.1 УПК РФ распределение гарантий прав участников уголовного судопроизводства как неизменного элемента надлежащей процессуальной процедуры, связанного в том числе и с частной инициативой и реализацией принципа публичности, призванного защитить общественный интерес, весьма неоднородно, в связи с чем дискутируется предложения о принятии мер по сдерживанию фактора оказания влияния потерпевшего, а также иных участников уголовного судопроизводства на ход производства по уголовному делу, расследуемому с применением дознания в сокращенной форме, и уравнивания баланса частного и публичного интересов [1, с. 11].

А.В. Победкин определяет публичность уголовного судопроизводства общей направленностью процессуальной формы на всестороннее, полное, объективное производство, выявление лиц, совершивших преступ-

ление, и назначение им справедливого наказания, основного заинтересованного субъекта уголовного судопроизводства необходимо видеть не в обвиняемом и не в потерпевшем, а в обществе. При этом он констатирует утрату публичности уголовного процесса вследствие реформаторских шагов законодателя при внедрении упрощенного порядка производства дознания [2, с. 149]. О.А. Андреева отмечает, что общественный интерес в наличии производства дознания в сокращенной форме видится в том, чтобы расследование по делам небольшой и средней тяжести осуществлялось в режиме процессуальной и финансовой экономии и при условии сохранения уровня обеспеченности гарантий прав личности [3, с. 5]. Нельзя не согласиться с уважаемым автором в том, что институт сокращенного дознания на современном этапе развития отечественного законодательства не отвечает в полной мере ни общественным интересам, ни частным интересам участников уголовного судопроизводства.

Как мы знаем, в качестве основания применения рассматриваемой формы дознания определено волеизъявление подозреваемого, позиция которого определяет переход из общего порядка производства в упрощенный [4, с. 225]. Б.Я. Гаврилов отстаивает идею о том, что решение о производстве расследования в сокращенной форме должно быть за лицом, производящим расследование [5], автор продвигает идею возрождения протокольной формы досудебной подготовки как альтернативы неоправдавшему надежд законодателя дознанию в сокращенной форме, данная идея находила и сейчас находит все больше сторонников [6, с. 55; 7, с. 152; 8, с. 86]. В свое время А.П. Гуляев также считал, что целесообразным установить две альтернативные формы производства дознания: в протокольной форме (когда это легко выполнимо) и в общей форме, но с определенным упрощением [9, с. 3].

Следующей меткой, настораживающей исследователей соотношения частных и публичных интересов в рассматриваемом институте, служит необходимость разъяснения подозреваемому права заявить ходатайство до начала первого допроса. По мнению Т.А. Ильяшевич, это существенно ограничивает возможности уполномоченного субъекта на установление фактических обстоятельств и, собственно, оснований для перехода на упрощенный формат дознания, что сопряжено с риском для полноты и обоснованности принимаемого решения, а значит, противоречит принципу публичности, автор обосновывает целесообразность разъяснения соответствующего права при окончании первого допроса [10, с. 26]. Кроме того, процедуру разъяснения преимуществ дознания в сокращенной форме до первого допроса подозреваемого можно охарактеризовать по сути как предложение дознавателя сделать выбор в предпочтительном для него направлении, признании подозреваемым своей вины и предоставлением обличающих доказательств, что не соответствует ч. 2 ст. 14 УПК [11, с. 147].

Изъятием из принципа публичности уголовного процесса признают также необходимость учета волеизъявления потерпевшего как обязательного условия производства дознания в сокращенной форме [12, с. 14]. Вместе с тем, представляется, потерпевший должен быть наделен правом настаивать на общем порядке дознания особенно в условиях существующей неопределённости на первоначальном этапе расследования о причастности конкретного лица к совершению преступления, кроме того лицо, потерпевшее от преступления, может предъявить подозреваемому обоснованные требования по возмещению ущерба и не давать согласия на производство дознания в сокращенной форме до этого момента [13, с. 77].

При этом в ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ предусмотрено права подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего или его представителя обратиться с требованием прекратить дознание, проводимое в упрощенном порядке, и возобновить дознание в общем порядке в любой момент производства по делу до удаления суда в совещательную комнату, и такое ходатайство подлежит безусловному удовлетворению, а дело судом возвращается прокурору [14, с. 7]. Справедливо указывается, что расширение частных начал применительно к рассматриваемому институту не должно происходить механически, путем простого увеличения процессуальных прав личности, это может привести к обратному результату, в первую очередь ущемлению гарантий правосудия [15, с. 49]. В этой связи предлагается закрепить, что согласие потерпевшего должно быть получено в письменной форме один раз на этапе досудебного расследования, а после удовлетворения ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме, необходимо разъяснять последствия такого решения и невозможность его изменения в будущем [16, с. 54]. А.Н. Александров обосновывает, что право возражать против производства дознания в сокращенной форме может быть распространено исключительно на расследование уголовных дел частного и частно-публичного обвинения. По общим правилам отказ от упрощенной форм дознания и переход на общий порядок производств дознания возможны только при констатации наличия обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме согласно ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, за исключением п. 6 [17, с. 37].

Нарушение баланса частных и публичных начал видится и в несоответствии положений общей (ч. 1 ст. 119 и ст. 122 УПК РФ) и специальной нормы (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ), в последнем случае предполагается заранее установленная сила поданного ходатайства, которое подлежит удовлетворению со всеми вытекающими рисками и последствиями, в то время как по общему правилу порядок рассмотрения ходатайства предполагает возможность отказа в его удовлетворении.

Таким образом, выявленные проблемные аспекты реализации частных и публичных интересов при существующей расстановке приоритетов реализации потерпевшим и подозреваемым своих прав в ходе производ-

ства предварительного расследования в форме сокращенного дознания определяют необходимость тщательной теоретической разработки мер по сдерживанию влияния инициативы потерпевшего и иных участников уголовного процесса на ход производства по уголовному делу.

1. Журавлева Н.М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования, теории и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уральский юридический институт МВД РФ, 2020. 28 с.

2. Победкин А.В. Публичность, которую мы потеряли (размышления в связи со 150-летием Устава уголовного судопроизводства) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 143–150.

3. Андреева О.И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 5–14.

4. Реброва В.С. Институт дознания в сокращенной форме: направления совершенствования // Закон и право. 2024. № 8. С. 224–228.

5. Гаврилов Б.Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения [Электронный ресурс] // Baikal Research Journal. 2014. № 6. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/doznanie-v-sokraschennoy-forme-zakonodate>.

6. Прокопова А.А. Протокольная форма досудебной подготовки материалов как возможная модель ускоренного производства (с учетом опыта Республики Казахстан) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 55–63.

7. Крылова Д.С. Общие условия предварительного расследования: современное состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 152.

8. Ряполова Я.П. Начало досудебного расследования: восприятие опыта применения Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 80–90.

9. Гуляев А.П. Концепция реформирования предварительного расследования преступления // Российский следователь. 2012. № 11. С. 2–4.

10. Ильяшевич Т.А. Публично-правовой характер уголовного процесса при реализации прав участников на инициирование и прекращение производства дознания в сокращенной форме // Мировой судья. 2023. № 8. С. 25–27.

11. Францифоров Ю.В. Обеспечение прав и законных интересов участников процесса при производстве дознания в сокращенной форме // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 146–150.

12. Белавин А.А., Бочкин С.А. Проблемы сокращенной формы дознания // Российский следователь. 2016. № 13. С. 12–17.

13. Варпаховская Е.М. Обеспечение прав потерпевшего в сокращенной форме дознания – позитивная тенденция развития современного российского уголовно-процессуального законодательства // Сибирский юридический вестник. 2014. № 1. С. 73–79.

14. Рябина Т.К. Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете // Российский следователь. 2013. № 24. С. 6–9.

15. Ляхов Ю.А. Расширение частных начал в уголовном судопроизводстве России как фактор его гуманизации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 3. С. 46–51.

16. Григорьев Д.А. От протокольной формы досудебного производства до сокращенного дознания // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 53–55.

17. Александров А.Н. К вопросу о реализации права потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 36–41.

Сведения об авторах

Рябина Татьяна Кимовна. Доктор юридических наук, профессор. Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики.

Юго-Западный государственный университет.

305048, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94.

Ряполова Ярослава Петровна. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Юго-Западный государственный университет.

305048, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, производство по уголовному делу, упрощенная форма дознания, баланс частного и публичного интересов.

Сезонова Т.В.

ФОНОСКОПИЧЕСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА

В статье рассматривается применение результатов фоноскопической и лингвистической экспертизы в качестве доказательственной базы при раскрытии преступлений экстремистской направленности. Проанализированы способы нарушения аутентичности фонограмм.

Проблема противодействия экстремизму и терроризму в настоящее время актуальна как никогда. Иллюстрацией данного утверждения являются статистические данные, согласно которым за период 2022 г. зарегистрировано 1566 преступлений экстремистской направленности, а только за первое полугодие 2023 г. их число составляет 824, что уже является увеличением на 38 % в сравнении с прошлым годом. Таким образом, в Российской Федерации наблюдается явный рост преступлений экстремистского характера.

Экстремистская деятельность – насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение территориальной целостности РФ (в том числе отчуждение части территории РФ) [1]. Она является одним из опасных видов противоправных деяний, которые вносят отрицательные коррективы в работу органов государственной власти, нарушают целостность государственного строя, становятся объектом социальной, национальной, религиозной и расовой неприязни среди людей. Именно поэтому в современном мире борьба с экстремизмом – одна из приоритетных задач правоохранительных органов РФ, что еще раз подчеркнул на расширенном заседании коллегии МВД России министр внутренних дел генерал полиции РФ В.А. Колокольцев [2].

В настоящее время эффективность расследования и профилактики преступлений рассматриваемой категории во многом зависит от грамотного применения специальных знаний. Этот процесс подразумевает взаимодействие различных процессуальных субъектов судопроизводства, обеспечивающее возможность полного, всестороннего и объективного исследования всех фактов и доказательств по делу и, как результат, вынесение обоснованного и справедливого решения [3]. На современном этапе развития правового института одну из важных ролей в расследовании преступлений играет судебная экспертиза, которая может быть назначена по разным категориям дел:

- ст. 280 и 282 УК РФ;
- дела об административных правонарушениях (ст. 20.3 КоАП РФ);
- гражданские дела в связи с применением ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Существуют различные способы раскрытия преступлений. Одним из способов процесса формирования доказательной базы является анализ вербальной информации, передаваемой по акустическим каналам связи. Фонограммы служат средством совершения преступления, одновременно сохраняя его следы и иные обстоятельства, свидетельствующие о совершении лицом преступления. Необходимым условием приобщения фонограммы в качестве доказательства к уголовному делу является подтверждение ее аутентичности. Криминалистическую диагностику аутентичности фонограммы проводят, устанавливая соответствие отображаемого звукового следа реально происходящему событию, с учетом обстоятельств,

привносимых в сигнал при его порождении источником звука, а также передаче по каналам связи, регистрации на материальном носителе. На практике довольно часто прослеживаются случаи фальсификации фонограмм как источника доказательств. Нарушениями аутентичности речевого события считают такие действия, как искажение речевого сигнала, монтаж, синтез голоса и речи, имитация и маскировка речи, модификация устройства, и их возможно произвести следующими способами:

- 1) искусственное уменьшение или ухудшение качества информации (стирание, выборка, остановка записи);
- 2) увеличение количества информации (наложение записи на другую, ведение нескольких записей);
- 3) полная или частичная замена информации;
- 4) изменение в линейной последовательности информации (монтаж) [4].

Безусловно, та фонограмма, которая была изготовлена, обладает определенными специфическими свойствами:

- отличительная особенность от аналога по важным элементам смыслового и формального содержания, а также по характеру содержательно-смысловой направленности разговора;
- отсутствие логической связанности;
- наличие интонационно-просодического диссонанса и ряд других;
- наличие элементов и фрагментов, которые не обусловлены конкретной ситуацией.

Важно отметить, что современные научные технологии предоставляют возможность определения фальсификации фонограмм в процессе выполнения фоноскопической экспертизы. При расследовании преступлений экстремистского характера, фоноскопическая экспертиза позволяет установить:

- 1) принадлежность записанного голоса и звучащей речи конкретному лицу (идентификация голоса);
- 2) отдельные характеристики говорящего и звучащей речи;
- 3) речевое и акустическое содержание аудиозаписи (перевод звуковой информации в текстовую);
- 4) подлинность и аутентичность звукозаписи (выявление фальсификации звукозаписи) [5].

Таким образом, фоноскопическая экспертиза применяется в качестве доказательства по уголовному делу для определения достоверности фонограммы.

Также немаловажную роль в раскрытии преступлений экстремистского характера и формировании доказательной базы играет лингвистическая экспертиза. Методы лингвистики позволяют установить, что именно выражено в предоставляемом материале, имеет ли отношение к запрещенному материалу для публичного освещения. Лингвистический анализ дает

возможность выявить смысловое содержание материала и создает объективную основу для его последующей правовой оценки.

Основными особенностями материалов, используемых в экстремистской деятельности, являются:

- использование в материалах призывов запрещенным на законодательном уровне действиям;
- использование в материалах пропаганды превосходства или неполноценности по признакам расовой, религиозной, этнической принадлежности;
- использование идей террористической направленности;
- наличие в материале идей терроризма;
- наличие в материале призывов или констатация угрозы как оружия воздействия на общество;
- использование в материале призывов на возбуждение вражды по признакам религиозного, национального, расового, языкового происхождения общества.

Целью лингвистической экспертизы является установление наличия или отсутствия данных особенностей содержания материала. Объектами данного вида экспертного исследования являются только конкретно определенные (порожденные в конкретной ситуации коммуникации) и зафиксированные на материальном носителе тексты (устные, письменные, креолизованные).

Применение в судебной лингвистической экспертизе методов лингвистического анализа текста должны отвечать общим принципам допустимости применимости метода в судебно-экспертном исследовании:

- а) законность и этичность метода, т.е. применение метода лингвистического анализа не должно вести к нарушению норм процессуального права и принципов судебно-экспертной деятельности;
- б) научная состоятельность метода, т.е. применение лингвистического метода должно позволять получать с его помощью объективный, достоверный и воспроизводимый результат и возможность давать обоснованный ответ на поставленный вопрос;
- в) валидность метода, т.е. соответствие результатов исследования поставленным задачам исследования.

Таким образом, в современном мире с каждым днем растет потребность применения фоноскопической и лингвистической экспертизы. На основании данных экспертиз в большинстве случаев происходит категорирование информации и сведений на содержащие экстремистские высказывания и не содержащие. Следовательно, от качества данных экспертиз будет зависеть правильность разрешения уголовного дела.

1. О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ.

2. Расширенное заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/16024980>.

3. Карпушкин О.С., Чаплыгина В.Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы реализации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71–73.

4. Галяшина Е.И., Снетков В.А. К понятию установления аутентичности магнитных аудио- и видеофонограмм // 50 лет НИИ криминалистики: сб. науч. тр. М.: ЭКЦ МВД РФ, 1995. С. 61–66.

5. Ковалев А.В., Владимиров В.Ю. и др. Аспекты обеспечения законности и эффективности судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: материалы Международного форума. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 21.

Сведения об авторе

Сезонова Татьяна Владимировна. Кандидат педагогических наук. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, фоноскопическая, лингвистическая экспертиза, аутентичность, фальсификация фонограммы.

Семенов Е.А.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ РАССУЖДЕНИЙ ПРОФЕССОРА А.П. ГУЛЯЕВА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В данной статье с точки зрения развития уголовно-процессуального права анализируются вопросы деятельности следователя, сохранения его процессуальной самостоятельности и независимости. При формулировании выводов исследуются взгляды выдающегося ученого А.П. Гуляева,

внесшего неоценимый вклад в совершенствование органов предварительного следствия.

Одним из важнейших направлений деятельности органов власти в любой период развития государственности считается качественное и своевременное предварительное расследование. Такой вывод обусловлен представлением о нормальной жизни общества и подкрепляется речами первых лиц государства. Как в 20-х гг. XXI в. в рамках оглашения ежегодного Послания Федеральному собранию Президент России указывает на необходимость выхода на новые рубежи и повышения уровня безопасности общества, обеспечения людям их интересов, защиты законных прав, использования технического и кадрового потенциала [1], так и на 26-м съезде Коммунистической партии Советского Союза (23 февраля 1981 г.) в отчетном докладе ЦК отмечалась высокая ответственность в укреплении социалистической законности и правопорядка органов юстиции, суда прокуратуры, милиции. «Профессиональные знания работников этих органов, – сказано в отчетном докладе, должны сочетаться с гражданским мужеством, неподкупностью и справедливостью... чтобы каждое преступление должным образом расследовалось, и виновные несли заслуженное наказание» [2, с. 65]. Кроме того, еще более 50 лет до этого «вождь мирового пролетариата» писал: «Важно не то, чтобы за преступление было назначено наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым» [3, с. 412].

Действительно, ключевой фигурой в расследовании, «преломляющей» поставленные задачи на досудебном этапе, является именно следователь, являясь «представителем здравого смысла и справедливости» [4] в процессе реализации назначения уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, закрепляя правовой статус следователя, законодатель в современном кодифицированном процессуальном акте – Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) относит его к числу участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (ст. 38). Иными словами, с точки зрения буквы закона, следователь наделяется функцией обвинения – то есть уголовного преследования, с чем большинство авторов и учёных не соглашаются [5; 6]. По общему мнению, следователь не только преследует задачу изобличения лица в совершении противоправного деяния, но и ставит своей целью восстановить доброе имя лица, не причастного к совершению преступлений, т.е. детально установить все обстоятельства совершенного преступления.

В этой связи представляется верным и актуальным и в настоящее время слова уважаемого профессора А.П. Гуляева, что взаимосвязь процессуальных функций следователя проявляется также в том, что многие из них осуществляются параллельно, а иногда даже в одних и тех же формах [4, с. 27], реализуя рассмотрение заявлений и сообщений о преступлении;

исследование обстоятельств дела; обвинения в совершении преступления; ограждение граждан от необоснованного обвинения в совершении преступления; обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и исполнения приговора в части конфискации имущества; пресечение преступлений и принятие мер к установлению обстоятельств, способствующих совершению преступления [4, с. 23].

Действительно, процессуальная деятельность следователя в уголовном судопроизводстве и сегодня выстраивается из положений всего уголовного судопроизводства в целом, с учетом соответствия основному направлению деятельности, в котором воплощается сама сущность и назначение данного должностного лица, как субъекта уголовного судопроизводства. Анализ норм УПК РФ, позволяет нам подтвердить целесообразность осуществления указанных выше задач и функций, которые присущи следователю в уголовном судопроизводстве и которые он разрешает на протяжении всего предварительного следствия. Как отмечает В.Ю. Стельмах, обвинение никаким образом не считается синонимом к такому понятию, как «обвинительный уклон», при котором субъект доказывания целенаправленно собирает только доказательства виновности конкретного лица, не считая при этом его возможное непричастие к преступному деянию [5, с. 39].

Отнесение к стороне обвинения не создаёт помехи следователю выполнять возложенные на него законом обязанности по расследованию уголовных дел. Необходимо в большей степени анализировать полномочия следователя при собирании доказательств, реализации предусмотренного законом его принудительного потенциала, объем властно-распорядительных начал контролирующих и надзирающих субъектов в отношении следователя.

Взаимосвязь указанных волеизъявлений следователя с учетом его собственных усмотрений о направлении предварительного следствия и производстве следственных действий, возможности обжалования несогласия с указания руководителя следственного органа и прокурора (ранее – прокурора и начальника следственного отдела), оценкой доказательств на основе закона и совести (ранее – социалистического правосознания) аккумулируют в себе руководящую идею деятельности данного должностного лица, именуемую самостоятельностью (самостоятельность и ответственность – проф. А.П. Гуляев) следователя.

К основным элементам (частям) его самостоятельности как в советском, так и в современном уголовных процессах можно отнести активное ведение и производство ряда процессуальных следственных действий; возможность свободно и лично принимать определённые тактические приёмы, методы, либо иные пути решения для производства расследования уголовного дела; право непосредственного убеждения, высказывание своей точки зрения и своих предположений, которые сложились в ходе след-

ствия; право на своё усмотрение принимать меры к устранению причин и условий, которые способствовали совершению преступлений, посредством внесения в надлежащие учреждения и организации представлений, подлежащих обязательному рассмотрению в строго установленный законом срок.

Но, несмотря на законодательное закрепление, его деятельность строго контролируется, как упоминалось несколько раз выше, руководителем следственного органа, прокуратурой, это и является одной из неоднозначных ограничений процессуальной самостоятельности следователя. Следует согласиться с озвученным в литературе мнением, что законодатель установил дополнительный контроль с целью недопущения и предотвращения злоупотребления следователем своих полномочий, и минимизации тем самым следственных ошибок, гарантировании в таком случае законности, обоснованности и своевременности принимаемых процессуальных решений и проводимых действий [7, с. 6].

Приняв Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», законодатель продолжил тенденцию на ограничение процессуальной самостоятельности следователя, наделив руководителя следственного органа целым рядом дополнительных и взятых в особое внимание полномочий.

Следовательно, реформа органов предварительного следствия, имеющая важной целью укрепление авторитета и процессуальной самостоятельности следователя, привела к противоположному результату. Следователь практически полностью стал зависим от своего начальника, полномочия которого на сегодняшний момент значительно расширились, соединив в одном лице как процессуальные, так и административные функции. Кроме этого, стоит учесть, что самостоятельность следователя ограничивается и сохранившимися у прокурора надзорными полномочиями.

В связи с этим представляется справедливым вывод С.Д. Игнатова о том, что, по сути, следователя можно считать руководителем процесса расследования лишь до тех пор, пока принятые им решения по уголовному делу не будут пересмотрены и изменены его руководителем следственного органа. В результате процессуальная его роль при законодательно закреплённой коррекции его действий руководителем следственного органа, судом и прокурором сводится к простому техническому оформлению принятых указанным должностными лицами решений [8, с. 106].

В последнее время УПК РФ подвергался колоссальному количеству изменений и поправок, касающихся полного недоверия к правоприменителю, то есть следователю. Его самостоятельность должна в первую очередь заключаться в гарантии невмешательства со стороны руководства, вернее, когда последний принимает важные решения при расследовании своего дела, а не в простом наделении ему каких-либо прав.

Данный вывод пронизывает содержание одного из главных трудов жизни профессора Анатолия Петровича Гуляева, в котором практически в

каждом абзаце слышится призыв избегать лишней «мелочной» опеки следователя, администрирования и какого бы то ни было ущемления регламентированных законом его прав и его процессуальной самостоятельности [4, с. 98–106]. Кроме того, хотелось бы, чтобы и современный законодатель руководствовался указаниями (наставлениями) Генерального прокурора СССР, изложенными в приказе от 11 мая 1960 г., о всяческом поощрении творческой инициативы и находчивости следователя, необходимости ценить и уважать его принципиальность [9, с. 50].

1. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70565> (дата обращения: 04.09.2024).

2. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 65.

3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 412.

4. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе: монография. М.: Юридическая литература, 1981. 191 с.

5. Стельмах В.Ю. Следователь как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 37–40.

6. Ковтуновский В.Е. Правовая природа полномочий следователя в уголовном судопроизводстве // Интеллектуальный потенциал XXI века: степени познания. 2010. № 2. С. 14–16.

7. Спешилова Т.С. Процессуальная самостоятельность следователя // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4. С. 6.

8. Игнатов С.Д. Статус следователя как субъекта уголовно-процессуального доказывания // Вестник Удмуртского университета. 2015. С. 106.

9. Соц. законность. 1960. № 7. С. 50.

Сведения об авторе

Семенов Евгений Алексеевич. Кандидат юридических наук, доцент. Начальник кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: следователь, профессор А.П. Гуляев, предварительное следствие, процессуальная самостоятельность следователя, функции следователя.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

В данной статье исследуются аспекты расследования умышленного причинения вреда. Проанализированы составы, расследование по которым осуществляют органы дознания; перечислены ошибки в квалификации ряда преступлений, а именно: при квалификации причинения легкого вреда здоровью, причинения побоев и истязания. При написании научной статьи были использованы издания периодической печати. В основу исследования положены такие методы, как обобщение, анализ, систематизация сбора данных.

Причинение вреда здоровью охватывает спектр преступлений, которые различаются между собой по множеству параметров, начиная от формы вины, заканчивая обстоятельствами совершения и серьезностью последствий [1, с. 13].

В данной статье акцент сделан на анализе наиболее типичных случаев, явлениями, с которыми органы дознания сталкиваются чаще всего. Для удобства анализа данные преступления были систематизированы в три основные категории:

Умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести: ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; ст. 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью». Побой и истязание: ст. 116 УК РФ; ст. 116.1 УК РФ; ч. 1 ст. 117 УК РФ. Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности: ст. 118 УК РФ.

Данный анализ предназначен для углубленного понимания законодательства в рамках борьбы с преступлениями против здоровья личности, а также для выявления и устранения недостатков в текущей системе правоприменения.

В процессе расследования дел, затрагивающих умышленное причинение вреда здоровью, появляются трудности, связанные с правильной квалификацией и разграничением преступных действий. Согласно современной юридической практике, действия, связанные с умышленным нанесением легкого ущерба здоровью лица, подпадают под ст. 117 УК РФ и не требуют дополнительного анализа в контексте ч. 1 ст. 115 УК РФ [3, с. 110].

Последствия, выраженные в форме легкого ущерба, не являются дефинитивным фактором для квалификации как истязание, что не оказывает влияние на итоговую квалификацию. Отделение преступлений истязания, влекущих за собой легкие травмы, от сознательного причинения такого же вида вреда здоровью, имеет ключевое значение [2, с. 24].

Основным критерием различия между указанными видами преступлений является специфика субъективной стороны действий. Для преступления по ст. 115 УК РФ характерен как прямой, так и косвенный умысел, в то время как истязание предусматривает исключительно прямой умысел.

На основе данных предварительного расследования было установлено:

Лицо по имени Г. на протяжении трёх месяцев из-за личной антипатии систематически подвергало свою жену С. физическому насилию. Каждый инцидент сопровождался травмами, такими как гематомы и ссадины, не нанося, при этом, ущерба здоровью, за исключением одного случая, когда был зафиксирован легкий ущерб, подтверждённый судебно-медицинской экспертизой.

Предварительно действия Г. квалифицировались как истязание согласно ч. 1 ст. 117 УК РФ. Тем не менее, судебное разбирательство выявило, что в отношениях между супругами существовали обоюдные конфликты с применением физического и психологического насилия, при этом оба часто имели видимые телесные повреждения.

Свидетели указывали, что определить, кто от кого чаще получал травмы, было сложно. В результате суд переквалифицировал действия Г. на ст. 116 и 115 УК РФ, посчитав, что взаимные действия во время ссор, основанные на личной неприязни, нельзя квалифицировать как истязание. Так, побои и другие виды насилия рассматриваются как методы истязания, но в данном контексте это было переосмыслено.

Перед юридическим сообществом стоит задача чёткого определения границ между истязанием и систематическими побоями, а также отдельными или повторяющимися насильственными актами. Принципиальным аспектом здесь выступает цель, заключающаяся в умысле лица, совершающего действие.

В качестве иллюстративного примера можно привести случай с участием лиц по имени Ф. и В., которые встретили на улице знакомую В. – гражданку К. После предложения Ф. отметить знакомство в его квартире и последующего отказа К. в интимных отношениях, Ф. приступил к угрозам и физическому насилию в виде ударов и колющих ранений, нанесённых ножом. Несмотря на серьёзность ситуации, суд квалифицировал действия Ф. не как истязание, предусмотренное ч. 1 ст. 117 УК РФ, а как насильственные действия, соответствующие ч. 1 ст. 116 УК РФ, обосновав это отсутствием доказательств физической боли на протяжении длительного времени и систематичности в действиях Ф.

Другой пример, демонстрирующий распределение субъективной направленности действий, касается А., который был изначально обвинён в применении насилия к своему несовершеннолетнему сыну Роме. Однако, после судебного разбирательства, было установлено, что целями действий А. были воспитательные мотивы, что привело к переквалификации действий в соответствие со ст. 116 УК РФ.

Таким образом, правильное понимание умысла и целей лица, совершающего преступление, играет ключевую роль в адекватной квалификации насильственных действий, позволяя обеспечить справедливость судебных решений.

Следует подчеркнуть, что процесс квалификации различных преступлений, включая нанесение легкого вреда здоровью, побои и действия, квалифицируемые как истязание, часто сопряжен с ошибками со стороны дознавателей. Параллельно, работа по расследованию данных преступлений является комплексной и требует значительных усилий, вдумчивого анализа, а также вложения времени.

Для исключения ошибок в определении категории преступлений, представляет собой первостепенную задачу обеспечить глубокое понимание всех объективных и субъективных аспектов деяний. Это требует от дознавателя не только повышенного внимания к деталям, но и комплексного подхода к анализу собранных фактов.

Избежать ошибок в квалификации преступлений возможно лишь при условии досконального изучения характеристик каждого конкретного случая, включая [4, с. 399]:

- полный анализ обстоятельств, приведших к совершению преступления;
- определение мотивов и целей действий подозреваемого;
- выявление характера взаимоотношений между участниками событий;
- оценку последствий для здоровья пострадавшего и степени их серьезности.

Данная методология позволит обеспечить точность при применении уголовно-правовых норм и справедливость в оценке действий обвиняемого.

Следовательно, ключ к успешной квалификации преступлений в значительной степени зависит от профессионализма и детальности предварительного расследования, возлагаемого на плечи дознавателя. Только тщательный и многогранный подход позволит достичь обоснованности и объективности в выводах, таким образом, минимизируя вероятность судебных ошибок.

Стоит подчеркнуть, что ошибки в определении категорий некоторых правонарушений, включая нанесение легкого урона здоровью, причинение телесных повреждений и деяния, классифицируемые как истязание, встречаются у дознавателей с относительной регулярностью.

Анализируя указанную категорию преступлений, следует признать процесс их исследования за сложную и затратную задачу, предполагающую обстоятельное планирование, всестороннюю подготовку и значительные временные вложения. От дознавателей требуется глубокое и внимательное изучение как объективных, так и субъективных характеристик рассматриваемых действий для предотвращения возможных ошибок в правовой оценке совершенных преступлений.

Процесс повышения точности квалификации требует от правоохранительных органов выполнения нескольких ключевых условий:

- тщательное изучение всех обстоятельств дела, влияющих на точность определения преступления;
- акцент на выявлении мотивов и намерений, лежащих в основе действий лица, совершившего правонарушение;
- углубленный анализ последствий деяний для здоровья пострадавших с точки зрения их серьезности.

Таким образом, ключ к снижению числа ошибок в квалификации лежит через комплексный и детализированный подход к предварительному расследованию каждого случая. Эффективность и справедливость правоприменительной деятельности напрямую зависят от умения правоохранительных работников глубоко анализировать и правильно интерпретировать собранную информацию о преступлениях.

1. Бородкина Т.Н. Актуальные проблемы при расследовании органом дознания причинения вреда здоровью // Молодой ученый. 2019. № 25.1 (129.1). С. 12–14.

2. Горбунова А.С., Хохлова О.М. Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Молодой ученый. 2021. № 23 (365). С. 23–28.

3. Ряполова А.И. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью // Молодой ученый. 2019. № 41 (279). С. 109–111.

4. Сахарова Е.Г. Общие вопросы расследования преступлений, связанных с причинением вреда здоровью // Концепт. 2021. Т. 13. С. 3996–4000.

Сведения об авторе

Семионкина Наталья Георгиевна. Кандидат юридических наук. Преподаватель кафедры специальной подготовки.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: вред, здоровье, преступление, дознание, ответственность, квалификация.

О ПРИНЦИПЕ ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

В статье освещен вопрос значимости реализации принципов уголовного судопроизводства. Учитывая непростую политическую ситуацию в мире, важно продолжать борьбу с преступностью. В основе борьбы должны лежать, в том числе, принципы уголовно-процессуального права. В качестве примера автор освещает содержание принципа законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ). В завершении подчеркивается значимость соблюдения правовых принципов.

Несмотря на то, что в настоящее время количество совершаемых преступлений снижается, нужно понимать, что речь идет только о зарегистрированной преступности [3]. В современных условиях очень важно продолжать борьбу с преступными проявлениями, и в основе такой борьбы должны лежать правовые принципы, в том числе принципы уголовно-процессуального права.

Причин совершаемых преступлений много, у каждого человека на этот счёт есть своё мнение, например, человек может быть просто недоволен своим социальным статусом или материальным положением, и другого выхода из этой ситуации, как совершение преступления, он не видит. Еще одним фактором преступности выступает склонность к совершению преступлений, что может быть вызвано психологическими проблемами человека. Именно поэтому сейчас и в мире, и в России совершается большое количество преступлений.

На наш взгляд, одним из важных условий сокращения преступности является усиление борьбы с ней. Но при этом должны строго и точно соблюдаться права человека. Одной из важнейших задач юридической науки является исследование и изучение принципов права, ведь именно они играют важную роль в соблюдении прав и свобод человека и гражданина. В научной литературе обоснованно подчеркивается значимость закрепления и соблюдения правовых принципов, поскольку именно они выступают тем фундаментом, на которых базируется правовая система [5, с. 103]. При этом исследователи подчеркивают, что о значимости правовых принципов говорит не только отечественный, но и многие зарубежные законодатели [4, с. 65]. Если мы говорим об уголовно-процессуальных принципах, то они закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) и являются гарантиями исполнения правосудия и соблюдение прав и свобод личности [6].

Актуальность нашей работы заключается в том, что принципы в уголовно-процессуальном праве, а вернее, их правильное применение влияет

на преступность в целом, именно поэтому эта тема является, на наш взгляд, одной из ключевых в уголовно-процессуальном праве.

Как мы уже отмечали, в современный период соблюдение прав и законных интересов граждан является основополагающим аспектом в деятельности государства. В этой связи можно констатировать, что реализация уголовно-процессуальных прав граждан осуществляется в первую очередь посредством соблюдения уголовно-процессуальных принципов.

Принципы уголовно-процессуального права – это закрепленные в УПК РФ положения, определяющие содержание и основы уголовного процесса.

Но данное определение прямо не закреплено в законе, в связи с чем у каждого человека складывается своё собственное определение данного понятия данного термина. Представим некоторые определения понятия «принципы права», существующие в научной литературе.

1. Принципы права – это вытекающие из социально-экономической природы, общественного строя и закрепленные в праве идеологические, политические и нравственные начала (руководящие идеи), направляющие регулятивную и охранительную функцию права и определяющие характер, основания и объем применения государственного принуждения и иных мер воздействия, необходимых для обеспечения успешного развития господствующих общественных отношений [1, с. 22].

2. Принципы уголовного судопроизводства – это предписания законодательных, правоохранительных и международно-правовых актов по правам человека, Конституции РФ, а также требования, выраженные в уголовно-процессуальном законодательстве к поведению граждан в связи с задачами борьбы с преступностью и положениями, определяющими содержание всей или значительной совокупности правовых норм и интегрирующими их в единую систему уголовно-процессуального права [2, с. 774].

Из представленных определений следует, что авторы, определения которых мы проанализировали, в своих определениях в основном используют такие понятия, как: «общие принципы», «основополагающий элемент», «положения» и так далее.

Принципы уголовного судопроизводства (или уголовно-процессуальные принципы) являются результатом государственной судебной политики. Первоначально они были сформированы в виде идей, которые в процессе правотворчества постепенно закрепились в виде норм действующего законодательства. Они формируются на основе Конституции РФ, поскольку она имеет высшую юридическую силу, и никакие иные нормативно-правовые акты не могут ей противоречить, именно поэтому принципы уголовного судопроизводства, на наш взгляд, дополняют Конституцию России и являются помощником в соблюдении конституционных прав и обязанностей граждан.

Если, например, проанализировать такой принцип уголовного судопроизводства, как принцип законности (согласно ст. 7 УПК РФ данный принцип звучит как «законность при производстве по уголовному делу»), то можно сказать следующее.

Законность является основополагающим принципом для многих других нормативных правовых актов, но главное своё отражение она находит в Конституции Российской Федерации.

Законность, применительно к уголовному судопроизводству, означает требование осуществлять производство по уголовному делу в точном соответствии с предписаниями. А если, например, говорить о содержании принципа законности в уголовном праве, то принцип законности заключается в том, что при назначении наказания государство действует в соответствии с уголовным законом, т.е. лицо не может быть привлечено к ответственности за преступление, которого оно не совершало. Этот принцип является основополагающим в деятельности всего государства и, соответственно, правоохранительных органов, сейчас законность рассматривается как строгое и неукоснительное соблюдение прав, поскольку Россия в соответствии со ст. 1 Конституции РФ является правовым государством, а значит, государство обязано обеспечивать права и обязанности граждан, а также с помощью правоохранительных органов соблюдать правопорядок в стране.

Законность заключается в неукоснительном и точном соблюдении гражданами и правоохранительными органами уголовно-процессуального законодательства. По сути, принцип законности должен реализовываться при применении каждой статьи УПК РФ. Это говорит о том, что:

- а) нормы уголовно-процессуального права должны определяться только в соответствии с текстом этой нормы и ничем иным;
- б) лицо, совершившее преступление, должно знать о своих правах и обязанностях, при этом уполномоченными лицами должно неукоснительно обеспечиваться соблюдение законных прав и обязанностей виновного лица;

Тем самым, законностью можно назвать соблюдение всех нормативно-правовых актов гражданами, правоохранительными органами, лицами, между которыми возникли уголовно-процессуальные отношения. И несомненно, соблюдению принципов уголовного судопроизводства будет способствовать наличие специальных гарантий законности, таких как:

- контроль за соблюдением законности;
- реализация системы мер юридической ответственности, защиты и восстановления нарушенного процессуального права;
- применение мер по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства;
- применение мер по выявлению и предупреждению преступлений.

Итак, принцип законности в уголовном судопроизводстве означает, то, что правоприменитель не имеет полномочия дополнять или додумывать,

вать содержание нормы (в нашем случае уголовно-процессуальной), то есть он должен действовать строго с соблюдением законодательства и никак иначе.

В завершение настоящей работы подчеркнем, что закрепление и соблюдение правовых принципов, в том числе уголовно-процессуальных, имеет важное практикоориентированное значение, поскольку именно они выступают тем фундаментом, на которых базируется правовая система страны.

1. Гриненко А.В. Источники уголовно-процессуальных принципов // Журнал российского права. 2001. № 5 (53). С. 21–27.

2. Мисирханов К.Б. Принципы уголовного судопроизводства // Аллея науки. 2021. Т. 1, № 4 (55). С. 773–776.

3. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports?ysclid=lzi2m6mc7p173982992> (дата обращения: 06.08.2024).

4. Сидорова Е.З., Серебренников И.Н. О некоторых проблемах реализации принципа законности Уголовного кодекса Республики Казахстан // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (5). С. 65–69.

5. Сидорова Е.З., Топильская П.А. Реализация принципа гуманизма в современном российском уголовном законодательстве // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (15). С. 103–108.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Сведения об авторе

Сидорова Екатерина Закариевна. Кандидат юридических наук, доцент. Заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства, принцип законности при производстве по уголовному делу, уголовно-процессуальное законодательство, права и свободы граждан, уголовный процесс.

Смирнов И.М.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ПОЛУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»

В статье анализируется содержание нового оперативно-разыскного мероприятия «получение компьютерной информации», определяется объект, на который направлено мероприятие, прорабатываются основы его практического осуществления, дается классификация источников оперативно значимых компьютерных данных, а также способов доступа к ним.

В настоящее время управление различными процессами происходит за счет компьютерной техники посредством обработки, хранения, доступа и передачи информации. Значительное место в данных процессах занимает сеть Интернет. Главным объектом здесь выступает информация. Процессы повсеместной компьютеризации отражаются на всех сферах общественной жизни. В том числе это затрагивает и противоправную деятельность граждан. Способы и методы совершения преступлений совершенствуются за счет использования компьютерной техники и информационных технологий, появляются новые объекты посягательств. Так, за последние десять лет в УК РФ были введены следующие составы преступлений, так или иначе связанных с информационными технологиями: кража с банковского счета, а также в отношении электронных денежных средств, мошенничество в сфере компьютерной информации, неправомерный оборот средств платежа, неправомерное критическое воздействие на информационную инфраструктуру Российской Федерации.

При этом в соответствии с вызовами современности развивается и совершенствуется оперативно-разыскная деятельность, направленная на раскрытие преступлений в области информационных технологий. Об этом свидетельствует внесение в Федеральный закон «Об ОРД» изменений Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ. Данный Федеральный закон расширил список оперативно-разыскных мероприятий, дополнив его новым – «Получением компьютерной информации» [1]. Данное ОРМ отличается от других приведенных в законе тем, что оно указывает объект, на который направлены действия оперативных работников, когда другие оперативно-разыскные мероприятия отражают способ добывания необходимой оперативно значимой информации. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности введения данного ОРМ, так как все остальные оперативно-разыскные мероприятия в той или иной форме направлены на получение информации. Насколько необходимым является выделение компьютерной информации в отдельное оперативно-разыскное мероприятие?

Для начала рассмотрим понятие компьютерной информации. Итак, согласно примечанию к УК РФ, компьютерной информацией являются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их обработки и хранения [2]. В связи с этим компьютерная информация обладает определенной спецификой, которая заключается, главным образом, в том, что данная информация приспособляется для обработки в компьютерных устройствах, передачи по информационным каналам связи и хранения на специализированных носителях. Исходя из этого, получение компьютерной информации может применяться при раскрытии преступлений в двух аспектах. Первое – когда компьютерная информация является предметом преступления. Второе – в случаях, когда преступление совершается с использованием компьютерной информации.

Сейчас ценность определенной информации является неоспоримой, в силу чего она становится объектом преступных посягательств. Информация может составлять коммерческую ценность для ее собственника или представлять собой персональные данные. Информация может быть конечной целью злоумышленников или иметь значение промежуточного звена в цепи преступного замысла. При совершении преступлений относительно информационных ресурсов, злоумышленники могут оставить следы непосредственно в информационной среде. Для раскрытия данных преступлений могут быть использованы специальные познания, которые будут реализованы в процессе осуществления рассматриваемого нами оперативно-разыскного мероприятия. В основе данного ОРМ лежат сложные в техническом плане и требующие специальной подготовки действия по получению хранящейся в информационных массивах или передаваемой по техническим каналам связи информации о лицах и событиях, вызывающих оперативный интерес.

На сегодняшний день наиболее широкое распространение приобрело совершение преступлений с использованием возможностей, предоставляемых информационными технологиями. Как было отмечено нами выше, в условиях современности значительная часть информации распространяется и находится в сети Интернет. При этом социальные сети стали обыденным способом обмена информацией между людьми в Интернете. Конституционное право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений предоставляет людям возможность конфиденциально общаться между собой посредством сети Интернет. Однако, злоупотребляя предоставленным правом, злоумышленники могут осуществлять подготовку преступлений с помощью социальных сетей, искать новых последователей преступной деятельности.

Особенно распространены случаи, когда члены террористических организаций осуществляют вербовку новых членов посредством таких социальных сетей как «Вконтакте», «Facebook» и «Telegram». Используя

психологические приемы члены террористических организаций определяют потенциальных жертв. В подавляющем количестве случаев ими являются женщины. В дальнейшем вербовщики осуществляют вовлечение в свою преступную через общение в социальных сетях. Так, согласно данным судебного департамента в 2018 г. резко возросло количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) и стало равно 71 человеку. Когда за 2016 и 2017 гг. количество лиц, привлечённых к ответственности за аналогичные деяния, было значительно меньше и составляло 22 человека [3]. Выявление и предупреждение данной преступной деятельности возможно при проведении рассматриваемого нами оперативно-разыскного мероприятия.

Во всех случаях процедура проведения данного оперативно-разыскного мероприятия непосредственно связывается с ограничением конституционного права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Поэтому проведение рассматриваемого нами мероприятия возможно только на основании судебного решения.

Таким образом, нами был рассмотрен вопрос об объекте такого оперативно-разыскного мероприятия, как получение компьютерной информации. Им является компьютерная информация, которая обладает собственной спецификой. При получении компьютерной информации последняя может быть связана с процессом совершения преступления, а также может выступать конечным объектом. При проведении данного ОРМ для оперативных сотрудников оперативный интерес представляет, главным образом, информация о лицах, способах и иных аспектах совершения преступлений. При этом данная информация защищается конституционным правом на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, поэтому одним из обязательных условий проведения данного ОРМ является наличие судебного решения.

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 27 декабря 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 08.09.2024).

Сведения об авторе

Смирнов Иван Михайлович. Кандидат исторических наук. Старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскное мероприятие, получение компьютерной информации, мониторинг сети Интернет, большие данные.

Сологубов А.Ю.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДАЧИ И РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ, ПОДАННЫХ В ФОРМЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Исследуется правовое регулирование обращений в форме электронного документа, поступающих в орган предварительного расследования в рамках расследуемого уголовного дела или в связи с его началом. Анализируется деятельность по принятию и рассмотрению данных обращений, актуализируются вопросы момента начала и течения сроков при подаче обращения в электронной форме. Предлагаются возможные пути решения существующих проблем.

В настоящее время развиваются и повсеместно внедряются информационные технологии во все сферы жизни общества. Большинство из них уже сделали данный переход, перестроившись на рельсы цифровой трансформации. На этот счёт Ю.А. Андриенко отмечает, что «тенденции, связанные с развитием и внедрением цифровых технологий, разумеется, не могут не влиять и на такое важное направление государственной деятельности, как правоохранительная, в частности на уголовное судопроизводство» [1, с. 182]. Для уголовного судопроизводства в целом, и для досудебного производства в частности, проблема обстоит весьма актуальной. Шаги в данном направлении уже имеются. А именно: постепенно формируется правовая основа использования систем видео-конференц-связи; вносятся изменения в отдельные статьи, посвящённые проведению следственных действий, избрания мер процессуального принуждения; появляются новые статьи, регламентирующие обращения в форме электронного документа в суд, прокуратуру, а также органы предварительного расследования.

Однако по вполне понятным причинам данные правовые нормы тяжело принимает практическая деятельность, в частности: 1) властные участники не осведомлены о процедурах подачи обращений в форме электронного документа, отсутствие усиленной квалифицированной подписи;

2) отсутствует платформа для подачи, хранения и разрешения данных обращений; 3) в настоящее время остро стоит вопрос с идентификацией лица, подавшего обращение и другие. Иными словами, обобщая данные группы проблем, стоит отметить такую тенденцию – норма есть, а о её реализации никто не задумался, детальных разъяснений, методических рекомендаций в настоящий момент нет.

В связи с этим возникает массив проблем. Представляется разумным разобраться в вопросе о сроке рассмотрения таких обращений и моменте, с которого начинается его течение. Как известно, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает определённые процессуальные промежутки времени, в которые должны быть совершены определённые действия, либо субъект должен воздержаться от их совершения.

Так, традиционно срок обращений: 1) заявлений, в частности заявления о преступлении – до 3, до 10, до 30 суток; 2) ходатайств – непосредственно, либо до 3 суток; 3) жалоб – 3, либо до 10 суток. Профессор А.П. Гуляев писал: «срок рассмотрения ходатайств участников процесса и уведомление их о результатах рассмотрения является важной гарантией своевременного реагирования следователя на заявленные ходатайства» [2, с. 120]. Особенно актуально это положения проявляется в современном уголовном процессе, который буквально, как уже было отмечено, стоит на пороге цифрового преобразования. Ст. 474.2 УПК РФ закрепляет процессуальное обращение в органы предварительного расследования. Среди видов содержатся: ходатайство, заявление (за исключением заявления, предусмотренного ст. 141 УПК РФ), жалоба, требование. В публикациях автора настоящей статьи имеются мнения по существу нововведения [3, с. 268–269], поэтому раскрывать подробно в данной статье не видим смысла.

Большую обеспокоенность вызывает механизм подачи и рассмотрения.

Подача. Оптимальный правовой механизм дистанционного обращения невластных участников уголовного судопроизводства в органы предварительного расследования в настоящее время отсутствует. Субъекты обращаются через сайты территориальных органов; посредством направления скан-образов выполненных вручную обращений через Сервис электронной почты Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – СЭД МВД РФ), и даже посредством различных мессенджеров. Последний способ известен из материалов судебной практики. Так, описательная часть постановления суда позволяет установить, что адвокат подал ходатайство об отмене меры пресечения обвиняемого, которое было направлено в виде сообщения на мессенджер «Whatsapp» следователю. Адвокат вполне уверен, что у следователя имелась обязанность рассмотреть поступившее ходатайство [4].

Из-за отсутствия платформы вытекает другая проблема – несоблюдения сроков. А именно, как установить момент начала срока? Один момент, когда подано через сайт территориальных органов, где заявление проходит через канцелярию и регистрируется, тем самым устанавливается момент начала течения срока. Подача обращений через СЭД МВД РФ может вызвать злоупотребления со стороны следователя. В системе электронной почты фиксируется время получения сообщения на адрес электронной почты, однако момент, когда следователь открыл и прочитал существо обращения не устанавливается (следователь может сослаться на загруженный день, в результате чего он мог не увидеть сообщения; удалённость от средств связи, позволяющих изучить обращения и разрешить его и т.д.). О.А. Малышева отмечает, что применение цифровых технологий сопряжено с рисками необоснованного ограничения прав, законных интересов участников досудебного производства [5, с. 49]. В связи с чем главной задачей выступает минимизация или полное нивелирование злоупотребления, рисков и проблем, возникающих в ходе реализации невластными участниками своих прав. В данном случае, тяжело установить момент начала срока. К тому же разнообразные платформы подачи обращений не позволяют их аккумулировать в рамках уголовного расследования. Решение видится в создании платформы для подачи обращений в орган предварительного расследования, которая будет аккумулировать все заявления, жалобы, ходатайства и т.д., у каждого частного лица будет свой личный кабинет, в котором будет иметься электронная подпись и иные необходимые инструкции. Это позволит участникам детальнее разобраться в вопросах «цифрового взаимодействия» с публичными участниками уголовного судопроизводства.

Рассмотрение. Представляется, что поданное обращение через указанные выше платформы должны распечатываться. Такой момент отражён подзаконных нормативно-правовых актах МВД РФ. В частности, на это указывает п. 11 приказа МВД от 29 августа 2014 г. № 736 [6] – электронное заявление о преступлении распечатывается, и работа с ним ведётся как с письменными заявлениями. Думается, по аналогии стоит поступать с ходатайствами и жалобами. В данном случае, если такое обращение подано через сайт территориального органа, то в нем будет отсутствовать один из обязательных реквизитов – подпись обратившегося лица. Обращения обязательно должны иметь подпись для признания его в качестве официального документа в рамках уголовного судопроизводства, что обеспечивает подлинность и достоверность. Далёко не каждый участник уголовного судопроизводства имеет такую подпись. С другой стороны, если обращение подано через СЭД МВД РФ в виде скан-копии (в которой стоит физическая подпись лица), то будет ли оно относиться к правовым нормам ст. 474.2 УПК РФ. Думается, что нет, так как скан-копия и электронная

форма документа совершенно разные по своей сущности документы. Соответственно легитимность такого обращения стоит под большим сомнением.

Профессор С.Б. Россинский отмечает, что различного рода правила и рекомендации оформления процессуальных документов могут быть закреплены в методических документах и публикациях, направленных на оптимизацию и обеспечение единообразия правоприменительной практики [7, с. 46]. Мы полностью поддерживаем данную точку зрения. Дабы не перегружать кодекс, думается, законодателю необходимо разработать методические рекомендации, которые будут направлены на регламентацию порядка подачи обращения для частных субъектов, и на порядок рассмотрения, разрешения и направления ответа для властных субъектов уголовного процесса в досудебном производстве.

В заключении отметим, что направленные на расширение электронного взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства изменения в виде подачи электронных обращений необходимы. Безусловно, это важный шаг на пути к совершенствованию уголовного судопроизводства при переводе его на цифровые рельсы, в первую очередь для доступа к правосудию всех участников процесса. Однако законодателю необходимо более детально, тщательно и выверенно подходить к таким нововведениям, анализируя следственную практику, изучая теоретические положения и воззрения учёных.

1. Андриенко Ю.А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 270 с.

2. Гуляев А.П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М.: Юрид. лит., 1976. 143 с.

3. Сологубов А.Ю. Цифровая трансформация института обращений в органы предварительного расследования: проблемы и перспективы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 265–275.

4. Апелляционное постановление Московского областного суда [Электронный ресурс]: от 9 июня 2022 г. № 22К-3827/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Малышева О.А. Трансформация досудебного уголовного производства в условиях цифровизации: тенденции и риски // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности (Ижевск, 14–15 марта 2024 г.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2024. С. 43–50.

6. Об утверждении инструкции о порядке приёма, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Рос. Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административ-

ных правонарушениях, о происшествиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

7. Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–46.

Сведения об авторе

Сологубов Андрей Юрьевич. Адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров).

Академия управления МВД России.

125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Сведения о научном руководителе

Россинский Сергей Борисович. Доктор юридических наук, профессор. Профессор кафедры управления органами расследования преступлений.

Академия управления МВД России.

125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: цифровая трансформация, электронная форма обращения, рассмотрение обращений, цифровая подпись, деятельность следователя при получении обращения в форме электронного документа.

Сретенцев А.Н.

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются правовые основы внедрения технологий искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность на территории Российской Федерации. Приводится краткий обзор документов стратегического планирования по данным вопросам. Рассматривается текущее состояние и перспективы дальнейшего внедрения интеллектуальных технологий различной направленности в правоохранительную деятельность. В частности, рассмотрены конкретные примеры реализации технологий в области компьютерного зрения, обработки естественного языка, систем поддержки принятий решений.

В настоящий момент развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) определено в качестве одной из ключевых задач государства. В конце ноября 2023 г. Президент РФ В.В. Путин на конференции AI Journey заявил: «С внедрением искусственного интеллекта в науку, образование, здравоохранение, все сферы нашей жизни – человечество начинает новую главу своего существования». Целевые ориентиры в данной сфере уже заложены в документы стратегического планирования. Ключевым нормативным актом является Указ Президента от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в соответствии с которым разработан федеральный проект «Искусственный интеллект» (входит в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации»), а также утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее – Стратегия).

В Стратегии (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124) приводится трактовка термина «искусственный интеллект». Так, п. «а» ч. 5 Стратегии гласит: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их...».

Также по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, которое состоялось 4 декабря 2023 г., Президент РФ утвердил перечень поручений, в которых затрагиваются вопросы внедрения ИИ в правоохранительную сферу. Так п. 9 ПР-64 содержит следующее указание: «Рекомендовать Верховному Суду Российской Федерации совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Следственным комитетом Российской Федерации, МВД России и Минюстом России проанализировать практику применения технологий искусственного интеллекта при расследовании преступлений и при необходимости представить предложения по ее совершенствованию».

Вопросы внедрения систем ИИ для МВД России приобретают особое звучание в условиях кадрового дефицита. Так, в рамках заседания Совета Федерации министр внутренних дел В.А. Колокольцев оценил некомплект личного состава в 152 тыс. чел. Применение рассматриваемых технологий в перспективе позволит автоматизировать отдельные рабочие процессы сотрудников ОВД и таким образом снизить общий объем нагрузки.

Следует отметить, что преступное сообщество уже активно использует ИИ, так, с помощью нейросетевых технологий стало возможным создание весьма убедительных подделок аудио- и видеофайлов, имитирующих голоса и изображения реальных людей для их последующего использования в противоправных целях [1, с. 134]. Очевидно, что правоохранительная система должна адаптироваться к текущим реалиям.

Показательна в данной связи точка зрения А.Б. Смушкина, Ю.В. Соколовой, С.Е. Платонова, приведенная ниже: «...уже сегодня классический инструментарий следователей и дознавателей недостаточен, а по факту они находятся в роли догоняющих за подобными преступлениями. И пути решения должны быть адаптивными и ситуативными. С позиции оперативно-разыскной деятельности и экономической точки зрения расследование будет успешнее не только с увеличением числа следователей, но и с наделением их высокотехнологическими инструментами. Таким инструментом может являться искусственный интеллект с множеством его возможностей...» [2, с. 119].

В данной связи постараемся обобщить современное состояние указанных технологий, а также рассмотреть перспективы дальнейшего внедрения ИИ в правоохранительную деятельность основываясь на анализе зарубежного опыта, экспериментальных отечественных разработок, а также мнений отдельных представителей научного сообщества.

Возьмем за основу классификацию ИИ, приведенную в п. «б» ч. 5 Стратегии. В рамках указанного документа к ИИ отнесено следующее: «...совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта».

Компьютерное зрение

Компьютерное (техническое) зрение представляет собой одно из наиболее развитых в настоящий момент направлений ИИ. Аппаратно-программные комплексы данной категории предназначены для обработки фото- и видеоизображений с целью распознавания содержащихся на них образов. Конкретными примерами прикладных решений правоохранительной направленности, созданных на базе данной технологии, являются:

1) Аппаратно-программный комплекс «Паутина», который является агрегатором данных со всех камер фото- и видеофиксации на автомобильных дорогах, а также парковочных стоянках. АПК «Паутина» позволяет распознать не только номер автотранспортного средства, но также его тип, цвет [3, с. 176]. Указанная система участвует в решении таких задач, как: розыск автотранспортного средства; выявление поддельных государственных регистрационных знаков (при наличии дублируемых регистрационных знаков); осуществление контроля за движения автотранспорта; установление местонахождения автомобиля в определенный промежуток времени;

2) Городская система видеонаблюдения (с элементами ИИ) функционирующая в Москве. Позволяет осуществлять автоматическую идентификацию в режиме реального времени, оперативно получать информацию о пребывании в конкретном месте лиц, находящихся в розыске, принимать соответствующие меры реагирования. В систему входит более 162 тыс. камер, объединенных в единую сеть. По данным правительства Москвы

данная система позволила раскрыть более 10 тыс. преступлений в 2023 г. Также на официальном портале правительства Москвы приводятся сведения о том, что система использует при расследовании 70 % от числа всех преступлений, совершаемых в метрополии.

Аналогичные системы компьютерного зрения в настоящее время имеются во многих странах, при этом наметились определенные тенденции их развития, главная из которых – расширение круга идентификационных признаков и самих объектов идентификации.

Так, например, в Китае была разработана программа, позволяющая распознавать людей по манере ходьбы и телосложению. Система проводит идентификацию, анализируя различные параметры, в том числе рост, вес, силуэт, а также особенности походки.

Еще одним примером реализации данной технологии является искусственная нейронная сеть, ориентированная на предварительное выявление признаков подлога подписей (разрабатывается в Уральском государственном юридическом университете) [4, с. 107].

Системы компьютерного зрения могут применяться и в решении задач другого рода. Так, например, в Пермском крае с помощью нейросети были исследованы космические снимки 9 территорий лесничеств и определены места незаконных рубок. В дальнейшем планируется осуществление сплошного космического мониторинга с применением технологий искусственного интеллекта с целью выявления антропогенных и природных изменений лесного фонда.

Обработка естественного языка, распознавание и синтез речи

Данное общее направление ИИ в оригинале принято именовать Natural Language Processing (NLP). Оно изучает проблемы компьютерного анализа и синтеза текстов на естественных языках. Наглядными примерами задач, которые решают такие системы, являются: перевод текста, аннотирование текстов, генерирование текстов, а также синтез речи. В большинстве случаев данная технология ИИ используется в комплексе с иными смежными технологиями (например генеративный ИИ) которые дополняют возможности друг друга.

У данных систем имеется существенный потенциал для применения в правоохранительной сфере [5, с. 344]. Технология позволяет решать следующие задачи: создание персональных голосовых помощников (специализированных аналогов Алисы от компании Яндекс, или Siri от компании Apple); создание вопросно-ответных (экспертных) систем; средств транскрибирования (перевода аудио в текст) речи участников уголовного судопроизводства при производстве следственных и судебных действий; автоматизированном создании шаблонных процессуальных документов.

Интеллектуальная поддержка принятия решений

Одной из наиболее ценных задач, которую позволяет реализовать ИИ является выполнение прогностических функций. В большей степени в

этом преуспевают большие языковые модели (large language model, LLM), как правило, состоящие из нейронной сети, обученной на большом количестве неразмеченного текста с использованием обучения без учителя. Первые крупные реализованные проекты появились примерно в 2018 г. и хорошо справляются с широким спектром задач. Одним из наиболее заметных примеров указанной технологии является CHAT GPT – чат-бот, обученный на большом массиве текстовых данных, способный генерировать ответы по интересующим пользователя вопросам. Помимо этого, современные версии указанного чат-бота справляются с задачами, которые принято считать творческими: написание программного кода компьютерных программ; генерацию текстовых художественных и научных произведений; прогнозирование отдельных событий.

В правоохранительной сфере также имеется ряд перспективных экспериментальных разработок систем поддержки принятия решений, например:

1) Алгоритм, апробируемый в Главном управлении криминалистики Следственного комитета Российской Федерации (обученный на данных о 1068 серийных преступлениях), предназначенный для помощи следствию в установлении мест нахождения еще не обнаруженных следов преступления, а также формировании портрета преступника [6, с. 52];

2) Программный комплекс «ФОРВЕР» (разрабатывается в Нижегородском университете им. Лобачевского), позволяющий формировать наиболее перспективные версии о личности преступника [7, с. 14].

В качестве вывода следует отметить, что процесс внедрения ИИ в правоохранительную деятельность уже запущен. Однако, органы внутренних дел в виду специфики решаемых задач, должны проявлять осмотрительную осторожность в данном вопросе. При этом, на наш взгляд, в поисках необходимого баланса между интенсивным внедрением ИИ технологий и оценкой сопутствующих рисков активную роль должно занять научное сообщество, исследующее вопросы в области уголовного процесса, криминалистики, искусственного интеллекта, информационной безопасности и иных соприкасающихся научных и прикладных направлений.

1. Ушаков А.Ю., Чаплыгина В.Н., Хайретдинова М.Д. Искусственный интеллект в обеспечении транспортной безопасности // Современное общество и право. 2024. № 3 (70). С. 131–137.

2. Ключев Д.С., Смушкин А.Б., Соколова Ю.В., Платонов С.Е. Анализ возможностей искусственного интеллекта для расследования мошенничества // Физика волновых процессов и радиотехнические системы. 2023. Т. 26, № 3. С. 116–122.

3. Колычева А.Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытие и расследование преступлений // Научный вестник Ор-

ловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 172–179.

4. Бахтеев Д.В. Большие данные и искусственный интеллект в следственной и экспертной деятельности // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. 2019. С. 105–109.

5. Шолохов С.В., Коргин А.В., Васюков В.Ф.К вопросу о роли использования технико-криминалистических средств в доказывании по уголовным делам // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Всероссийской конференции, 2015. С. 343–348.

6. Бессонов А.А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 2. С. 45–53.

7. Фесик П.Ю. Технология использования криминалистической характеристики в раскрытии убийств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 23 с.

Сведения об авторе

Сретенцев Андрей Николаевич. Кандидат юридических наук. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: искусственный интеллект, расследование, автоматизация деятельности сотрудников правоохранительных органов, нейросети, компьютерное зрение, обработка естественного языка, интеллектуальная система поддержки принятия решений.

Сретенцев Д.Н.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОЛОСА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Статья посвящена особенностям экспертного исследования голоса, зафиксированного на том или ином носителе, предоставляемого экспертам в качестве объектов фоноскопической судебной экспертизы для всестороннего и полного анализа и идентификации личности по аудиозаписи. Подобная деятельность сопровождается как теоретическими знаниями эксперта, так и умением его применять современные аппаратно-технические комплексы, предназначенные для подобных исследований.

Любая преступная деятельность не может остаться незамеченной. В любом случае она оставит после себя в материальном мире те или иные следы-доказательства, которые правоохранительные органы обязаны обнаружить, а затем должным образом исследовать с целью успешного раскрытия и расследования совершённого противоправного деяния [1].

Нередко на исследование экспертам попадают образцы аудио- и видеозаписей, в том числе и низкого качества, которые содержат в себе ту или иную звуковую информацию о событии преступления. Такие носители становятся объектами фоноскопического исследования. В его рамках производится анализ звука, в том числе голоса человека. Особую значимость представляет собой возможность распознавания звуковых эмоций говорящего, поскольку в случае отсутствия в деле необходимой доказательственной базы, записи, содержащие такие сведения, зачастую оказываются весьма информативными.

Фоноскопическая экспертиза разрешает широкий спектр вопросов. Так, например, вопрос об установлении некоторых антропометрических признаков говорящего лишь по звучанию его речи, особенно в случаях, когда удаётся обнаружить яркое выражение звуковых эмоций. Также существует необходимость определения условий, при которых была произведена запись голоса, количество идентифицируемых лиц в разговоре и манеры их общения: интонацию, речевые обороты, паузы, признаки волнения и т.д. [2]

Исходя из этого, считаем, что при производстве фоноскопических экспертиз крайне важно уделять внимание эмоциональному состоянию говорящего, так как данная информация может стать источником дополнительной доказательственной базы в рамках раскрытия и расследования уголовного дела вследствие экспертного распознавания особенностей интонации, построения фраз, скорости говорения, особенностей речи, возможных дефектов [3].

Речь человека выстраивается благодаря наличию совокупности множества элементов, преобразований на различных уровнях: семантическом, лингвистическом, акустическом и артикулярном. Эксперту необходимо проанализировать каждый признак для того, чтобы прийти к правильному выводу. При этом нужно отметить значимость эмоциональной составляющей речи говорящего, поскольку она отражает внешние условия и факторы, влияющие на человека, его состояние.

В связи с этим, эксперт должен иметь в своём арсенале помимо свободных образцов речи, которые наличествовали в процессе той или иной преступной деятельности, также и экспериментальные, полученные специально для исследования. Их сравнение позволит установить различия звучания голоса в свободной эмоциональной обстановке и при наличии контролирующего фактора, в том числе самоконтроля речи.

Так, эксперту предстоит проанализировать просодические и артикуляционные признаки в аудиозаписи [4].

Первые представляют собой существующие в фонетике особенности произношения, такие как интенсивность, длительность, тембр, паузы, ритм голоса и другие. Например, повышение интонации может говорить о вспыльчивом состоянии говорящего, степени его возбудимости.

Артикуляционными являются признаки, характеризующие движение речевых органов в процессе говорения, произношения звуков. Исследование в этой области в большей степени направлено на рассмотрение биологических особенностей, позволяющих голосу звучать. Так, при анализе эмоциональной составляющей говорящего эксперт может заметить некоторое нарушение произношения, сопровождающееся отсутствием четкости речи. Подобное возможно из-за поражения центральной и периферийной нервной системы, то есть при наличии заболевания – дизартрии. Те или иные биологические нарушения позволяют наиболее точно идентифицировать человека по особенностям его речи.

Следующий этап при исследовании голоса производится путём анализа лексики говорящего. Она наиболее сильно отражает эмоциональное состояние лица, поскольку любая сказанная фраза вызывает соответствующие чувства и ощущения, придаёт ту или иную окраску в силу непринуждённости беседы. Обычно уделяется внимание употребляемым гиперболам в речи, грубым выражениям, переносному смыслу слов (например, река крови, кошёлка, волчий аппетит соответственно). Большое значение играет наличие просторечных слов, в том числе с использованием ненормативной лексики, что зачастую указывает на уровень умственно-моральной развитости человека, чей голос представлен на исследование эксперту, а также на его эмоциональность в этот момент.

При этом уделяется внимание интонации, с которой произносились фразы. Данный признак будет иметь большое криминалистическое значение, если смысл сказанного явно не соответствует конкретной ситуации, в том числе и тем эмоциям, которые обычно должна вызывать речевая конструкция [5].

Данные положения должны быть всесторонне исследованы экспертом с использованием чувственно-рациональных, логических и математических методов познания на основе имеющихся у него лингвистических умений, навыков, а также с помощью слуха. В связи с этим образцы голоса должны быть представлены на экспертизу в соответствии с особыми требованиями. Так, имеют место быть требования несомненности происхождения источника речи, репрезентативности и сопоставимости.

Под несомненностью понимается точное установление в ходе предварительного расследования, какому лицу принадлежит тот или иной голос, на каком носителе он зафиксирован и где был изъят.

Репрезентативность представляет собой достаточность полученных при анализе звука информационных признаков, как общих, так и частных, что позволяет точно идентифицировать лицо. Соответствие данному требованию зависит от качества и размера представленной на исследование записи. Наиболее приемлемыми и допустимыми при производстве фоноскопической экспертизы будут те, которые соответствуют следующим признакам:

- идеальное время звучания разборчивого голоса должно стремиться к пяти минутам. Всё, что меньше этого времени – не желательно;
- диапазон частот в самом лучшем случае должен составлять минимум 100-5000 Гц. Допускается 300-3400 Гц, однако уже не желательно.
- соотношение звукового сигнала и шумов в идеале должно быть от 8 до 16 дБ. При этом могут применяться специальные средства шумочистки.

Требование сопоставимости заключается в получении таких образцов для сравнительного исследования, которые будут максимально схожи с исследуемым фрагментом записи голоса. В связи с этим имеет место быть учёт экспертом длительности идентификационного периода.

Так, необходимо принимать во внимание тот факт, что идентификационно значимые параметры голоса человека способны изменяться в течение жизни, в связи с чем идентификационный период имеет ограниченный характер. Так, на данный признак способны повлиять: возрастные изменения, состояние здоровья, как врождённое, так и приобретённое, наличие вредных привычек или отказ от них, прохождение социализации в той или иной среде и другие. Например, у подростка такой период составляет около двух лет, в то время как у взрослого человека может достигать десяти лет.

Однако теоретических знаний для проведения полноценного исследования голоса человека оказывается недостаточно. В связи с этим эксперты прибегают к использованию специальных программных комплексов, которые должны отвечать требованиям высокого уровня передачи звукового сигнала, возможности анализа параметров частот звучащего голоса, построения графиков интонации, подсчёта тех или иных характеристик.

В современной экспертно-криминалистической деятельности имеется целый ряд аппаратных средств, позволяющих анализировать голос и его особенности в ходе фоноскопического исследования.

Так, существует программно-аппаратный комплекс «Диалект» (и его современная модификация «Фонэкси»), необходимый для идентификации человека по его речи. Он состоит из: персонального компьютера с большим объёмом оперативной памяти, устройства ввода-вывода звукозаписей, их воспроизведения, программного обеспечения для акустико-лингвистического анализа имеющихся признаков голоса. При использовании данного комплекса происходит перевод аналогового сигнала в дискретный.

Вследствие этого формируется изображение речевой волны, которая отражает частотные и шумовые колебания. При этом данное средство автоматически анализирует записи лишь с качественных носителей.

Ещё один аппаратный комплекс – OTExpert. Он позволяет идентифицировать лицо по записи его голоса, фиксирует тембральные и эмоциональные изменения, в том числе отражает наличие или отсутствие признаков монтажа аудиозаписи. Также имеется возможность улучшить качество звучания, произведя шумоочистку и анализ соотношения поступающего сигнала и шумов. Возможно исследование тона и тембра голоса, а также последующее экспортирование результатов в документ в виде таблиц, схем и изображений.

Комплекс ИКАР Лаб с алгоритмом спектрального представления сигнала «SIS II». Он предоставляет возможность исследования речи при помощи её анализа, сегментации и расшифровки, что позволяет производить наиболее точную идентификацию.

Система позволяет качественно редактировать звуковые сигналы для последующего фоноскопического исследования. Возможно изменение частоты, разделение стереосигнала или объединение моносигналов в стереосигнал, нормализация амплитуды звучания, изменение битности и другое. Используется расшифровка текста при выделении соответствующего фрагмента записи, который может быть отмечен марками с комментариями. Если было расшифровано оба сравниваемых файла, программно-аппаратный комплекс автоматически обнаруживает совпадающие в них слова и фразы.

Система позволяет определить соотношение частот и амплитуд, шумы и помехи, а также длительность произношения чистой речи. Кроме того, возможен поиск идентичных слов и звуков в разных аудиозаписях, лингвистические особенности говорящих.

Поскольку зачастую представленные на исследование образцы голоса не являются качественными, возникает необходимость в использовании технических устройств, компенсирующих данную проблему. Для обеспечения качества входного и выходного сигналов применяется устройство «Камертон».

Таким образом, в настоящее время возможна эффективная идентификация личности по голосу, которая способна установить не только общие его признаки, но и частные, такие как, например, эмоциональное состояние говорящего. Эксперт должен иметь в виду, что свойства устной речи в каждом конкретном случае носят индивидуальный характер, в связи с чем необходимо использовать в процессе исследования, как теоретические знания, так и технические средства идентификации. На сегодняшний день существует множество программно-аппаратных комплексов, позволяющих произвести фоноскопическую экспертизу голоса по различным параметрам: от коррекции шумов, до конкретной интерпретации сказанного.

1. Карпушкин О.С., Чаплыгина В.Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы реализации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71–73.

2. Матвеева Л.Ю., Прокофьева Л.П. Звуковое отражение эмоций (Инструментальные методы в фоноскопической экспертизе) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, № 2. С. 152–155.

3. Каганов А.Ш. Криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи как интегральное научно-экспертное исследование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 6.

4. Михайлов М.Я., Колышева Я.О. Звуковые эмоции при производстве фоноскопической экспертизы: особенности фиксации их отражений // Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции. 2018. С. 8–18.

5. Мазур Е.С., Алексеева Т.А. Криминалистическое значение индивидуальных признаков устной речи // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 434.

Сведения об авторе

Сретенцев Денис Николаевич. Кандидат юридических наук. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: фоноскопическая судебная экспертиза, голос, аудиозапись, идентификация, речь, аппаратно-технический комплекс.

Стельмах В.Ю.

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТОВ

В статье анализируются некоторые законодательно закрепленные особенности уголовного судопроизводства в отношении адвокатов. Делается вывод о том, что соответствующие особенности направлены на обеспечение неприкосновенности адвокатской тайны, поэтому они уместны, если преступление непосредственно связано с осуществлением адвокатской деятельности, по остальным деяниям данные особенности не должны применяться.

В Российской Федерации законодательно закреплено единство уголовного судопроизводства для всех привлекаемых к уголовной ответственности субъектов. При этом для некоторых категорий граждан законом предусмотрены особенности осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Иногда эти особенности приобретают форму полноценного иммунитета от уголовного преследования, когда для возбуждения уголовного дела, задержания, избрания меры пресечения, предъявления обвинения необходимо согласие компетентного государственного органа. В отношении ряда других субъектов закон закрепляет лишь особенности принятия некоторых процессуальных решений либо производства следственных действий. Одним из таких субъектов выступает адвокат. В научной литературе справедливо подчеркивается, что адвокат не наделен неприкосновенностью, тем более абсолютной, от уголовного преследования [1, с. 198], особенности производства предусмотрены в первую очередь для сохранности адвокатской тайны. Данные особенности выступают дополнительными гарантиями осуществления адвокатом своей деятельности [2, с. 34].

Во-первых, возбуждение уголовного дела в отношении адвоката производится руководителем следственного органа Следственного комитета по субъекту Российской Федерации.

Во-вторых, расследование уголовного дела осуществляется следователями Следственного комитета Российской Федерации.

В-третьих, производство следственных действий в отношении адвоката осуществляется по судебному решению.

При этом возникают несколько вопросов по поводу реализации отмеченных законодательных установлений.

Неясно, требуется ли согласие руководителя следственного органа Следственного комитета на возбуждение абсолютно всех уголовных дел в отношении адвоката или это необходимо только по преступлениям, связанным с осуществлением непосредственно адвокатской деятельности. С одной стороны, УПК РФ не содержит никаких ограничений, что предполагает обязательность получения согласия руководителя следственного органа по всем до единого уголовным делам. С другой стороны, такое решение не вполне логично. Оно противоречит самой идее уголовно-процессуальной неприкосновенности, объем которой должен обуславливаться осуществляемой лицом социально важной деятельности, поскольку в противном случае она неизбежно превратится в личную привилегию, что противоречит конституционному принципу равенства всех и каждого перед законом и судом. Особый порядок возбуждения уголовных дел против адвокатов призван гарантировать неприкосновенность адвокатской тайны, создать невозможность получения сведений о доверителе от адвоката. Если преступление носит бытовой характер, возбуждение уголовного дела в отношении адвоката заведомо не в состоянии повлечь разглашение адвокатской тайны и причинить ущерб доверителям. Конечно, можно предполо-

жить, что уголовное дело возбуждается по надуманным поводам и основаниям только для получения доступа к адвокатской тайне, однако такие конструкции, обеспечивающие защиты этой тайны, явно избыточны, противоречат основам уголовного судопроизводства, а отдельные случаи подлежат исправлению средствами ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебного контроля.

Возникает и сугубо прикладной вопрос, получается, что по каждому до единого сообщению о преступлении, если при этом личность вероятно причастного лица установлена на момент принятия сообщения, требуется в обязательном порядке выяснять наличие у этого лица адвокатского статуса. По сути, все эти явно избыточные механизмы призваны гарантировать сохранность адвокатской тайны в ситуациях, когда ей фактически ничего не угрожает.

Имеются вопросы по поводу обязательного применения правил персональной подследственности по уголовным делам в отношении адвокатов. По буквальному смыслу закона, любое уголовное дело подлежит расследованию следователями Следственного комитета, если к уголовной ответственности привлекается адвокат. При этом расследование может производиться в форме как предварительного следствия, так и дознания. Вместе с тем, опять-таки представляется, что соблюдение этих требований имеет смысл, если преступление сопряжено с осуществлением адвокатской деятельности, то есть либо действия адвоката носят преступный характер, либо, напротив, преступное деяние совершается против адвоката в связи с оказанием им правовой помощи по какому-либо делу (не обязательно уголовному). В том же случае, если преступное деяние носит бытовой или иной характер, но не находится в причинной связи с выполнением собственно адвокатских функций, расследование дела целесообразно производить без применения персонального признака подследственности.

В ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» закреплено правило о производстве всех следственных действий в отношении адвоката исключительно по судебному решению. Однако представляется, что эта норма должна применяться с учетом ряда базовых положений УПК РФ.

При этом необходимо признать, что законодатель, вводя в УПК РФ ст. 4501 в той редакции, в какой это было сделано, фактически проигнорировал правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой гарантии для адвокатов в уголовном судопроизводстве не должны распространяться на случаи совершения адвокатом преступления, поскольку преступная деятельность и деятельность адвокатская несовместимы [3]. Можно предположить, что решение законодателя базируется на негативной практике воздействия на адвокатов посредством надуманного и безосновательного возбуждения против них уголовных дел и

получения таким образом доступа к адвокатской тайне и, следовательно, преследует цель прекратить подобную практику.

Во-первых, поскольку смысл указанной гарантии заключается в охране адвокатской тайны, распространять эту норму необходимо только на те следственные действия, когда информация может быть получена без волеизъявления адвоката, то есть на следственные действия, не связанные с дачей адвокатом показаний. В следственных действиях вербального характера весомой гарантией выступает свидетельский иммунитет адвоката, носящий абсолютный характер, то есть невозможность допроса адвоката даже при наличии инициативы последнего. При этом следственные действия, связанные с изъятием материальных предметов, необходимо производить по судебному решению.

Во-вторых, законодатель предусматривает особенности производства следственных действий в помещении, используемом для занятия адвокатской деятельностью [4, с. 63–64]. Эти особенности распространяются и на осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела. Вместе с тем неясно, как производить осмотр, если в соответствующем помещении совершено сугубо бытовое преступление, если всеми его участниками являются адвокаты. Очевидно, что вызов представителя адвокатской палаты в такой ситуации существенно задержит проведение осмотра, что может повлечь утрату следов преступного события и, в конечном итоге, невозможность принятия по делу законного и обоснованного решения. Это, по большому счету, противоречит и интересам адвоката как лица, пострадавшего от преступления. Представляется правильным распространение соответствующих особенностей только на случаи, когда предполагаемое преступление связано с осуществлением адвокатской деятельности.

Высказанные предложения носят дискуссионный характер и призваны, прежде всего, послужить поводом для всестороннего обсуждения отмеченных проблем. В любом случае предложения не направлены на какое-либо ограничение прав адвокатов, сужение или уменьшение объема предоставляемых им гарантий, а преследуют цель упорядочить систему этих гарантий, придать ей реальный, а не декларативный характер, и добиться того, чтобы гарантии не противоречили назначению уголовного судопроизводства.

1. Витте Х.М. Особенности и проблемы привлечения адвокатов к уголовной ответственности по законодательству Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2023. № 5. С. 198–203.

2. Гаврилова Е.А. Особенности уголовного преследования адвоката // Адвокатская практика. 2020. № 4. С. 33–36.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абдулхамидова Ахмедшапи Гамзатовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8 и 9 Федерального закона «Об оперативно-ро-

зыскной деятельности», а также статей 7, 29 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 22 марта 2012 г. № 629-О-О // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision373878.pdf> (дата обращения: 09.09.2024).

4. Стельмах В.Ю. Следственные действия в отношении адвокатов: всегда ли нужна санкция суда // Уголовный процесс. 2023. № 8 (224). С. 62–67.

Сведения об авторе

Стельмах Владимир Юрьевич. Доктор юридических наук, доцент. Профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова.

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева.

620066, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процессуальная форма, возбуждение уголовного дела, следственные действия, адвокат.

Судницын А.Б.

К ВОПРОСУ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЙ (СООБЩЕНИЙ) О ПРОИСШЕСТВИЯХ, ПОСТУПАЮЩИХ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Автор, затронув порядок рассмотрения сообщений о происшествиях, подчеркнул проблематику их приобщения к номенклатурному делу, обозначил отдельные предложения по усовершенствованию порядка рассмотрения сообщений о происшествиях, поступающих в органы внутренних дел.

Вопросы, относящиеся к стадии возбуждения уголовного дела, являются, пожалуй, одними из самых прорабатываемых и «горячо» обсуждаемых. Среди многочисленных вариантов усовершенствования первой стадии уголовного судопроизводства встречаются суждения как о дальнейшем реформировании ее отдельных составляющих, в т.ч. разрешения производства следственных действий до возбуждения уголовного дела [1, с. 12], так и упразднении стадии [2, с. 197]. Имеются и более нейтральные

предложения, призывающие придерживаться умеренного консерватизма, стараясь по возможности сохранить все плюсы советской системы досудебного производства и использовать богатый опыт, накопленный за многие годы [3, с. 138].

При рационализации первоначальной стадии помимо глобальных процессуальных аспектов внимания заслуживают и проблемы повседневной правоприменительной практики, имеющие с первого взгляда организационный (технический) характер. Одним из таких аспектов является порядок рассмотрения сообщений о происшествиях, поступающих в органы внутренних дел, в части возможности их приобщения к номенклатурному делу. Приведем ряд отправных положений.

Число обращений граждан, поступающих в правоохранительные органы, сохраняется на довольно высоком уровне. Так, количество заявлений и сообщений о предполагаемых преступлениях в Российской Федерации за год по отдельным оценкам превышает 20 млн [4, с. 119]. Традиционно половина таких сообщений регистрируется органами внутренних дел. Общее количество зарегистрированных преступлений (сообщения по которым принято решение о возбуждении уголовного дела) в нашей стране составляет в среднем 2 млн в год (2019 г. – 2024,3 тыс., 2020 г. – 2044,2 тыс., 2021 г. – 2004,4 тыс., 2022 г. – 1966,8 тыс.) [5]. Число принятых по сообщениям о преступлении решений об отказе в возбуждении уголовного дела только в МВД России составляет в среднем 6 млн в год (2020 г. – 5546,7 тыс., 2021 г. – 5694,2 тыс., 2022 г. – 5963,9 тыс., 2023 г. – 6200,9 тыс.) [6]. Количество принятых по сообщениям о преступлении решений об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием события или состава преступления в МВД России приближается к тем же усредненным 6 млн в год (2020 г. – 5479,4 тыс., 2021 г. – 5637,9 тыс., 2022 г. – 5914,5 тыс., 2023 г. – 6163,2 тыс.) [7].

Сопоставив приведенные числовые значения, отметим, удельный вес процессуальных решений в виде отказа от возбуждения уголовного дела за отсутствием события или состава преступления от общего числа решений об отказе в возбуждении уголовного дела, принимаемых по итогу проверки сообщений о преступлении, свыше 90 %. Так, в 2023 г. удельный вес указанных решений составил 99 %.

Следует вывод – значительная часть сообщений о преступлениях не находит своего подтверждения в ходе их проверки, в результате чего принимаются закономерное решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Согласно исследованию, проведенного ВНИИ МВД России, около 20 % постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела выносятся по сообщениям, не содержащим информации о признаках преступления [8, с. 47].

По сведениям действующих правоприменителей в отдельных случаях очевидность отсутствия признаков преступления в поступившем сообщении такова, что оно фактически не требует проведения процессуальной провер-

ки (сообщение о воздействии потусторонних сил, проникающих в разум и пытающихся выкрасть у заявителя душу; о краже колдуном «божественного дара» у внучки; о лае сторожевой собаки, мешающей спать; о мужчине, который из своей квартиры зомбирует людей и делает из них голограммы; о нахождении в квартире заявителя двух невидимых зомби; и т.п.). Тем не менее процессуальная проверка осуществляется практически по всем без исключения сообщениям, поступающим в органы внутренних дел.

Хотя возможность приобщения заявления (сообщения) о происшествии и материалов его проверки к материалам номенклатурного дела, прилагаемого к книге учета заявлений и сообщений о преступлениях (далее – КУСП), без возбуждения уголовного дела, отказа в возбуждении уголовного дела, передачи сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, предусмотрена п. 63.3 инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 (далее – Инструкция).

Однако положения Инструкции не разграничивают возможность принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела от приобщения заявления (сообщения) о происшествии и материалов его проверки к материалам номенклатурного дела, прилагаемого к КУСП.

Более того, Инструкция не определяет понятие рассмотрения заявлений и сообщений о происшествиях, соотношение с проверкой заявлений и сообщений о происшествиях, не конкретизирует перечень документов, входящих в материалы проверки, не устанавливает пределы рассмотрения и т.п. Как свидетельствуют действующие сотрудники органов внутренних дел объем материалов, списываемых в номенклатурное дело, порой превышает объем материалов, прилагаемых к постановлению об отказе в возбуждении уголовного дела.

Указанные обстоятельства, а также распространенность случаев поступления заявлений (сообщений), не содержащих признаков преступлений и объективного подтверждения, вызывают необходимость научной проработки возможности ограждения следователей (дознателей) от проверки фактов, не имеющих перспектив возбуждения уголовного дела (нецелесообразности отказа в возбуждении).

Требуется проработать возможность определения критериев, позволяющих приобщать заявления (сообщения) о происшествии к материалам номенклатурного дела, прилагаемого к КУСП, без производства процессуальной проверки поступившего заявления (сообщения) о происшествии и принятия процессуального решения (возбуждения уголовного дела, отказа в возбуждении уголовного дела, передачи сообщения по подследственности).

Актуальность и практическая значимость проработки вышеуказанного аспекта подчеркивается современными условиями кадрового неком-

плекта личного состава¹, а также потребностью ограждения следователей (дознавателей) от проверки фактов, не содержащих признаков преступлений, исключения искусственного формирования материалов, не требующих процессуальных проверок и принятия соответствующих решений.

Определение системы критериев, позволяющих приобщать заявления (сообщения) о происшествии к материалам номенклатурного дела, без процессуальной проверки и принятия процессуального решения, будет способствовать рациональному использованию сил и средств, акцентированию внимания следователей (дознавателей) на реальные преступные деяния и исключению их отвлечения от проведения проверок по сообщениям о преступлениях и производств по уголовным делам.

Проработка предлагаемого решения, а также его дальнейшая реализация возможна, как представляется, в среднесрочной перспективе. В качестве потенциальных вариантов последующего совершенствования (в более долгосрочной перспективе) следует рассмотреть возможность исключения отсутствия события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) в качестве основания для отказа в возбуждения уголовного дела, а также еще более серьезная модернизация первой процессуальной стадии, ее приведение в состояние, отвечающее закономерностям развития и современным реалиям.

1. Багмет А.М., Османова Н.В. О совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2022. № 2. С. 12.

2. Гаврилов Б.Я. Актуальные вопросы уголовного досудебного производства: позиция законодателя, мнение ученого и правоприменительная практика // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: XXVII международная научно-практическая конференция. В 2 ч. Красноярск, 2024. С. 197.

3. Россинский С.Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 6. С. 138.

4. Лунеев В.В. Преступность против модернизации // Россия и современный мир. 2013. № 1. С. 119–131.

¹ В мае 2024 г. на заседании Совета Федерации отмечено, что некомплект личного состава в органах внутренних дел в среднем по всем регионам России составляет 152 тысячи человек. В подразделениях патрульно-постовой службы некомплект составляет 26 %, следственных подразделений – 21 %, подразделениях уголовного розыска – 20 %. В отдельных регионах цифры некомплекта превышают 50 %. Так, в некоторых районах Костромской области нехватка сотрудников патрульно-постовой службы составляет 90 %, а в Свердловской области – 88 %. В ряде районов Москвы некомплект участковых уполномоченных полиции составляет 75 % [9].

5. Показатели преступности России [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 01.09.2024).

6. Количество принятых по сообщениям о преступлении решений об отказе в возбуждении уголовного дела [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41863> (дата обращения: 01.09.2024).

7. Количество принятых по сообщениям о преступлении решений об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием события или состава преступления [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41862> (дата обращения: 01.09.2024).

8. Цоколова О.И., Безруков С.С., Куприянов Е.И. О проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части отказа в возбуждении уголовного дела)» // Научный портал МВД России. 2018. № 3. С. 47.

9. Колокольцев: некомплект личного состава МВД в России превышает 150 тысяч человек [Электронный ресурс] // Фонтанка.Ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/05/14/73575668> (дата обращения: 01.09.2024).

Сведения об авторе

Судницын Алексей Борисович. Кандидат юридических наук, доцент. Начальник кафедры уголовного процесса.

Санкт-Петербургский университет МВД России.

198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

Ключевые слова: модернизация, усовершенствование, реформирование, возбуждение уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, приобщение к номенклатурному делу заявлений и сообщений, досудебное производство.

Сумин А.А.

К ВОПРОСУ ОБ УКАЗАНИИ В ОБВИНИТЕЛЬНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ СВЕДЕНИЙ О СУДИМОСТИ ОБВИНЯЕМОГО

Автор научной статьи исследовал вопрос об указании в обвинительном заключении сведений о судимости обвиняемого. Также, анализируется дискуссионный вопрос о допустимости указания в обвинительном заклю-

чений не снятой или не погашенной судимости в случаях, когда её наличие не влияет на уголовно-правовую квалификацию или на признание рецидива преступления. В результате, предлагается скорректировать текст ч. 1 ст. 220 УПК России.

Нормальная процедура принятия судом решения (вынесения приговора) должна в правовом государстве состоять из двух последовательных этапов. На первом этапе суд решает основной вопрос уголовного дела – о доказанности или недоказанности виновности подсудимого в инкриминированном ему преступлении; на втором этапе, если сделан вывод о доказанности виновности, суд назначает осуждённому наказание.

Данная модель функционирует в настоящее время при рассмотрении и разрешении уголовных дел судами и с теоретической точки зрения нет и не должно быть правовых препятствий к реализации этой модели при производстве по уголовному делу судами в других составах.

Данные о прежних судимостях, в особенности снятых или погашенных, имеют значение лишь на втором этапе постановления приговора. Исключение составляют лишь случаи, когда наличие не снятой или не погашенной судимости обуславливает уголовно-правовую квалификацию содеянного и, следовательно, информация об этом должна быть известна не только на первом этапе вынесения приговора, но даже существенно раньше, поскольку сторона обвинения должна обосновать правильность указанной квалификации в ходе судебных прений.

В результате возникает дискуссионный вопрос о допустимости указания в обвинительном заключении не снятой или не погашенной судимости в случаях, когда её наличие не влияет на уголовно-правовую квалификацию или на признание рецидива преступления.

Что касается указания на снятую или погашенную судимость, то, по мнению автора, о ней в обвинительном заключении речь вообще идти не может, поскольку согласно ч. 6 ст. 86 УК России «погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, связанные с судимостью».

Продолжая анализ поставленного вопроса относительно указания в обвинительном заключении не снятой или не погашенной судимости обвинения, необходимо обратиться к позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в определении от 21 ноября 2013 г. № 1875-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фелова Алексея Григорьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 73 и пунктом 2 части первой статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1]: данный судебный орган посчитал, что положения п. 3 ч. 1 ст. 73 и п. 2 ч. 1 ст. 220 УПК России в части, касающейся указания в обвинительном заключении судимости обвиняемого, «не могут рассматриваться как нарушающие его

конституционные права в его конкретном деле». Свой вывод суд обосновал таким образом: «Согласно принципу справедливости, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного ...; особенности личности виновного учитываются при назначении ему наказания, а также назначении осуждённому к лишению свободы вида исправительного учреждения.

Положениям уголовного закона корреспондируют нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, относят к числу подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу (п. 3 ч. 1 ст. 73) и обязывают следователя указывать в обвинительном заключении данные о личности каждого из обвиняемых (п. 2 ч. 1 ст. 220). Эти законоположения направлены на правильное применение уголовного закона, назначение виновному справедливого наказания и права граждан не нарушают.

Кроме того, как следует из приложенных к жалобе А.Г. Фёфелова материалов, суд при избрании ему меры пресечения и назначении наказания принял во внимание лишь неснятую и непогашенную судимость». Не оспаривая по существу высказанные судом положения, автор всё же полагает, что окончательный вывод был сделан недостаточно корректно.

Во-первых, в обоснование своей жалобы заявитель ссылался на то, что указание его погашенной судимости в обвинительном заключении, хотя и «не должны иметь юридического значения, но влияют на внутреннее убеждение судьи». Довод о таком влиянии, который связан с пониманием справедливого правосудия, суд оставил без внимания и оценки (во всяком случае, в тексте определения что-либо по существу этого довода отсутствует).

Между тем, именно опасность формирования предубеждения суда и вызвало к жизни ч. 8 ст. 335 УПК России, запрещающей исследовать факты судимости подсудимого в присутствии присяжных заседателей. Однако если такое правило есть в отношении такого состава суда, то почему его нет для других составов (единоличного или трёх профессиональных судей)?

Во-вторых, поскольку погашенная судимость не имеет абсолютно никакого значения для доказывания виновности или невиновности в совершении преступления, совершённого после указанного погашения и, как отмечалось выше, в силу взятых во взаимосвязи положений ч. 6 ст. 86 и ст. 63 УК России не может учитываться как обстоятельство, отягчающее наказание и при таких обстоятельствах указание в обвинительном заключении на погашенную или снятую судимость не только не основано на законе и не соответствуют принципу справедливости, но и вообще лишено логики.

В-третьих, ни законодатель, ни Конституционный Суд Российской Федерации не принимают во внимание то обстоятельство, что обвиняемый – это ещё не осуждённый и на него распространяется презумпция невиновности и указание в обвинительном заключении на его погашенную, либо снятую судимость, можно оценить как ограничение права гражданина, «считающегося невиновным», на тайну личной жизни.

В отношении включения в обвинительное заключение сведений о наличии у обвиняемого непогашенной или неснятой судимости, то представляется, что оно может иметь место лишь в том случае, когда это обстоятельство влияет на уголовно-правовую квалификацию вменённого преступления, либо когда сторона обвинения ставит вопрос о признании рецидива. В других случаях такое указание вряд ли можно считать оправданным.

Оппоненты могут возразить, что не погашенную и не снятую судимость суд вправе расценить как обстоятельство, отягчающее наказание, а такое обстоятельство подлежит доказыванию на основании п. 6 ч. 1 ст. 73 УПК России и, следовательно, указанию в обвинительном заключении, как это предписано в п. 6 ч. 1 ст. 220 УПК России.

Однако с учётом изложенных ранее обстоятельств, такие сведения более корректным было бы не включать в обвинительное заключение, а приобщать к материалам уголовного дела, например, в закрытом конверте, вскрыть который председательствующий может только после удаления суда в совещательную комнату. Во всяком случае, это исключило бы ознакомление состава суда с этими сведениями до удаления в совещательную комнату.

Конечно, это не решает проблему предубеждения, поскольку в отличие от англо-американского уголовного процесса в российском уголовном процессе не временного разрыва между решением о виновности подсудимого и назначением наказания, но всё же ознакомление суда со сведениями о наличии не погашенной или не снятой судимости у подсудимого будут максимально приближены к моменту принятия решения по основному вопросу уголовного дела, что снизит вероятность и степень влияния знания о судимости на внутреннее убеждение судьи.

В связи с изложенным представляется целесообразным скорректировать текст ч. 1 ст. 220 УПК России, включив в него оговорку о том, что в обвинительное заключение не должны включаться данные о погашенных или снятых судимостях обвиняемого и о действующих судимостях за исключением случаев, когда такие судимости влияют на уголовно-правовую квалификацию преступления, признание рецидива у подсудимого, а также назначения наказания по совокупности приговоров. В ином случае материалы о наличии не погашенной или не снятой судимости должны приобщаться к уголовному делу таким образом, чтобы исключить доступ к этим сведениям до удаления суда в совещательную комнату.

Автор признаёт высокую степень спорности затронутых в статье аспектов и полагает, что верное решение может состояться в ходе научной дискуссии.

1. Официальный сайт Конституционного Суда Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision147568.pdf>.

Сведения об авторе

Сумин Александр Александрович. Доктор юридических наук, профессор. Профессор кафедры уголовного процесса.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, обвинительное заключение, сведения о судимости, суд.

Сучков А.И.

НЕОБХОДИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В рассматриваемой статье автором проводится анализ взаимодействия следователя и эксперта-автотехника при расследовании преступлений в сфере безопасности дорожного движения. Кроме того, в статье проводится положительный анализ аспекты использования программного моделирования механизма дорожно-транспортных происшествий при производстве автотехнических экспертиз.

Проблемные аспекты являются негативным явлением, отражающим большинство криминалистических сложностей в расследовании тех или иных категорий преступлений. Не лишена проблем и деятельность по расследованию дорожно-транспортных происшествий [1, с. 211]. Одной из ключевых задач, стоящих перед органом предварительного следствия ОВД в лице правоприменителя-следователя, при расследовании дорожно-транспортных преступлений (ДТП), является установления механизма ДТП. Использование современных информационно-инновационных криминалистических средств при расследовании преступлений, связанных с нарушением безопасности дорожного движения, повлекшее по неосторожности

причинение тяжкого вреда здоровью человека либо его смерти, является необходимым процессом, который позволит наиболее качественно и эффективно получить доказательственную базу при расследовании данной категории уголовных дел, либо при рассмотрении сообщения преступления (ДТП). Таким образом, расследование дорожно-транспортных преступлений представляет собой многоуровневый сложный и специфический процесс.

Основной формой процессуального взаимодействия между органом предварительного следствия и экспертными учреждениями системы МВД России остается назначение и производство автотехнических судебных экспертиз. Так, согласно приложению № 2 к приказу МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 [2, с. 18], к видам автотехнических судебных экспертиз относят: исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия; исследование технического состояния деталей и узлов транспортных средств; исследование следов на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия (транспортно-трасологическая диагностика). Анализ и моделирование столкновений являются основным модулем специализированных программ [3, с. 40].

Мы согласны, так как модель, формируемая программным обеспечением (искусственным интеллектом) априори является точной, приближенной к реальности и служит хорошим подспорьем при решении задач по определению обстоятельств произошедшего дорожно-транспортного происшествия. Таким образом, решается главная задача расследования данной категории уголовных дел, устанавливается «картина» произошедшего ДТП, благодаря которой орган предварительного следствия может визуально воспринимать и анализировать обстоятельства, предшествующие дорожно-транспортному происшествию, а также следы, обнаруженные на месте происшествия, в частности проезжей части. Такая визуальная «картина» ДТП в совокупности анализа имеющейся дорожной разметки на проезжей части в месте ДТП, а также установленных дорожных знаков, позволяет сделать вывод о действиях участников ДТП до произошедшей аварии, дать оценку их действия в соответствии с ПДД РФ.

Кроме того, решается вопрос о конкретном месте ДТП, речь идет о месте столкновения ТС, либо наезда на стоящее ТС, наезд на препятствие и т.д., это позволяет соотнести место ДТП с полосой движения, установить то, кто именно из участников ДТП, допустил выезд на полосу, предназначенную для встречного движения, либо установить, что ДТП произошло на обочине (тротуаре, кювете), примыкающей к проезжей части. Описанные обстоятельства, подлежат установлению и доказыванию, при расследовании данной категории уголовных дела. Использование инновационных технологий при расследовании как раз и выражается в применении искусственного интеллекта (программного обеспечения), что в свою очередь является эффективным инструментом в руках следователя.

Программное обеспечение, с помощью которого происходит моделирование обстоятельств произошедшего ДТП, представлено в самых разнообразных вариациях по функционалу и способам работы. Вместе с тем, все программы построены по единому принципу, алгоритм их направлен на моделирование (трехмерное) дорожно-транспортной ситуации, при которой моделируются не только транспортные средства, но и окружающая обстановка: проезжая часть, обочины, тротуары, дорожная разметка, дорожные знаки, светофорные объекты, дорожные ограждения, линии электропередач и т.д.

Так, используется программное моделирование (CorelDRAW Graphics Suite X4) механизма ДТП, который отражает необходимость повсеместного использования графических редакторов не только в рамках автотехнической судебной экспертизы, но и при производстве отдельных следственных действий (например: осмотр места дорожно-транспортного происшествия, осмотр транспортных средств) [4, с. 80].

При производстве расследования отдельных видов ДТП следователь сталкивается с определенными сложностями, основной проблемой среди них на этапе первоначального расследования выступает временная ограниченность, так как обязанность тщательного производства осмотра места происшествия и обеспечения удобства использования дороги другими участниками исключают друг друга. Тем не менее следователь ввиду своей профессиональности и образованности зачастую справляется с данной проблемой путем разделения обязанностей между взаимодействующими субъектами [5, с. 216].

С вышеуказанным мнением тяжело не согласиться, так как в настоящее время у правоприменителя в лице следователя, с каждым днем, возникает острая необходимость систематизации и оптимизации своего рабочего (служебного) времени. С целью повышения эффективности и полноты результатов следственных действий, необходимо применять в ходе осуществляя предварительное следствие по делам, связанных с дорожно-транспортными происшествиями использовать инновационные технологии в виде различного рода программного обеспечения. Расследование дорожно-транспортных преступлений относится к категории юридически сложным уголовным делам, требующих наличие специальных познаний поэтому, использования компьютерных программ моделирования необходимо не только в ходе производства автотехнической судебной экспертизы, но и при производстве таких следственных действий, как осмотр места дорожно-транспортного происшествия, осмотр транспортных средств, следственный эксперимент.

Так, в ходе производства осмотра транспортного средства (участника ДТП), следователь как самостоятельно, так и с помощью специалиста (автотехника), производя замеры и описание механических повреждений, одновременно заносить полученные данные в программу (графический ре-

дактор и программное обеспечение, выбранное по усмотрению следователя), предварительно выбрав категории и модель транспортного средства, аналогично, осматриваемому. После чего, следователь может расположить сформированную программой модель транспортного средства (с отображением механических повреждений) на трехмерное отображение проезжей части, на которой заранее отметить те следы и объекты, которые были обнаружены и зафиксированы на проезжей части в ходе осмотра места происшествия. Данный анализ, позволит следователю как самостоятельно, так и с помощью автотехника анализировать и сопоставлять следы ДТП и механические повреждения на ТС, что в свою очередь позволит установить механизм дорожно-транспортного происшествия.

Анализ использования компьютерных программ моделирования при расследовании дорожно-транспортных происшествий выявил ключевую проблему, которая заключается в ограниченности использования имеющихся разработанных графических редакторов автотехниками экспертных учреждений. Данная проблема в первую очередь обусловлена отсутствием утвержденных и апробированных единых методических рекомендаций. Перечень графических редакторов является большим и разнообразным, однако по алгоритмизации использования, емкости использованной (вводимой) информации, интерфейсу, программной «доступности» (простоты использования) имеется весьма ограниченный перечень компьютерных программ, который ограничивается тремя программами (AUTO-GRAF, PC-Crash, CorelDRAW Graphics).

1. Колычева А.Н. Проблемные аспекты расследования ДТП, совершенных в темное время суток, и пути их преодоления // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции (Орёл, 25–26 апреля 2024 г.). В 2 ч. Орёл: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. С. 211–214.

2. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511: в ред. от 27 сентября 2023 г.: вместе с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации.

3. Аземша С.А., Галушко В.Н., Скирковский С.В. Проверка адекватности компьютерных программ моделирования дорожно-транспортных происшествий // Вестник Белорусского государственного университета транспорта: наука и транспорт. 2014. № 1 (28). С. 40–44.

4. Жарких С.С. Определение угла между продольными осями транспортных средств в момент столкновения методом графического моделирования // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 77–81.

5. Чаплыгина В.Н., Булыжкин А.В. Проблемные аспекты расследования отдельных видов ДТП // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции (Орёл, 25–26 апреля 2024 г.). В 2 ч. Орёл: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. С. 211–217.

Сведения об авторе

Сучков Андрей Игоревич. Преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: следователь, эксперт-автотехник, программное обеспечение, моделирование, дорожно-транспортное происшествие.

Сучкова Е.А.

ДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ СОВЕРШЕННОГО ПУТЕМ СБЫТА ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ

В статье исследуются основные аспекты, касающиеся тактических действий следователя на первоначальном этапе расследования неправомерного оборота средств платежей в зависимости от складывающейся следственной ситуации. Рассмотрены виды источников исходной информации о совершенном преступлении. Представлены складывающиеся следственные ситуации в зависимости от источника исходной информации. Основным отправным «пунктом» на первоначальном этапе являются материалы проверки, поступившие от сотрудников УЭБ и ПК. Обозначена значимость оперативно-разыскных мероприятий при взаимодействии со следователем и специалистами.

Первоначальный этап расследования любой категории уголовных дел является основой для проведения дальнейших процессуальных и следственных действий. В рамках складывающихся следственных ситуаций следователем избирается тактика действий в ходе дальнейшего планирова-

ния расследования. Каждое совершаемое общественно опасное деяние имеет собственный набор черт и признаков, исходя из которых, органы предварительного следствия осуществляют свою деятельность. Получение криминалистически значимой информации о преступлении имеет особое значение на первоначальном этапе расследования неправомерного оборота средств платежей.

На первоначальном этапе расследования складываются различные следственные ситуации. Предусмотреть все следственные ситуации и дать криминалистические рекомендации не представляется возможным в виду того, что индивидуальные признаки присуще каждой из них являются неповторимыми. Безусловно формируется от исходной информации, полученной именно на первоначальном этапе расследования. Соответственно значимость указанного этапа не требует отдельного объяснения.

Основными характерными чертами для указанного этапа выступают: поисково-разведывательная деятельность, сбор исходной информации, накопление и оценка первоначальных данных. То есть выявляются единичные факты совершения незаконных действий, а потом устанавливаются связи между ними. Доследственная проверка проводится в сроки, жестко регламентированные действующим уголовно-процессуальным законом, согласно чч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ. Следовательно, в рамках складывающихся следственных ситуаций целесообразно составить план ее проведения. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» значительно расширил процессуальный инструментарий сотрудников органов предварительного расследования, который они могут использовать на рассматриваемой стадии до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Анализируя нормативно правовую базу, регулиующую банковскую и налоговую деятельности и практику расследования преступлений о неправомерном обороте средств платежей, можно выделить следующие источники исходной информации о преступлении:

- налоговая инспекция, является ключевым источником информации в виду постоянного проведения проверок юридического лица или индивидуальных предпринимателей различных видов (плановая или внеплановая, документарная или выездная) [1];

- сотрудники банка, осуществляющие постоянный контроль денежных операций на расчетных счетах юридических лиц;

- нотариусы, осуществляющие подтверждение юридических действий юридических лиц или индивидуальных предпринимателей;

- лица, владеющие отдельными помещениями, предоставляемые в аренду юридическим лицам;

- сотрудники, располагающие информацией в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Соответственно в складывающихся следственных ситуациях следователем отрабатывает вопрос о незамедлительном допросе указанных лиц с целью последующей постановки программы действий.

Обозначим виды следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе. Первая следственная ситуация формируется исходя из материалов, поступивших из налоговой инспекции, которые получены в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий. Основными являются объяснения, полученные налоговым инспектором в рамках проводимой налоговой проверки. В основном опрашивается руководитель организации по поводу управления организацией, оформления расчетного счета и последующего функционирования организации. Объяснение может быть получено от арендодателя, который предоставлял помещение организации в форме «коворкинга». В последующем по результатам налоговой проверки организации о выявленном факте отсутствия места регистрации организации и несоответствие предоставленных сведений, сотрудники налоговой инспекции по результатам проверки сообщают в органы внутренних дел.

Вторая следственная ситуация формируется путем выявления признаков преступления правоохранительными органами в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий. Выявление данного вида преступления обеспечивается налаженным взаимодействием специалистов, сотрудниками УЭБ и ПК и следователями.

Третья следственная ситуация складывается в результате выявления признаков состава преступления в ходе расследования иного состава преступления. В нашем случае часто следственная и судебная практика отражает аспект в виде, того, что сбыт электронных средств платежей обнаруживается в результате расследования уголовных дел о незаконном образовании юридического лица. Указанная следственная ситуация нетипична в виду того, что сбыт электронных средств платежей оставался латентным способом совершения преступления. В данном случае следователем осуществляются действия по выделению материалов уголовного дела в отношении установленного лица и возбуждение уголовного дела с последующим осуществлением расследования.

Ввиду того, что в настоящее время большое число посягательств совершаются путем неправомерной передачи квалифицированного сертификата электронного ключа – USB-токена для удаленного доступа к расчетному счету определенной организации (однодневки), указанный момент, также влияет на изменение порядка действий следователя при расследовании. Указанный ключ доступа невозможно заполучить в виду того, что передается преступниками третьим лицам и их местонахождение остается неизвестным. Именно персональный «логин и пароль» (бумажный носитель) предоставляющий доступ к системе дистанционного банковского обслуживания используется для неправомерного оборота средств платежей.

Кроме этого, помимо персонального логина и пароля, которые рассматриваются как доступ к системе дистанционного обслуживания (далее – ДБО), передается средство управления, а именно абонентский номер (сим-карта), который является составной частью удаленного банковского обслуживания и представляет собой получение электронного сообщения и одноразового SMS-пароля, которые позволяют идентифицировать клиентов посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», являющиеся электронным средством. Следовательно, на первоначальных этапах расследования следователю из материалов, полученных от сотрудников УЭБ И ПК необходимо установить следующее: количество расчетных счетов, которые принадлежат юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю; личность нотариуса, который регистрировал руководителя организации; каким способом и какие вносились изменения сведений об организации в ЕГРЮЛ, а именно запрос приходил в электронном виде или лицо лично посещало налоговый орган.

Залог результативности первоначального этапа – это оперативность действий следователя. В данном случае комплекс действий должен быть направлен на своевременное выявление лиц, которые владеют помещением, где регистрируются организации-однодневки в форме «коворкинга». Указанное лицо является одним из главных свидетелей, так как обычно они участвуют в решении организационных вопросов организации и занимаются вопросом подбора места для регистрации в федеральной налоговой службе. В последующем должны быть получены показания об обстоятельствах заключения договора об аренде помещения и последующей явке лиц, на место нахождения организации. В рамках первоначальных следственных действий требуется своевременно осуществить выемку регистрационного дела (в ходе осмотра устанавливаются паспортные данные лица, который оформлял на себя расчетный счет). В последующем путем криминалистических учетов позволит установить подозреваемого с последующим решением о проведении с ним следственных и процессуальных действий. Ключевым следственным действием наряду с допросом подозреваемого, будет выступать обыск по месту жительства подозреваемого. В настоящее время указанное следственное действие не проводится с целью установления наличия документов, предоставляемых при оформлении расчетного счета, токены от Системы «Клиент-Банк» предприятия или предпринимателя.

Безусловно, организация первоначального этапа зависит от способа совершаемого рассматриваемого преступления, так как виды служб, участвующих во взаимодействии на стадии доследственной проверки, могут быть различными. Оценка исходной информации, которая поступила с материалом проверки от сотрудников УЭБ и ПК является одним из ключевых действий следователя, из которой формируются соответствующие версии и ставятся задачи. Опираясь на выдвинутые версии, определяется круг следственных и процессуальных действий [2]. Как и любая категория уго-

ловных дел, требует составление плана расследования. С учетом данных, полученных в результате предварительной проверки поступивших материалов, принимается решение о возбуждении уголовного дела, об отказе в его возбуждении или передаче сообщения о преступлении по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ.

Немало важным является проведение комплекса проверочных оперативных мероприятий, проводимых УЭБ и ПК. В рамках доследственной проверки может быть установлена значимая информация путем «наведения справок» и «опроса». Полученные сведения помогут своевременно установить личность подозреваемого лица, а также выявить организаторов, которые непосредственно участвуют в подготовке к совершению указанного преступления. Можно согласиться с мнением Е.В. Ильина и А.И. Мелихова о том, что проведение оперативно-разыскных мероприятий на первоначальных этапах позволит установить первичную информацию о виновном лице, о выявлении лиц, их совершивших, и установление потенциальных свидетелей [3].

Таким образом, нами были рассмотрены действия следователя на первоначальном этапе расследования неправомерного оборота средств платежей. В зависимости от источника исходной информации следователь осуществляет планирование расследования и проведение соответствующих мероприятий. Рассматривая отдельные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальных этапах расследования, мы выяснили, что в основном они образуются исходя из полученных материалов проверки. Первоначальный этап обладает характерными чертами: поисково-разведывательная деятельность, сбор, накопление и оценка первоначальных данных. Особое значение оказывает взаимодействие с сотрудниками оперативных подразделений УЭБ и ПК и специалистами, так как с помощью проводимых оперативно-разыскных мероприятий формируется полноценная исходная информация.

1. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ: в ред. от 8 августа 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Приговор Мещанского районного суда г. Москвы [Электронный ресурс]: от 26 июля 2019 г. по делу № 01-0028/2019. URL: <https://mosgorsud.ru>.

3. Вехов В.Б. Особенности проведения доследственной проверки по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации // Эксперт-криминалист. 2013. № 4. С. 2–4.

Сведения об авторе

Сучкова Елизавета Алексеевна. Адъюнкт.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Сведения о научном руководителе

Калюжный Александр Николаевич. Доктор юридических наук, доцент.
Академия ФСО России.
302034, Российская Федерация, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35.

Ключевые слова: первоначальный этап, расследование, следственные ситуации, следователь, исходная информация.

Сущенко С.А.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СПЕЦИАЛЬНЫХ
СЛЕДСТВЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ**

В статье в сравнительно-правовом аспекте рассмотрены понятие и виды специальных следственных мероприятий, особенности правового регулирования и использования их результатов в уголовном процессе Федеративной Республики Германии. Сделан вывод об эффективности действующего в ФРГ подхода к автоматическому признанию результатов специальных следственных мероприятий в качестве доказательств по уголовным делам.

Проблема определения допустимости доказательств, получаемых на основе результатов оперативно-разыскной деятельности, присуща как отечественному судопроизводству, так и уголовному процессу иностранных государств. Однако в последние годы прослеживается тенденция постепенного стирания правовых границ между оперативно-разыскной деятельностью и уголовным процессом, а уголовно-процессуальное законодательство и судебная практика зарубежных стран все чаще стали допускать использование в качестве доказательств по уголовным делам результатов оперативно-разыскной деятельности (или так называемых «специальных следственных мероприятий») наряду со следственными действиями [3, с. 18].

В Федеративной Республике Германии (далее – ФРГ) правила санкционирования, реализации и использования результатов негласных полицейских мер закреплены непосредственно в нормах уголовно-процессуального закона – Уголовно-процессуальном кодексе ФРГ (Strafprozeßordnung) [5] (далее – УПК ФРГ). Основные нормы содержатся в разделе VIII, именуемом «Выемка, контроль телекоммуникаций, компьютерный поиск возможных преступников на основании общих признаков, использование технических средств, использование негласных дознавателей и обыск».

Раздел VIII УПК ФРГ закрепляет следующие виды негласных мероприятий:

1. Выемка почтово-телеграфных отправлений (§ 99).
2. Контроль телекоммуникации (§ 100a).
3. Меры, применяемые без ведома лиц, которых они касаются (§ 100c).
4. Получение информации о связи в рамках телекоммуникации (§ 100g).
5. Иные меры, применяемые без ведома лиц, которых они затрагивают (§ 100h).
6. Меры, применяемые к мобильным телефонам (§100i).

Необходимо дать некоторые разъяснения по отдельным видам вышеуказанных негласных мероприятий.

Под телекоммуникацией по смыслу § 100a УПК ФРГ подразумеваются переговоры по стационарному, мобильному телефону, а также через сеть интернет, включая разговоры, которые ведутся рядом с телефоном во время контролируемых телефонных переговоров, и разговоры, прослушивание которых обеспечивается одним из собеседников, даже если он является (негласным) дознавателем (аналог оперативного сотрудника). Также под телекоммуникацией понимаются сообщения электронной почты, факсимильная связь, СМС и сообщения, оставляемые на автоответчик мобильного телефона. § 100a устанавливает достаточно жесткие требования к основаниям проведения данного мероприятия, поскольку считается, что прослушивание разговоров, которые ведутся в жилище, более серьезно ограничивает конституционные права граждан, нежели прослушивание телефонных переговоров [2, с. 78].

Согласно § 100a УПК ФРГ телекоммуникации могут контролироваться и записываться без ведома лиц, которых затрагивают эти меры, в следующих случаях: 1) существует обоснованное подозрение, что данное лицо совершило тяжкое преступление, указанное в абзаце 2 § 100a, в качестве исполнителя или участника или совершило покушение на такое преступление, если покушение является уголовно наказуемым 2) если установление обстоятельств дела или местонахождения обвиняемого иным способом было бы существенно затруднено или невозможно. Помимо подозреваемых и обвиняемых, данная мера может применяться к третьим ли-

цам, в особенности, к лицам, передающим сообщения, даже если они не осознают связь сообщения с преступным деянием, или к лицам, телефоном или компьютером которых пользуется преступник. Согласно § 148 УПК ФРГ не могут использоваться в доказывании разговоры, связанные с обсуждением защиты между обвиняемым и его защитником.

Если собеседниками являются родственники, священники, защитники, врачи или сотрудник телефона доверия и имеются основания полагать, что в ходе проведения данного мероприятия может быть получена информация, относящаяся исключительно к сфере частной жизни, то проведение данного мероприятия недопустимо. Использование полученных таким образом доказательств, а также доказательств, полученных на основании этой информации, в уголовном судопроизводстве недопустимо. Полученные таким образом доказательства могут быть признаны допустимыми, только если преступное деяние, с которым связаны установленные в ходе проведения данного мероприятия факты, относится к категории тяжких преступлений, перечень которых закреплен в § 100a (абз. 2) УПК ФРГ.

Под мерами, применяемыми без ведома лиц, которых они касаются, в § 100c УПК ФРГ понимается прослушивание и запись при помощи технических средств разговоров, которые непублично ведутся в жилище (акустическое наблюдение). Под непубличными разговорами понимаются высказывания, предназначенные исключительно для непосредственного собеседника. Данное мероприятие проводится только в жилище подозреваемого или обвиняемого. Если в процессе проведения прослушивания появляются основания предполагать, что будут зафиксированы высказывания, которые относятся к сфере частной жизни, то проведение данного мероприятия незамедлительно прекращается, запись такой информации уничтожается и не может использоваться в процессе доказывания.

В случаях если прослушиваются разговоры обвиняемого с лицом, имеющим право на отказ от дачи свидетельских показаний, предусмотренным §§ 52, 53 и 53a УПК ФРГ, информация, полученная в результате проведения данного мероприятия, может использоваться, только если интерес в отношении расследования фактических обстоятельств дела или установления места нахождения другого обвиняемого в том же уголовном производстве соразмерен значению доверительных отношений, лежащих в основе запрета [1, с. 179].

Разговоры, не имеющие адресата или являющиеся монологами, не прослушиваются, а их содержание не является допустимым доказательством, однако исключения делаются для молитв, в которых упоминаются теракты, даже если в них также упоминаются брак и семья. Личные данные, полученные в результате акустического наблюдения в жилище и допущенные к использованию в уголовном процессе, могут использоваться для предотвращения опасности для иных значительных имущественных ценностей.

Необходимо отметить, что проведение оптического наблюдения и видеозаписи в жилых помещениях в рамках уголовного судопроизводства запрещены, их проведение допускается только в превентивной деятельности полиции на основании административного полицейского права и законодательства федеральных земель, и, как правило, в целях защиты негласных дознавателей. Использование результатов данного вида наблюдения в уголовном процессе в качестве доказательств недопустимо.

§ 100f УПК ФРГ регулирует акустический контроль вне жилого помещения-прослушивание и запись при помощи технических средств, высказываний, сделанных непублично за пределами жилища (в общественных местах, служебных и иных помещениях). Данное мероприятие проводится в случае, если лицо совершило тяжкое преступление, указанное в § 100a (абз. 2), в качестве исполнителя или участника, а исследование обстоятельств дела или установление местонахождения обвиняемого иным способом было бы невозможно. Проведение данного мероприятия запрещено в отношении защитника в соответствии с § 148 УПК ФРГ, также действуют ограничения в отношении лиц, обладающих правом на отказ от дачи показаний по профессиональным причинам. В отношении родственников УПК ФРГ не устанавливает никаких ограничений.

§ 100g УПК ФРГ допускает негласное получение информации о связи в рамках телекоммуникации в случаях, если лицо совершило либо покушалось на совершение тяжкого преступления при помощи средств телекоммуникации.

К преступлениям, совершенным с использованием телекоммуникационных технологий, относятся любые деяния, совершенные при помощи телефона, телефакса и с использованием сети Интернет. Проведение данного мероприятия допускается и при раскрытии преступлений небольшой степени тяжести (оскорбления или угрозы в сети Интернет), если они не могут быть раскрыты иным способом.

Под информацией о связи в рамках телекоммуникации (соединениях между абонентами и абонентскими устройствами) понимаются данные, которые собираются, обрабатываются или используются при оказании телекоммуникационных услуг, в том числе и данные о (безуспешной) попытке соединения, номера абонентов или абонентских устройств, номера мобильных телефонов, IMEI и динамические IP-адреса компьютеров и относящиеся к ним имя и адрес абонента и информация о местонахождении мобильного телефона во времени, также когда по нему не ведутся переговоры.

Под иными мерами, применяемыми без ведома лиц, которых они затрагивают в § 100h УПК ФРГ понимается проведение съёмки (фото-, видео-, спутниковая и аэрофотосъёмка) и использование иных специальных технических средств, предназначенных для наблюдения. Получаемые данные третьих лиц могут использоваться только для сравнения с целью уста-

новления искомого номера прибора или карты и должны быть незамедлительно уничтожены по окончании проведения мероприятия.

Под мерами, применяемые к мобильным телефонам в рамках § 100i 1 УПК ФРГ понимается установление при помощи технических средств IMEI мобильного телефона и номер карты обвиняемого, а также установление местонахождения мобильного телефона, если это необходимо для исследования обстоятельств дела или установления местонахождения обвиняемого. Для установления вышеуказанных данных используется пеленгатор IMSI (IMSI catcher). При проведении данного мероприятия допускается собирание данных третьих лиц, если это становится неизбежным по техническим причинам для достижения цели мероприятия.

Вышеуказанные нормы УПК ФРГ детально регулируют основания проведения негласных специальных технических мероприятий, порядок их санкционирования, а также особенности процессуального оформления их результатов с целью беспрепятственного использования полученных результатов в доказывании.

ФРГ вместе с другими государствами-членами Европейского Союза подписала «Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам» (The Second Additional Protocol to the European Convention on Mutual Assistance in Criminal Matters [6]), который позволяет использовать результаты так называемых «тайных следственных действий» в качестве доказательств по уголовным делам, (в частности, ст. 17 говорит о трансграничном наблюдении, ст. 18 – о контролируемой поставке, ст. 19 – о негласном расследовании).

В отношении тайных аудиозаписей, сделанных частными лицами, уголовные суды ФРГ нашли двойное решение. Так, по общему правилу, запись не может быть использована без согласия лица, запись которого ведётся. Однако абсолютная защита предоставляется только «абсолютно неприкосновенным областям частной жизни». В большинстве случаев решающую роль играют обстоятельства, а также степень тяжести преступления.

Уголовно-процессуальным кодексом ФРГ в § 110a–110c закреплены нормы, регулирующие институт участия в предварительном расследовании штатных негласных сотрудников полиции (*Verdeckte Ermittler*, дословно – скрытые расследователи), которыми в соответствии с § 110a (абз. 2) УПК ФРГ являются должностные лица полиции, ведущие расследование под другой личностью (с использованием легенды), созданной для него на длительное время. Штатные негласные сотрудники задействуются при раскрытии тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия, фальшивомонетничества, преступлений против государственной безопасности, а также в отношении организованных преступных групп и рецидивистов. Также УПК ФРГ содержит нормы, закрепляющие порядок санкционирования принимаемых такими сотрудниками мер, правила их реализации и дальнейшее использование полученных результатов. Пред-

меты и документы, полученные штатным негласным сотрудником при проведении им скрытого расследования, могут быть использованы в качестве доказательств, если в процессе их получения не были нарушена процедура их собирания и не применялись способы, прямо запрещенные Конституцией ФРГ и ведомственными нормативными правовыми актами полиции [4, с. 98].

Таким образом, в ФРГ при соблюдении правил УПК, а не каких-либо иных подзаконных или ведомственных нормативных актов, результаты негласных мероприятий могут беспрепятственно использоваться в доказывании и принимаются судом непосредственно как допустимые.

-
1. Барабанов П.К. Уголовный процесс ФРГ. М.: Спутник+, 2014. 427 с.
 2. Головненков П.В., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия «Strafprozessordnung (stpo)». Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Постсдам, 2012. 408 с.
 3. Сумин А.А., Химичева О.В. Специальные следственные мероприятия в уголовном судопроизводстве зарубежных государств: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 176 с.
 4. Уголовно-процессуальное право Германии = Strafprozessrecht: пер. с нем. / Фридрих-Кристиан Шредер [и др.]. 5-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 304 с.
 5. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ / Strafprozeßordnung. Официальный сайт Министерства юстиции ФРГ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stpo>.
 6. The Second Additional Protocol to the European Convention on Mutual Assistance in Criminal Matters // Официальный сайт Совета Европы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/182> (дата обращения: 27.08.2024).

Сведения об авторе

Суценко Светлана Алексеевна. Кандидат юридических наук. Преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орёл, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: доказательство, доказывание, допустимость доказательств, специальные следственные мероприятия, использование результатов оперативно-разыскной деятельности.

Таршева М.Н., Матросова Л.Д.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ПРИМЕНЯЕМЫХ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Современные достижения в области искусственного интеллекта (ИИ) привели к значительным изменениям в обществе. Они проникают во все сферы жизнедеятельности человека, видоизменяют не только их, но и такие социальные явления как преступность и борьба с ней. Именно поэтому исследований, посвященных использованию искусственного интеллекта (ИИ) в деятельности правоохранительных органов, становится все больше. В статье исследуются современные технологии искусственного интеллекта (ИИ) и их применение в борьбе с преступностью, с акцентом на уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты.

Искусственный интеллект становится вездесущим. Различные виды алгоритмических инструментов все больше проникают во все сферы общественной жизни. Нельзя не заметить огромный интерес ученых-юристов и практиков, проявляемый к заявленной тематике. В последние годы появилось достаточно большое количество научных исследований по данному вопросу [1; 2; 3; 4; 5].

Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., согласно тексту которой ИИ – технология (алгоритм), которая позволяет имитировать познавательную деятельность человеческого мозга. Кроме того, такая технология (алгоритм) способна на самосовершенствование. Речь идет о возможности технологии искусственного интеллекта «самостоятельно совершенствовать заложенное в нее программное обеспечение, в том числе осуществлять самопрограммирование в ситуациях, реакция на которые алгоритмически не предусмотрена» [6].

Интересны перспективы использования технологий искусственного интеллекта в деятельности органов по борьбе с преступностью.

М.С. Гущев, А.В. Тарасов, А.Р. Темзюков пишут, что технологии ИИ могут обеспечить «просеивание» огромных массивов информации (текстовой, аудио-, видео-, звукозаписей), которая фиксируется пользователями социальных сетей, камерами наблюдения и пр. Данные, имеющие значение для выявления и раскрытия преступлений (как готовящихся, так и совершенных), расследования уголовных дел, могут быть получены на основе составленных алгоритмов. Предотвращение фактов совершения коррупционных и мошеннических действий становится возможным, например, при

обнаружении ИИ подозрительных транзакций и схем по «отмыванию денег» [4; 7, с. 257–258].

Е.С. Ларина, В.С. Овчинский в своем исследовании раскрыли большие преимущества технологических продуктов, созданных на базе ИИ, внедренных в деятельность правоохранительных органов США. Например, программа, распознающая фрагменты татуировок в потоковых видеофайлах, получаемых с камер видеонаблюдения городов, в период с 2014-го по 2018 г. позволила задержать 17 лиц, которые находились в розыске. Не менее интересна программа, позволяющая распознавать лиц, находящихся в розыске и изменивших внешность с помощью пластических операций, а также восстанавливать внешность данных лиц до ее изменения. Процент распознавания составил 97 % случаев. Программа *Mayhem* позволяет распознать индивидуальный почерк хакеров, обнаружить атаки и установить местонахождение хакеров [5, с. 109–114].

В силу того, что преступность в нашей стране, совершаемая посредством ИТС Интернет, с использованием технических средств мобильной связи и компьютерной техники из года в год демонстрирует тенденцию роста, составляя четвертую часть от общего числа совершенных преступных деяний, становится очевидным, что необходим «постоянный мониторинг социальных сетей и сети Интернет, а также оперативный интеллектуальный анализ больших данных в этих сетях» [8]. Так, в 2023 г. с использованием информационных технологий совершено 680 тысяч преступлений, а ущерб превысил 156 миллиардов рублей [9].

Прогнозирование возможности совершения преступлений конкретным лицом – следующее перспективное направление внедрения технологий ИИ. Так, на основе проведенного анализа исторических данных преступных событий, условий погоды, времени их совершения, других характеризующих факторов, разработанные алгоритмы могут позволить прогнозировать вероятностные события преступного характера и предотвращать их совершение посредством направления и распределения сотрудников соответствующих служб и ведомств.

«Еще одно применение ИИ в расследовании преступлений – анализ доказательств. Такой анализ заданным алгоритмом доказательств и записей протоколов судебных заседаний мог бы позволить выявить взаимосвязи между совершенными преступлениями по признаку «серийности».

В качестве примера использования вышеуказанных технологий в нашей стране можно привести АИС мониторинга криминогенной обстановки (АИС «Карта криминогенности»), которая успешно функционирует на территории г. Москвы, в основе которой заложен алгоритм ИИ. Данная система позволяет в режиме реального времени производить анализ оперативной обстановки в необходимом округе или районе с получением данных о каждом происшествии противоправного характера (правонарушения или преступления), мест их концентрации, особенностей состава и вида

таких деяний. Кроме того, доступна информация, касающаяся нахождения иностранных граждан на территории города.

Оперативными подразделениями МВД России используются АПК и ПО, функционирующие на базе искусственного интеллекта, позволяющие: осуществлять мониторинг и анализ информации в открытых источниках, таких, к примеру, как социальные сети, СМИ, выявлять противоправный контент и лиц, их распространяющих, а также виртуальные связи этих лиц (ПК «Демон Лапласа»); получать искомые сведения из подключенных к аппаратному комплексу носителей информации (АПК «Восток-OSINT»); распознавание биометрических данных (АПК FindFace); анализировать действия аккаунтов в социальных сетях («Крибрум. Объекты») и т.д.

Технологии искусственного интеллекта видятся перспективным направлением совершенствования и уголовно-процессуальной деятельности, в частности речь идет как о стадии предварительного расследования, так и на стадиях подготовки к судебному разбирательству, судебного разбирательства и исполнения приговора.

А.А. Суминым и О.В. Химичевой был проведен анализ использования и тестирования программ, созданных на базе искусственного интеллекта, применяемых в уголовном процессе стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Вьетнам, Китай, Северная Корея, Южная Корея, Япония) [10], результатом которого является вывод о том, что технологии ИИ открывают новые горизонты для повышения эффективности правоприменения и улучшения качества судебного разбирательства, не подменяя собой при этом следователя, прокурора или судью. Они могут значительно упростить сбор и анализ доказательств, автоматизируя рутинные задачи и предоставляя инструменты для более глубокого анализа данных.

ИИ может «освободить следователя от составления многих процессуальных документов, ускорить процесс собирания, проверки и оценки доказательств, стать полезным средством поддержки принятия процессуальных решений...» [11, с. 241]. Речи о замене познавательной деятельности (дознателя) следователя на функционирование разработанного технологического инструмента быть не может; программа, созданная на базе ИИ, может стать помощником правоприменителю любого государственного органа (прокурор, дознаватель, следователь) или судьи. Аналогичную точку зрения отстаивают и другие ученые [1; 2].

Каждый из вариантов АПК, ПО, в основе которых заложен алгоритм ИИ, из числа приведенных выше, достаточно полезный инструментарий в борьбе с преступностью. Но стоит понимать, что ИИ – создание рук людей-программистов, хотя и «способный» на самосовершенствование и обучение. ИИ, как и все существующие в нашем мире имеет свои плюсы и минусы. Дискутировать на тему использования ИИ в расследовании преступлений можно долго, но на наш взгляд, здесь необходимо просто от теории переходить к практике. ИИ в противодействии преступности – это

новый свежий взгляд на правоохранительную деятельность. Но также важно понимать, что в уголовном процессе, как и в любой науке, есть свои фундаментальные основы, которых и необходимо придерживаться.

1. Бахтеев Д.В. Частные криминалистические теории как источник для разработки прикладных систем искусственного интеллекта в следственной деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 2 (28). С. 32–43.

2. Бычков В.В. Искусственный интеллект как средство совершения преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, так и борьбы с ними // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 60–65.

3. Головкин Л.В. М.С. Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 29–36.

4. Гуцев М.Е. Перспективы использования искусственного интеллекта в расследовании преступлений [Электронный ресурс] // Вестник науки и образования. 2023. №6 (137). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 23.07.2024).

5. Овчинский В.С., Ларина Е.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2018.

6. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 10 октября 2019 г. № 490: в ред. от 15 февраля 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Тарасов А.В., Темзоков А.Р. Криминалистические аспекты использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // Теория и практика общественного развития. 2023. № 10. С. 256–261.

8. Кубасов И.А., Лекарь Л.А. Внедрение перспективных систем мониторинга и анализа больших данных, полученных в сети Интернет, для обеспечения деятельности оперативных подразделений МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 154–161.

9. Расширенное заседание коллегии МВД России. Президент России. 2 апреля 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/73770> (дата обращения: 24.07.2024).

10. Сумин А.А., Химичева О.В. Искусственный интеллект в уголовном процессе государств Азиатско-Тихоокеанского региона: общий обзор // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 2. С. 18–21.

11. Химичева О.В., Андреев А.В. Некоторые замечания о принципах использования технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве России // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 240–243.

Сведения об авторах

Таршева Мира Николаевна. Кандидат юридических наук. Преподаватель кафедры информационных технологий в деятельности ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Матросова Лидия Дмитриевна. Кандидат юридических наук, доцент. Начальник кафедры информационных технологий в деятельности ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, искусственный интеллект, цифровые технологии.

Телевицкая Ю.А.

ВЕРДИКТ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье автор рассматривает процедуру вынесения вердикта присяжными заседателями, приводятся условия вынесения оправдательного и обвинительного вердикта, представлены и проанализированы основные вопросы, которые должны содержаться в вопросном листе присяжных заседателей.

Процедура вынесения решения присяжными заседателями о виновности или невиновности подсудимого является вердиктом. Присяжные заседатели принимают решение, основываясь на тех обстоятельствах, которые были исследованы в зале суда, отвечая на вопросы в вопросном листе, сформулированные председательствующим судьей.

Следует отметить, что каждая из сторон имеет равное право на внесение своих предложений и дополнений в вопросный лист. Сторона защиты или обвинения имеет возможность высказаться относительно некорректной формулировки.

Последнее слово в формулировании вопросов для вопросного листа остается за судьей. Однако судья не имеет право по своему усмотрению добавить вопрос, который не подлежал обсуждению в зале суда. После принятия решения председательствующий доводит содержание вопросов присяжным заседателям и сторонам.

Примечательно, что при формулировке вопросов и их обсуждении сторонами, присяжные заседатели не присутствуют. На это время они удаляются из зала суда. Прежде всего, это связано с тем, что при обсуждении положений вопросного листа могут прозвучать высказывания, которые не имеют отношение к фактической стороне рассматриваемого уголовного дела и не должны быть известны присяжным заседателям.

После оглашения вопросов, которые будут входить в вопросный лист, присяжные заседатели могут ходатайствовать перед судьей о внесении уточнений по интересующим вопросам. Для того чтобы задать вопрос судье, присяжные заседатели пишут вопрос на листке и передают его через старшину.

Вопросы, которые ставятся перед присяжными заседателями

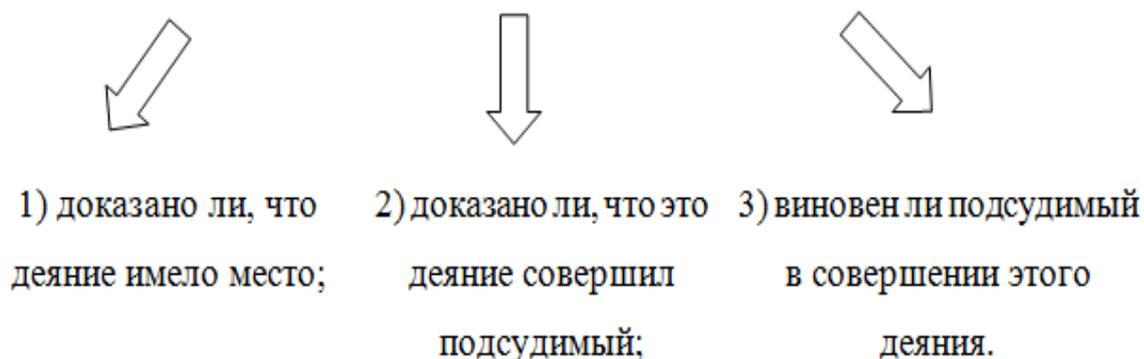

Рисунок 1 – Основные вопросы, которые ставятся перед присяжными заседателями

В вопросном листе должны быть обязательно отражены три основных вопроса (см. рисунок 1). Помимо основных вопросов вопросный лист содержит и перечень дополнительных.

В число дополнительных, так называемых частных вопросов может входить, к примеру, вопросы о наличии или отсутствии обстоятельств, которые указывают на возможность освобождения от уголовной ответственности, на возможность освобождения от наказания или на наличие обстоятельств, исключающих преступность или наказуемость деяния [1].

Помимо перечисленных, в вопросном листе могут ставиться вопросы, затрагивающие причины по которым преступление не было доведено до конца, а также связано ли неоконченное преступление с волеизъявлением самого лица либо этому способствовали какие-нибудь другие обстоятельства.

В случае установление виновности лица, присяжным заседателям необходимо будет ответить еще на один обязательный вопрос: «Заслуживает ли лицо снисхождения?».

Вопрос о снисхождении ставится в отношении каждого преступления. Если подсудимый совершил несколько противоправных деяний, то по каждому из них присяжные должны установить его вину и принять решение о целесообразности или нецелесообразности применения к нему смягчающих наказания мер. В законодательстве отсутствует запрет на принятие решение о снисхождении по одному преступлению, и отказе в таковом по-другому. Совершенные деяния рассматриваются отдельно друг от друга [2].

Следует отметить, что на рассмотрение присяжным заседателям недопустимо выносить вопросы, которые требуют юридической оценки деяния, или направлены на квалификацию совершенного преступления. В вопросном листе также запрещается указывать на наличие судимости у лица в прошлом, притом не имеет значение, есть ли она на данный момент либо уже снята или погашена.

После оглашения вопросов председательствующий выступает с напутственным словом.

Присяжные заседатели совещаются в специально отведенном для этого месте – совещательной комнате присяжных заседателей.

Следует отметить, что в совещательной комнате должны находиться исключительно присяжные заседатели, которые составляют коллегия присяжных. Запасные присяжные заседатели не имеют права находиться в совещательной комнате и участвовать в голосовании.

Каждый из коллегии присяжных заседателей обязан проголосовать по всем вопросам, представленным в вопросном листе. Никто не имеет права отказаться от голосования или воздержаться. Подсчетом голосов в совещательной комнате занимается старшина, он же голосует всегда последним.

Следует отметить, что коллегия присяжных заседателей должна стремиться к принятию единогласного решения. В случае принятия единогласного решения присяжные могут вернуться в зал судебного заседания сразу же после подсчета голосов. Однако если присяжные не смогли прийти к консенсусу по любому из представленных вопросов, они не имеют права начать голосование ранее, чем через три часа. Следовательно, у присяжных заседателей, которые находятся в большинстве по принятию какого-либо из решений есть минимум три часа для того чтобы переубедить своих коллег, если им этого не удастся, старшина объявляет о проведении голосования.

Итоговое решение принимается в зависимости от количества голосов.

Следует отметить, что обвинительный вердикт может быть принят только том случае, если за виновность лица проголосовало более 50 % присяжных заседателей. Соответственно, в судах субъекта, это количество составлять не менее 5, а в районных судах не менее 4.

Для вынесения оправдательного вердикта достаточно, чтобы мнение присяжных заседателей разделилось ровно наполовину. Следовательно, для вынесения оправдательного вердикта в судах субъекта достаточно решения 4 присяжных, а в районном суде – 3.

Оправдательный вердикт выносится в том случае, если хоть на один из трех основных вопросов присяжные ответили отрицательно.

К примеру, при отрицательном ответе на вопрос о доказанности деяния, постановляется оправдательный вердикт ввиду неустановленности события преступления.

При отрицательном ответе большинства присяжных на вопрос о причастности лица, постановляется оправдательный вердикт ввиду непричастности.

При отрицательном ответе на вопрос о виновности лица постановляется оправдательный вердикт ввиду невиновности.

В вопросном листе должны содержаться однозначные ответы на вопрос, с уточнением основной сути, к примеру: «Да, виновен», «Нет, не виновен». Пояснения необходимы для исключения двусмысленности.

После проведения голосования и внесения результатов в вопросный лист присяжные возвращаются в зал судебного заседания. Старшина присяжных с разрешения председательствующего оглашает итоги голосования.

Оправдательный вердикт присяжных заседателей является обязательным для суда. Основываясь на оправдательном вердикте, судья имеет право вынести только один вид приговора – оправдательный.

Вынесения оправдательного приговора, основанного на вердикте присяжных заседателей, не лишает сторон права на обжалования данного решения в апелляционном или кассационном порядке.

Обвинительный вердикт присяжных заседателей не всегда приводит к обвинительному приговору. Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены следующие исключения:

1) если судья посчитает, что в совершенном лицом деянии не содержится признаков преступления;

2) если судья не согласится с мнением присяжных ввиду недоказанности вины подсудимого.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что вердикт, выносимый присяжными заседателями, представляет собой важный процессуальный документ, который выражает волю судей факта по рассматриваемому уголовному делу. Оправдательный вердикт присяжных заседателей является обязательным для судьи, обвинительный может быть не принят во внимание судьей при наличии определенных обстоятельств.

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного Суда

Рос. Федерации 23 декабря 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сведения об авторе

Телевицкая Юлия Андреевна. Кандидат юридических наук. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Нижегородская академия МВД России
603144, Российская Федерация, г. Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Ключевые слова: присяжные заседатели, вердикт, судьи факта, вопросный лист, судебное разбирательство с участием присяжных заседателей.

Терехова Е.М.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА, СОВЕРШЕННОЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье обращается внимание на увеличение фактов применения телекоммуникационных средств при совершении реабилитации нацизма. Отмечаются особенности получения информации правоохранительными органами от компаний Интернет-ресурсов. Обращается внимание на востребованность процессуального регулирования предоставления результатов оперативно-разыскной деятельности. Обозначаются меры, принятые руководством Следственного комитета Российской Федерации, в целях повышения качества расследования преступлений рассматриваемого вида.

Цифровизация в современном укладе жизни, безусловно, повышает ее качество, однако, она также влияет и на рост применения компьютерных и телекоммуникационных технологий при совершении преступлений. В России, по состоянию на декабрь 2023 г., наибольшей популярностью пользуются Интернет-ресурсы: «Яндекс» – 82 %; «Google» – 81,3 %; «Youtube» – 78,3 %; «WhatsApp» (Instagram/Whatsapp/Facebook принадлежат компании Meta, признана экстремистской и запрещена в РФ) – 78,2 %;

«ВКонтакте» – 73,5 %; «Sberbank» – 69,4 %; «Telegram» – 68 % [1]. В данном контексте, реабилитация нацизма не исключение, что подтверждается сведениями Главного информационно-аналитического центра МВД России, фиксирующего их использование при совершении преступлений: в 2020 г. – 29, 2021 г. – 13, 2022 г. – 44, 2023 г. – 62 факта, что составляет 40,6 % от общего количества зарегистрированных преступлений данного вида, за период с 2014 г. по 2023 г. [2]

Раскрытие и расследование таких преступлений требует надлежащей организации, основой для которой является совместное и согласованное взаимодействие субъектов данной деятельности. В отечественной криминалистической доктрине на протяжении последних десятилетий вопросы взаимодействия не остались без внимания ученых. Так, Н.А. Бурнашов рассматривает взаимодействие как основанную на законодательных актах совместную, планируемую согласованную деятельность следователя с сотрудниками оперативных и экспертно-криминалистических служб ОВД, базирующихся на принципах и знаниях друг друга и осуществляемую в целях успешного раскрытия и расследования преступлений [3, с. 253].

Р.С. Белкин под взаимодействием в правоохранительной деятельности понимает единовременное (разовое) или достаточно продолжительное (длительное по времени) объединение сил, средств и методов органов внутренних дел и других правоохранительных органов для достижения задач выявления, быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден [4, с. 11].

А.Ф. Волынский определяет взаимодействие как согласованные по месту, времени, целям совместные действия в целях раскрытия и расследования преступлений [5, с. 8].

Представленные определения подтверждают солидарность авторов в том, что взаимодействие является одним из важнейших компонентов успешной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. При этом специфика каждого совершенного преступления непосредственно влияет на организацию его расследования.

Деяния, реабилитирующие нацизм, совершенные посредством Глобальной сети Интернет, требуют непосредственного взаимодействия с представителями Интернет-ресурсов, среди которых представляется возможным выделить российский и зарубежные сегменты.

Сотрудничество с компаниями российского сегмента Сети, характеризуется длительностью предоставления информации. Срок получения ответов на запросы из таких организаций как «ВКонтакте», «Одноклассники» может варьироваться от нескольких суток до месяцев, аналогичные сроки прослеживаются и в обмене данными с кредитно-финансовыми

учреждениями, что практическими работниками оценивается неудовлетворительно (по результатам опроса следователей в 89,4 % и оперуполномоченных – 75,4 %).

Повышению эффективности взаимодействия между правоохранительными органами и негосударственными организациями способствовало решение коллегии МВД России от 24 октября 2017 г. № 3км «О мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования мошенничеств», что привело к использованию систем электронного документооборота и заключению соглашений об информационном обмене. Территориальные органы стали заключать подобные соглашения с кредитно-финансовыми организациями и операторами сотовой связи, что позволило получать информацию в срок до трех суток [6, с. 201], тем самым сократить процессуальные сроки. Однако, подобный механизм, не в полной мере отвечает требованиям немедленного реагирования в целях предупреждения и недопущения противоправных действий, что актуализирует разработку новых способов оперативного получения информации правоохранительными органами.

Обмен данными с компаниями Интернет-ресурсов зарубежного сегмента («Youtube», «WhatsApp» и др.) не осуществляется, в связи с чем, необходимые сведения устанавливаются оперативным путем, и в последующем как результат оперативно-разыскной деятельности, предоставляются в закреплённом порядке для последующего использования в доказывании [7; 8]. Между тем, полученная таким образом информация, не отвечает требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к доказательствам.

Разделяя воззрения А.В. Победкина, полагаем, что в сложившихся условиях невозможности получения значимой информации от представителей зарубежных Интернет-ресурсов и преимущественного способа ее получения путем оперативно-разыскных мероприятий, становится актуальной необходимость «предусмотреть правовой конституционный порядок собирания доказательств на основе ОРД» [9, с. 109].

Для решения иных организационных несовершенств взаимодействия при расследовании реабилитации нацизма, в сентябре 2020 г. председателем Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкиным была обозначена необходимость создания структурного подразделения на базе Главного следственного управления СК РФ, которому надлежит расследовать преступления, связанные с фальсификацией отечественной истории и реабилитацией нацизма [10]. В настоящее время, согласно составу Центрального аппарата указанного ведомства, такое подразделение – Управление по расследованию военных преступлений, геноцида и реабилитации нацизма, сформировано, и не только расследует вышеперечисленные деяния, но и оказывает методико-аналитическую помощь региональным органам следственного комитета [11].

Полагаем, что помимо функционирования специализированного подразделения в СК РФ, повысить качество и эффективность взаимодействия при расследовании реабилитации нацизма, совершенной с помощью информационно-телекоммуникационных технологий в Сети, возможно: усовершенствованием современных средств информационного обмена; дополнительным законодательным регулированием процесса предоставления результатов ОРД в качестве доказательств.

1. Рейтинг Cross Web (от общего числа населения) «Интернет. Регион: Россия 0+ Год/Месяц: Декабрь 2023г Целевая аудитория: люди старше 12+» [Электронный ресурс] // Mediascope. URL: <https://mediascope.net/data> (дата обращения: 10.02.2024).

2. Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за 2014–2024 гг. // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России».

3. Бурнашов Н.А. Взаимодействие в ходе расследования преступлений // Криминалистика: учебник для вузов МВД России. Волгоград, 1994. Т. 2. 322 с.

4. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. проф. Т.В. Аверьяновой и проф. Р.С. Белкина. М.: Новый юрист, 1997. 400 с.

5. Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Российский следователь. 2016. № 1. С. 7–11.

6. Полянская Е.П., Никоноров А.А. Информационное взаимодействие следователя со службами негосударственных организаций и подразделениями правоохранительных органов как основа успешного расследования преступлений в сфере высоких технологий // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 199–202.

7. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

8. Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс]: приказ МВД России, Министерства обороны Рос. Федерации, ФСБ России, Федеральной службы охраны Рос. Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Рос. Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Рос. Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Рос. Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

9. Победкин А.В. Тайное проникновение оперативно-розыскной деятельности в открытую дверь уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 104–110.

10. Александр Бастрыкин вместе со студентами и кадетами образовательных организаций СК России принял участие в мероприятии, посвященном памяти жертв фашизма [Электронный ресурс] // Следственный комитет Рос. Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1498218> (дата обращения: 21.07.2023).

11. Состав Центрального аппарата Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] // Следственный комитет Рос. Федерации. URL: <https://sledcom.ru/sostav> (дата обращения: 21.07.2023).

Сведения об авторе

Терехова Екатерина Михайловна. Адъюнкт.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Сведения о научном руководителе

Тишутина Инна Валериевна. Доктор юридических наук, профессор.
Профессор кафедры криминалистики.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическое обеспечение, организация раскрытия и расследования, взаимодействие, реабилитация нацизма.

Теткин Д.В.

К ПРОБЛЕМНЫМ ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье рассматриваются проблемные вопросы, касающиеся стадии возбуждения уголовного дела. Автор отмечает, что стадия возбуждения уголовного дела, это первоначальная стадия всего уголовного процесса, без которой не может обойтись ни одно уголовное дело.

По мнению автора, каждый повод, пройдя соответствующую регистрацию в соответствии с приказом «О едином учете преступлений», и поступая в распоряжение органа дознания или предварительного следствия (в зависимости от подследственности), должен пройти надлежащую доследственную проверку, целью которой является установление наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела, которые являются вероятностными, то есть все сомнения в совершении

преступления необходимо толковать в пользу наличия совершенного преступления, однако на практике для возбуждения уголовного дела правоохранительные органы стремятся получить достоверность наличия события преступления.

Стадия возбуждения уголовного дела – первоначальная стадия всего уголовного процесса, без которой не может обойтись ни одно уголовное дело. Данная стадия имеет ряд проблемных вопросов, связанных с толкованием оснований для возбуждения уголовного дела, поэтому актуальность данной тематики как была, так и будет оставаться неизменной.

Прежде всего необходимо заметить, что без повода возбудить уголовное дело не представляется возможным, повод предполагает самую первоначальную информацию о совершенном или готовящемся преступлении. Например, если лицо приходит в правоохранительный орган с заявлением о краже, автоматически возбуждать уголовное дело о краже неверно, как минимум потому что полученную информацию необходимо изначально проверить, и как максимум, в целом теряется смысл существования стадии возбуждения уголовного дела.

Поэтому любой повод является только первоначальным этапом возбуждения уголовного дела. Чтобы принять решение о возбуждении уголовного дела нужны необходимые на это основания.

Если поводы для возбуждения уголовного дела – источник сведений, и для поводов наиболее важна их форма, то есть как они оформлены, то основание уже можно характеризовать с точки зрения содержания.

Согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления [1]. То есть после поступления повода для возбуждения уголовного дела должны появиться достаточные данные, не просто вытекающие из повода сведения, а действительно достаточные сведения, указывающие на признаки преступления, и только тогда можно решать вопрос о возбуждении уголовного дела.

Стоит обратить внимание на конкретную формулировку основания для возбуждения уголовного дела. В законе не говорится о доказательствах, не говорится о полноте данных, указывается только на достаточность этих данных, то есть здесь идет речь о вероятности, о неполных данных, о предположении о наличии преступления.

Чтобы понимать основания для возбуждения уголовного дела их удобно сравнивать с основаниями других процессуальных решений, которые будут приняты в дальнейшем.

Обобщая вышесказанное, с точки зрения той формулировки, которая установлена УПК РФ, необходимо установить достаточные данные о признаках преступления, признаки события преступления, то есть объективные признаки. Достаточные данные о признаках преступления – это нали-

чие тех признаков, которые свидетельствуют о факте совершения именно преступления, а не какого-либо другого деяния, а также эти данные вероятные, то есть это предположение о том, что имело место преступление.

Исходя из рассмотренного верно будет отметить, что для возбуждения уголовного дела не обязательно наличие доказанности всех обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ. Например, в полицию обращаются с заявлением, в котором лицо излагает, что ему позвонили по телефону, представившись сотрудником банка, с просьбой сообщить данные о своей банковской карты, а затем отправили такое же сообщение. В данном примере явно есть признаки покушения на мошенничество, тем более с точки зрения той криминальной ситуации, которая складывается сейчас в России, но на практике, вероятно, этих данных не хватит, чтобы возбудить уголовное дело, потому что для правоохранительных органов это будет нерентабельно, будет увеличивать нагрузку и снижать раскрываемость преступлений. Данные ситуации явно противоречат теории уголовно-процессуального права, так как достаточно данных, имеющих основание полагать, что совершено преступление уже присутствуют, но уголовное дело не возбуждается.

Также чтобы уяснить основания для возбуждения уголовного дела, необходимо их сравнить с основаниями для отказа в возбуждении уголовного дела.

Для возбуждения уголовного дела, как уже было указано, нужна вероятность, то есть сомнения в совершении преступления необходимо толковать в пользу наличия совершенного преступления, чтобы провести предварительное расследование и выяснить истину. При этом чтобы отказать в возбуждении уголовного дела можно только когда достоверно установлено, что преступления не было.

Именно такая модель механизма возбуждения уголовного дела установлена законодательством, однако на практике работает принцип целесообразности и отбора дел, то есть правоохранительные органы стремятся возбуждать уголовное дело только в том случае, когда есть очевидность наличия преступления, когда собрано достаточно доказательств, чтобы в дальнейшем все было ясно, а отказ в возбуждении уголовного дела, наоборот, когда есть какие-либо сомнения.

Получается прямо противоположное соотношение: для возбуждения уголовного дела правоохранительные органы стремятся получить достоверность наличия события преступления, а для отказа возбуждения уголовного дела – вероятность, то есть сомнения толкуются в сторону отказа возбуждать такое уголовное дело.

Данная проблема весьма логично приводит к тому, что сроков проверки сообщения о совершенном преступлении не хватает, так как за три дня установить все признаки преступления, как в приговоре суда, чаще всего не представляется возможным. В более глобальном плане это приводит к тому, что стадия возбуждения уголовного дела подменяет собой ста-

дию предварительного расследования: на практике еще до возбуждения уголовного дела стремятся все выяснить настолько подробно, что следующая стадия в плане собирания доказательств теряет свое предназначение, она уже не нужна и стадия возбуждения уголовного дела становится более важной. И исправление этой ситуации не зависит от формулировки закона, так как основания для возбуждения уголовного дела сформулированы достаточно корректно.

Обобщая все вышесказанное, каждый повод, пройдя соответствующую регистрацию в соответствии с приказом «О едином учете преступлений» [2], и поступая в распоряжение органа дознания или предварительного следствия (в зависимости от подследственности), должен пройти надлежащую доследственную проверку, целью которой является установление наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела, которые являются вероятностными, то есть все сомнения в совершении преступления необходимо толковать в пользу наличия совершенного преступления, однако на практике для возбуждения уголовного дела правоохранительные органы стремятся получить достоверность наличия события преступления. Данная проблема весьма логично приводит к тому, что сроков проверки сообщения о совершенном преступлении не хватает, так как за три дня установить все признаки преступления чаще всего не представляется возможным, а в более глобальном плане это приводит к тому, что стадия возбуждения уголовного дела подменяет собой стадию предварительного расследования.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

2. О едином учете преступлений [Электронный ресурс]: приказ от 29 декабря 2005 г. Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Сведения об авторе

Теткин Денис Валентинович. Кандидат юридических наук. Доцент кафедры уголовного процесса.

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. 1 Красная, д. 18.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стадия, повод, доследственная проверка, предварительное следствие, дознание, уголовное дело, подследственность.

КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ В РАМКАХ СТ. 6.1.1 КоАП РФ И СТ. 116.1 УК РФ

В рамках проведения проверки по сообщениям о преступлении и (или) административным правонарушению по фактам побоев, необходимо отделить административную составляющую данного деяния от уголовной.

Так, обращаясь к ст. 6.1.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) «Побои» – нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 Уголовного кодекса Российской Федерации, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, – влечет наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей, либо административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от шестидесяти до ста двадцати часов.

Обращаясь к Уголовному кодексу Российской Федерации (далее – УК РФ), а именно статья 116.1. Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию: нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, – наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо арестом на срок до трех месяцев.

При рассмотрении ст. 116.1 УК РФ в рамках семейно-бытовых отношений, основываясь на практике можно достоверно утверждать, что сторонами конфликта в основном являются:

- 1) члены семьи (дети и родители, мужа и жены);
- 2) сожители, либо мужчина и женщина, состоящие в отношениях, предполагающих определенную близость.

Зачастую причины бытового насилия обусловлены особенностями совместного быта, а так же сопровождаются сильной эмоциональной реакцией, что зачастую является причиной применения физической силы и обращения в органы внутренних дел. Так же, как в случаях с иными противоправными деяниями, как административной направленности, так уголовной, является систематическое потребление и злоупотребление алкогольной продукцией, наркотических средств и иных токсичных воздействий

на организм, влияющих на нервную систему и восприятия человеком происходящего. В связи с доступностью и повсеместным распространением алкоголя, большая часть преступлений и правонарушений совершается в состоянии алкогольного опьянения.

В районные отделы полиции систематически поступают сообщения о правонарушениях, связанных с применением физической силы в отношении граждан и большая часть из них носит бытовой характер. В ряде случаев, данные обращения носят систематический характер, и поступают с адресов, где проживают лица, злоупотребляют спиртными напитками.

Злоупотребление спиртными напитками является не только фактором, способствующим ухудшению криминогенной обстановки, но и фактором, осложняющим наработку материалов проверки.

В ходе работы по многочисленным материалам проверки, связанных с нанесением побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, было установлено, что обращения в полицию зачастую обусловлены эмоциональной реакцией заявителя на возникновение конфликта и сопутствующими действиями нарушителя. Обращаясь в полицию, заявитель предполагает оказание ему перманентной помощи, т.е. помощи «здесь и сейчас», однако за отсутствием у органа внутренних дел возможности обеспечить своевременную реакцию на сообщение с последующим выездом нарядов СОГ или ГНР, конфликт, как правило, приходит к логическому завершению. Вышеуказанные материалы проверки в дальнейшем поступают на рассмотрение в службу участковых уполномоченных полиции, на территории которого было заявлено противоправное деяние. Исходя из особенностей учетно-регистрационной дисциплины, недостатка кадров в органах внутренних дел, наличия у участковых уполномоченных полиции выходных дней, привлечением участковых уполномоченных полиции на охрану общественного порядка, при проведении праздничных и иных культурно-массовых мероприятий, срок до получения участковым уполномоченным полиции сообщения о противоправном деянии может составлять от 2 до 5 дней. За данный период времени заявитель перестает испытывать сильные негативные эмоции по отношению к нарушителю и не заинтересован в дальнейшем рассмотрении сотрудниками полиции заявленных при обращении обстоятельств и прохождении соответствующих процедур, т.к. прохождение судебно-медицинской экспертизы, направленных на документирование правонарушения. Заявитель в процессе работы по материалу проверки, при указанных обстоятельствах, может, как предоставить объяснение, из которого следует, что противоправных действий в отношении него совершено не было, так и отказаться от написания заявления и дачи каких либо объяснений по факту обращения, сославшись на ст. 51 Конституции РФ, либо не пройти предусмотренную

процедурой документирования правонарушения судебно-медицинскую экспертизу.

В ходе устного диалога заявители признаются, что в настоящий момент, на момент работы по материалу проверки, они осмыслили произошедшее и задумались о возможных последствиях обращения в полицию. Так, родители, страдающие от противоправных действий своего ребенка, во избежание влияния на его будущее привлечения к какой бы то ни было ответственности, отказываются от написания заявления, мотивируя это нежелание «портить жизнь ребенку». В то же время жертвы бытового насилия, состоящие в отношениях, по окончании активной фазы конфликта и окончании влияния эмоций на состояние заявителя, аналогичным образом отказываются от содействия сотрудникам органов внутренних дел в работе по материалу проверки. Чаще всего, в рамках бытового насилия, заявителями и по совместительству потерпевшими являются женщины. В ходе устного диалога причиной отказа от дальнейшего сотрудничества с сотрудниками органов внутренних дел и проведения всесторонней проверки по установлению обстоятельств произошедшего и привлечению виновного лица к предусмотренной законом ответственности чаще всего называют следующие причины:

1. Материальные, обусловленные зависимостью от правонарушителя, как в вопросах денежных средств, так и совместному проживанию в квартире нарушителя и отсутствия иного места жительства у заявителя.

2. «Морально-нравственные», обусловлены стремлением повлиять на быт, мировосприятие и действия нарушителя, путем совместного проживания, быта и формирования «морально-нравственных» и иных ориентиров, основанных на семейно-бытовых и прочих ценностях.

3. Одной из причин отказа от проведения материала проверки может стать принятие заявителем себя, как причиной спровоцировавшей конфликт и последующие противоправные действия со стороны нарушителя. Такими причинами могут быть ревность со стороны правонарушителя, вызванная действием или бездействием со стороны заявителя; вербальная либо невербальная агрессия и чрезмерная эмоциональность заявителя в вопросах, связанных с решением совместных бытовых проблем (в простонародье «пилит»).

В случае если заявление все же было принято с заявителя в период болезненного эмоционального переживания произошедшего конфликта и в дальнейшем заявитель отказался от содействия, направленного на документирование правонарушения – преступления и дачи иных разъяснений по материалу проверки, с целью документирования применяется опрос косвенных свидетелей – соседей, т.к. исходя из особенностей жизни и быта в многоквартирных домах, а также по причине плохой шумоизоляции, соседи, проживающие «через стену» от места совершения правонарушения/преступления зачастую имеют представление и осведомлены о проис-

ходящих в квартире соседей событиях. Не смотря на ранее сказанное, косвенные свидетели не принимают активного участия в документировании правонарушения, как по причинам индивидуальной социально пассивной роли, так и по причинам страха сопровождающей материал проверки и дальнейшее уголовное дело бюрократической волокитой. Помимо вышеизложенного мотивацией к отсутствию дачи соответствующих показаний в рамках материала проверки может служить неделание портить отношения с «соседом» и страх совершения возможных противоправных действий в отношении косвенного свидетеля со стороны правонарушителя.

Задokumentировать факт противоправных действий насильственного характера можно также в случае обращения заявителя в медицинское учреждение, однако во многих случаях заявитель в медучреждения не обращается, что так же осложняет работу по материалу проверки.

Таким образом, вышеуказанные обстоятельства зачастую приводят к совершению более тяжких преступлений, как со стороны предполагаемого нарушителя, так и со стороны заявителя, о чем ранее подчеркивалось автором [1]. Очень часто при выявлении преступлений, предусмотренных ст. 111 и 105 УК РФ в сфере семейно-бытовых отношений в ходе опроса/допроса заявитель ссылается на систематические противоправные действия со стороны потерпевшего. На вопросы о причинах отсутствия фиксации вышеуказанных фактов в органы внутренних дел, уже находящееся в статусе нарушителя/преступника/обвиняемого лицо дать какие-либо внятные объяснения затрудняется, зачастую ссылаясь на собственные предположения о невозможности изложенного исхода. Иначе говоря, лицо систематически находящееся в позиции косвенного потерпевшего, неоднократно подвергавшееся бытовому насилию и по тем или иным причинам избегавшее доведения материала проверки до логического завершения само рискует стать преступником.

1. Титов П.М. Критерии отнесения преступлений к делам частного обвинения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 90–98.

Сведения об авторе

Титов Павел Михайлович. Кандидат юридических наук. Старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности.

Уральский юридический институт МВД России.

620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: оперативные подразделения, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, глобальная сеть «Интернет», компьютерная преступность.

Тихомирова О.Г.

ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В данной статье обозначены основные положения, касающиеся особенностей расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Рассмотрены особенности проведения некоторых следственных действий, где ключевой фигурой является несовершеннолетний преступник. Обозначены основные психологические особенности, специфичность тактики при взаимодействии с несовершеннолетним.

Наркопреступность среди несовершеннолетних является общемировой проблемой и все страны уделяют ей большое внимание. В последние годы преступления, связанные с наркотиками среди несовершеннолетних, составляют большую долю преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Растет количество преступлений, связанных с вовлечением в незаконный оборот наркотиков. Число несовершеннолетних в этой незаконной деятельности увеличивается и увеличивается в статусе не обычного «наркомана», но и как «фасовщик», «оператор склада», «вовлекатель», «кадровик» и др. 65 % оперативных работников и 73 % сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних ОВД разделяют это утверждение [1].

Преступность несовершеннолетних является не только неотъемлемой частью общей преступности, но и своеобразным слоем для развития в будущем. Анализ психологической характеристики несовершеннолетних говорит, что несовершеннолетние более восприимчивы к неблагоприятным и положительным действиям наружной среды, чем взрослые [2, с. 46]. Большая часть преступников-профессионалов являясь несовершеннолетними уже совершили своё первое преступление и анализируя обстановку с наркопреступностью, эти преступления связаны с первыми закладками, сбытом, временным хранением наркотиков по просьбе взрослых знакомых, перевозками наркотических средств «от точки А до точки Б» и др.

Информацию значимую для следствия по категории уголовных дел, где объектом преступного посягательства представляются наркотические средства и психотропные вещества, можно получить при выполнении такого следственного действия как допрос несовершеннолетнего.

Большая часть подростковой преступности характеризуется психическими и социальными отклонениями, а именно: неуправляемостью (гиперактивностью), повышенной эмоциональной возбудимостью, наличием

болезненных страхов (фобий), выраженных в разной степени и формах, постоянной неудовлетворённостью собой и окружением, повышенной внушаемостью. Негативность, проявляющаяся в виде любого воздействия на окружающих, мотивационное сопротивление, жесткость, агрессивность, лень и т.д. [3, с. 68] Все эти особенности нужно учитывать при расследовании уголовных дел.

Залогом успеха будет, если следователь проведет плановую и всеобъемлющую подготовку по изучению личности несовершеннолетнего, от изучения родственных связей, до знакомств в образовательных учреждениях и по месту жительства, ведь некоторые проблемы, которые не видят родители, в связи с различными жизненными ситуациями, могут настораживать учителей или близких друзей [4, с. 211]. Но данное правило может работать и в другую сторону, о чем нужно помнить следователю при установлении самой важной части допроса – психологического контакта. Еще Ганс Гросс утверждал, что допрос несовершеннолетнего должен быть проведен с особой осторожностью и учитывать его юность. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, допрос несовершеннолетнего обвиняемого должен проводиться в присутствии педагога, законных представителей или психологов [5, с. 399]. В связи с этим перед началом допроса педагогам предоставляют информацию об обстоятельствах дела, данные о личности обвиняемого [6, с. 389].

Нельзя отрицать того факта, что преступники занимающиеся оборотом наркотиков подталкивают несовершеннолетних на эту стезю и чаще всего они выступают в качестве соучастников. Не желая быть раскрытыми, организаторы и подстрекатели имеют сильное психологическое влияние на несовершеннолетнего, который убежден в линии противодействия следствию, у которого установка «мне не смогут назначить наказание», «наказание, если и будет, будет более мягким». В связи с этим очень трудно провести допрос с таким субъектом. Следователь может предоставить информацию об абонентских переговорах, о наличии других соучастников, а также подтверждающей факт связи с теми или иными абонентами, что поможет следователю при формировании доказательственной базы [7, с. 67].

Для того чтобы выявить наркопреступления, необходимо предварительно ознакомиться с условиями жизни и воспитания несовершеннолетнего, его сферой общения, интересами и успеваемостью. Допрос при расследовании уголовных дел, предполагает использование таких тактических и психологических приемов для получения необходимых сведений о том, что известно обвиняемому. Продолжительность допроса – без перерыва не более 2 часов, в общей сложности – не более 4 часов. Жаргон и непристойные слова необходимо пресечь. Необходимо выбрать правильный тон для допроса. О хобби, школе, друзьях и т.д. Эти вопросы должны быть четкими и ясными. Также приветствуется применение научно-технических средств, что способствует работе следователя во время допроса [8, с. 54].

Самый важный момент в расследовании преступлений, связанный с незаконным оборотом наркотиков, совершенных несовершеннолетними – проведение судебных экспертиз. На этапе поступления информации о преступлении или в результате обнаружения наркотического средства следователю надлежит провести экспертизу данного вещества для того, чтобы понять является ли оно запрещенным и если является, то к какой группе веществ относится и в каком количестве обнаружено.

Помимо тех особенностей при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ, которые связаны с несовершеннолетним и закреплены в уголовно-процессуальном кодексе, есть специфика, которую нужно учитывать следователю, касающаяся экспертиз и исследований. Для установления симптомов наркомании после задержания несовершеннолетнего рекомендуется провести освидетельствование, для чего целесообразно, как отмечается в литературе, привлечь специалистов-наркологов [9, с. 112]. Наркологическая экспертиза имеет существенное значение и, в частности, судьями заострено внимание на недостаточности использования данного следственного действия в результате расследования уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков. В общей сложности следователь должен задействовать специалистов профессионалов, различных областей знаний [10, с. 75].

В настоящее время практика вынесения приговоров несовершеннолетним как метод правовой политики, как инструмент уголовной политики, имеющий серьезный превентивный потенциал, на сегодняшний момент имеет множество дефектов, которые являются важным показателем всей нестабильности системы уголовного правосудия. В целях предотвращения незаконного оборота наркотиков, несовершеннолетним, судами назначается реальное лишение свободы, так как несовершеннолетний совершивший данные преступления относится к старшей подростковой группе, а это влечет в свою очередь назначение наказания на ровне, к переполнению мест лишения свободы и соответственно к ухудшению условий нахождения, но и исправительная функция минимальна, так как идет процесс стигматизации, влекущий с большей долей вероятности совершение новых преступлений.

Государственные органы могут осуществлять более целенаправленное управление общественной безопасностью в соответствии с временными и пространственными характеристиками наркопреступлений несовершеннолетних, а также повышать эффективность борьбы и предотвращения наркопреступлений. Большое значение для снижения уровня преступности и охраны физического и психического здоровья подростков имеет изучение временных и пространственных особенностей распределения и закономерностей развития молодежной наркопреступности и соответственно выдвижение необходимых мер противодействия [11, с. 50].

1. Кузина Л.С. «Сетевой наркомаркетинг» как один из факторов вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков [Электронный ресурс] // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. URL: https://studme.org/82415/pravo/kriminologicheskaya_harakteristika_lichnosti_nesovershennoletnih_prestupnikov (дата обращения: 24.04.2022).

2. Чаплыгина В.Н. Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних, связанные с выяснением условий их воспитания // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 1. С. 46–50.

3. Хазиева Ю.Р. Особенности допроса несовершеннолетнего обвиняемого при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Достижения науки и образования. 2018. № 1 (23). С. 67–68.

4. Морозова Н.В. Особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 211–219.

5. Чаплыгина В.Н., Калюжный А.Н. Законный представитель несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших на стадии предварительного расследования: проблема определения статуса // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка, 2016. С. 399–403.

6. Ячменева М.А. Применение новелл уголовно-процессуального законодательства при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных несовершеннолетними, 2019. С. 389.

7. Хазиева Ю.Р. Особенности допроса несовершеннолетнего обвиняемого при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Достижения науки и образования. 2018. № 1 (23). С. 67–68.

8. Ионова М. В. Использование специальных знаний и особенности расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними в сфере незаконного оборота наркотических средств // Юрист-Правоведь. 2018. № 3 (86). С. 54–58.

9. Семенов Е.А., Васюков В.Ф., Волеводз А.Г. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе теоретические, процессуальные и организационные аспекты. М.: Проспект, 2020. 227 с.

10. Жилина Н.Ю., Савельева И.В., Заболоцких А.Ю. Преступность несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотиков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 5. С. 74–78.

11. Чаплыгина В.Н. Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних, связанные с выяснением условий их воспитания // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 1. С. 46–50.

Сведения об авторе

Тихомирова Ольга Геннадьевна. Кандидат юридических наук. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: раскрытие, расследование, преступление, наркотические средства, несовершеннолетний.

Тумасян А.С.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПОСЛЕ ОТМЕНЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ИЛИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ПОРЯДКЕ СТАТЕЙ 125, 237 И 214.1 УПК РФ

В статье проведен сравнительный анализ судебных процедур принятия решений об отмене постановлений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня их вынесения, и возобновлении предварительного расследования (ст. 125, 237 и ч. 1.1 ст. 214 и ст. 214.1 УПК РФ). Особое внимание обращено на трактовку судами оснований, указывающих на необходимость дополнительного расследования. На конкретных примерах из судебной практики показываются мотивы принятия судьями соответствующих решений. В заключение обсуждается вопрос о перспективах конвергенции судебных процедур возобновления прекращенных уголовных дел для проведения дополнительного расследования.

Инициированные постановлением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П [1] дополнения в УПК РФ, внесенные в него Законом от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ [2] и установившие новую самостоя-

тельную судебную процедуру выдачи разрешения на возобновление прекращенного уголовного дела или уголовного преследования (ст. 214.1 УПК РФ), вряд ли можно отнести к разряду резонансных новелл УПК РФ за все время его действия. До сих пор ученые-процессуалисты проявляют сдержанное отношение к явно «проконституционным» нормам УПК РФ (ч. 1.1 ст. 214 и ст. 214.1), фактически «удвоившими» заданный и ожидаемый Конституционным Судом РФ результат. Судебная процедура получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, если истек один год со дня их вынесения, применяется независимо от того, по реабилитирующим или нереабилитирующим основаниям приняты названные решения. Подобный подход Конституционного Суда РФ, когда высший судебный орган конституционного контроля формулирует по итогам рассмотрения дела однозначную правовую позицию и определяет для законодателя четкие ориентиры будущей нормативной конструкции, призванной устранить установленное несоответствие Конституции РФ отдельных норм УПК РФ (Конституционный Суд РФ признал не соответствующим Конституции РФ ч. 1 ст. 214 УПК РФ), а законодатель считает целесообразным «расширить» рамки предложенного Конституционным Судом РФ правового регулирования, – не типично, не свойственно для судебной конституционной практики. Данный вопрос нуждается в специальном рассмотрении. Пока нас интересуют нормы УПК РФ, обеспечивающие возобновление уголовного дела или уголовного преследования для проведения дополнительного расследования. Универсальной формы принятия таких решений законодательство не предусматривает.

Бесспорный способ вернуть в досудебное производство, направленное прокурором уголовное дело в суд закреплен в ст. 237 УПК РФ. Предыстория появления в УПК РФ указанной конструкции такова.

В уголовном процессе предусмотрен механизм исправления ошибок и устранения недостатков, допускаемых дознавателями и следователями. Он известен отечественному уголовно-процессуальному законодательству много лет, активно применялся в период действия УПК РСФСР (ст. 232). В одной из своих статей Б.Я. Гаврилов приводит следующие впечатляющие статистические данные. В 1905–2001 гг. судом возвращалось только следователям ОВД от 45 до 56 тыс. уголовных дел для дополнительного расследования, по которым ежегодно заключалось под стражу до 20 тыс. граждан. При этом по значительному количеству уголовных дел до их возвращения на доследование судебное разбирательство продолжалось от трех до шести месяцев, а по отдельным уголовным делам – от 1,5 до 2 лет [3].

Институт возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования не содержал ограничений в собирании новых доказательств, привлечении к ответственности новых лиц, усилении обвинения. Он имел как положительные, так и отрицательные стороны. Но он точно не вписы-

вался в состязательный тип уголовного процесса (ст. 15 УПК РФ), в котором суд лишили активности в исследовании доказательств, равно удалив его от стороны обвинения и стороны защиты.

Замена института возвращения судом уголовного дела на дополнительное расследование другим правовым феноменом – возвращением из суда уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, – правильно замечают В.В. Кальницкий и Т.В. Куряхова: «произошла без должной доктринальной разработки, скорее, как отрицание (в целях отрицания) дополнительного расследования, а не в качестве апробированной совершенной ценности. Положительные оценки норм ст. 237 УПК РФ были связаны не столько с эффективностью введенного механизма, сколько с самим фактом запрета производить следственные и процессуальные действия по уголовным делам, переданным в суд» [4].

Вместе с тем произошедшая трансформация анализируемой группы норм УПК РФ не обеспечила изобретения рациональных способов исправления в суде ряда недостатков расследования (например, его неполнота, диктующая необходимость изменения в суде обвинения на более тяжкое). Поэтому на протяжении многих лет наблюдается ситуативное корректирование и формирование, а по сути, новое нормативное описание в правовых позициях Конституционного Суда РФ института возвращения уголовного дела прокурору с акцентом на основания особого порядка движения уголовного дела в досудебное производство. В результате сложились предпосылки для того, чтобы назвать возвращение уголовного дела прокурору производством дополнительного расследования. Единственное, что нужно здесь уточнить, так это непрерывность производства по уголовному делу: оно не прекращалось, а двигалось по определенной траектории – из досудебного производства к прокурору, от него в судебное разбирательство и снова в досудебную стадию уголовного процесса. О возобновлении и дополнительном расследовании по такому уголовному делу уместно говорить в том смысле, что в период нахождения уголовного дела у прокурора и в суде по нему действительно не осуществляется никаких следственных и процессуальных действий.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» законодателю было предписано внести в УПК РФ необходимые изменения, с тем чтобы гарантировать эффективную государственную, в том числе судебную, защиту от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования и от ограничения права на возмещение вреда лицу, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование прекращено на досудебной стадии уголовного процесса по реабилитирующим основаниям, но при этом не допускать ситуацию, при которой (по крайней мере, в пределах срока давности

привлечения к уголовной ответственности) исключалась бы возможность отмены принятого на досудебной стадии постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования лица, если выявились новые сведения о его виновности в совершении преступления и, соответственно, такая отмена необходима для восстановления справедливости и предупреждения совершения новых преступлений. Как видно из приведенного фрагмента судебного решения, предмет жалобы и соответственно пределы ее рассмотрения касались вопросов возмещения вреда реабилитированным по уголовным делам, прекращенным по реабилитирующим основаниям.

При рассмотрении ходатайства прокурора, руководителя следственного органа о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, заключается в установлении судом наличия в представленных в суд материалах (к постановлению о возбуждении ходатайства прилагаются материалы, подтверждающие его обоснованность) конкретных фактических обстоятельств, в том числе новых сведений, подлежащих дополнительному расследованию.

Анализ ч. 1 ст. 214.1 УПК РФ показывает, что в первую очередь данная норма подразумевает конкретные обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, которые не получили полного расследования в силу различных причин, в том числе объективного характера.

Например, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних их законные представители нередко занимают позицию, исключающую допрос потерпевшего во избежание повторной его виктимизации (проявления рецидива заболевания, возникшего как следствие совершенного в отношении него преступления). По истечении нескольких лет потерпевший и его законный представитель могут изменить свою позицию и выразить готовность дать показания, могущие иметь существенное значение для установления причастности подозреваемого к совершению преступления и исключали бы прекращение в отношении него уголовного преследования.

Изучение ходатайств руководителя следственного органа, прокурора, поступающих в суд для получения судебного разрешения отмены прекращения уголовного дела и возобновления по нему расследования, показывают: крайне редко можно встретить в них указание на конкретное новое обстоятельство или новые сведения, подлежащие дополнительному расследованию, в том смысле и значении, которое придается им законом (ст. 214.1 УПК РФ). Как правило, в них отражаются и указываются различные недостатки, допущенные при расследовании уголовного дела.

Например, в ходатайстве прокурора разрешить отмену постановления о прекращении уголовного дела отмечалось, что ранее постановления следователя о прекращении уголовного дела отменялись прокурором, которым давались указания о необходимости проведения следственных дей-

ствий, направленных на восполнение неполноты расследования и устранение нарушений прав потерпевших от преступления (дело № 22-1138/2020).

В постановлении Южно-Сахалинского городского суда от 14 мая 2020 г. об удовлетворении ходатайства заместителя прокурора г. Южно-Сахалинска о разрешении отмены постановления следователя от 8 сентября 2016 г. о прекращении уголовного дела № 5017362 в отношении неустановленного лица по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, указано: следователем не учтено, что по смыслу закона, исходя из положений ст. 78 УК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, уголовное дело может быть прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования только в отношении конкретного подозреваемого (обвиняемого), который должен высказать свое отношение относительно прекращения дела по этим основаниям (дело № 22-908/20).

Таким образом, недостатки расследования в части установления обстоятельств уголовного дела, повлекшие незаконное и необоснованное его прекращение, могут быть обусловлены и ошибками следователя в организации его расследования, тактике производства отдельных следственных действий, неправильным выдвиганием версий, определивших основные направления расследования.

Содержание ст. 214.1 УПК РФ обязывает обсудить также следующий важный вопрос. Он касается соотношения судебно-контрольных процедур, предусмотренных ст. 125 и 214.1 УПК РФ. В частности, можно ли считать достаточным процессуальным поводом к отмене прокурором или руководителем следственного органа постановления о прекращении уголовного преследования судебное решение о признании незаконным и необоснованным такого постановления, принятого в результате рассмотрения жалобы заявителя в порядке ст. 125 УПК РФ?

Ответ на поставленный вопрос может быть только положительным. На основе ст. 125 УПК РФ складывается следующая рабочая схема отмены незаконных решений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

1. Постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования обжалуется в суд по правилам ст. 125 УПК РФ.

2. По результатам рассмотрения жалобы в судебном заседании судья признает незаконным или необоснованным обжалуемое решение, обязывая прокурора, руководителя следственного органа устранить установленные судом нарушения.

3. Отмена указанными должностными лицами проверившегося процессуального решения.

4. Возобновление и проведение дополнительного расследования.

Итак, УПК РФ предусматривает и регламентирует фактически три порядка принятия судебного решения о проведении дополнительного расследования по прекращенному уголовному делу либо уголовному делу,

переданного прокурору для утверждения обвинительного заключения и направления дела в суд. Эти процессуальные процедуры «страхуют» друг друга (например, положения ст. 125 и 214.1 УПК РФ), но одновременно и дублируются. Поэтому представляется целесообразным с учетом предназначения в уголовном судопроизводстве каждого из указанных процессуальных порядков принятия решения о дополнительном расследовании уголовного дела изучить и оценить оптимальность регулирования соответствующих общественных отношений.

1. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Рос. газ. 2017. 24 нояб.

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гаврилов Б.Я. Институт дополнительного расследования: видение законодателя и правоприменительная практика // Уголовное судопроизводство. 1922. № 4. С. 6.

4. Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Возвращение уголовного дела прокурору. Омск, 2021. С. 121.

Сведения об авторе

Тумасян Александра Сергеевна. Старший преподаватель кафедры криминалистики.

Краснодарский университет МВД России.

350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела и уголовного преследования, судебный порядок, возвращение уголовного дела прокурору, возобновление производства по уголовному делу, дополнительное расследование.

Угольников Н.В., Терехов М.Ю.

НОВЫЙ ВИТОК РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассмотрены проблемные вопросы процессуальной формы освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением

в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

Реформирование уголовно-процессуального и уголовного законодательства обусловлены глобальными изменениями политической и экономической ситуацией в стране. Скорость и разнообразие развития и изменения правоотношений в последние пять ставит перед правоприменителями и законодателем абсолютно новые задачи. Одним из примеров создания нового института является – освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время. Ст. 78.1 УПК РФ расположена непосредственно после основания освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Процессуальная форма этого нового основания отражена законодательном в ст. 28.2 УПК. Встает вопрос, о дифференциации какого института идет речь: это разновидности деятельного раскаяния или все-таки связано с периодом и сроками давности? Для ответа на этот вопрос необходимо пристально рассмотреть правовые условия и механизм реализации этого основания.

Новизна правовой конструкции заключается в сочетанном последовательном включении в процессуальную форму освобождения от уголовной ответственности двух этапов-институтов: приостановления и последующего прекращения.

При анализе этого института не удаётся избежать искушения в проведении сравнения с ранее существовавшим основанием освобождения от уголовной ответственности с прекращением уголовного дела – «в силу изменения обстановки» (ст. 6 УПК РСФСР). (В последующем институт преобразовался в другое основание – освобождение от наказания ст. 80.1 УК РФ.) Есть некоторые предпосылки увидеть в краеугольном «изменение обстоятельство» и новом «призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время ...». Исследованию института «Изменение обстановки» посвятили свои изыскания многие авторы, и большинство из них не пришли к единому мнению о содержании и примерах обстоятельств, которые можно квалифицировать как обстановку, снимающую опасность с деяния или лица его совершившего [2, с. 111–112; 4, с. 10; 5, с. 61; 6, с. 92; 7, с. 14].

Логичность указанной сравнительной аналогии частично разделяли и авторы законопроекта № 329181-8 (Законодательное Собрание Челябинской области) [8] в одном из первых был поднят вопрос повышения уровня процессуальных гарантий для лиц, совершивших преступления, которые

призваны на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключили в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также проходят военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. Однако, несмотря на объективное зерно в этом проекте не было согласована конструкция прекращения уголовного дела с действующим законодательством, на что и было указано в заключении правительства. В частности используемое в законопроекте понятие «добровольное прохождение военной службы» не соответствовало и терминологии Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», а термин «категория лиц, принявших добровольное решение» не соответствовала ФЗ от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», регулирующие вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации либо проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. В результате проект был отозван и, к слову следует отметить, имел отрицательный резонанс в средствах массовой информации [2].

Следующий законопроект № 569651-8 [9] уже предложил совершенно новую процессуальную форму, и именно он был принят. Новый институт включает двухэтапную конструкцию освобождения от уголовной ответственности – прекращению уголовного дела, как уже выше говорилось, предшествует приостановление уголовного дела вплоть до наступления специальных условий. Статья 208 УПК РФ содержит новое основание приостановления производства по уголовному делу: «призыв подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключение ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также прохождение ими военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время». Предварительное следствие приостанавливается на основании ходатайства командования воинской части (учреждения).

Следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в от-

ношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого предварительное расследование было приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения), при получении информации от уполномоченных органов. Категория преступлений ограничена перечнем исключений, указанных в ст. 78.1 УК РФ и в качестве правовых условий прекращения служат следующие обстоятельства:

- награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;
- по возрасту – по достижении предельного возраста пребывания на военной службе
- по состоянию здоровья – в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе,
- в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия).

Таким образом, можно отметить, что введенный институт освобождения от уголовной ответственности, несмотря на свое расположение в дополнительных дифференцированных нормах сформирован законодателем как самобытное основание со своей особой процессуальной формой. Однако, как любой новый институт, впервые вводимый в практику применения, он содержит определенные пробелы.

Конструкция института, в частности: субъектный состав правоприменителей, место расположения норм позволяет утверждать, что освобождение от уголовной ответственности возможно только на этапе досудебного производства. Основание приостановление внесено в ст. 208 УПК РФ и касается обвиняемого и подозреваемого, принятие решения в порядке ст. 28.2 УПК РФ адресовано органом предварительного расследования (суд не указа). Таким образом, механизм освобождения от уголовной ответственности может быть реализован только на досудебном этапе производства по уголовному делу.

Встает вопрос: а как же судебное производство? Статьи 238 и 239 УПК РФ не получили дополнений. Вместе с тем вопросы, касающиеся приостановления производства по уголовному делу, освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного дела или уголовного преследования, а также освобождения от наказания в периоды мобилизации, военного положения и в военное время в отношении обвиняемых (подсудимых) на этапе судебного производства, когда прокурором уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу и находится в производстве суда первой или апелляционной инстанции, могут возникать. Этот пробел может быть преодолен только путем внесения дополнений в нормы ст. 78.1 238, 239 УПК РФ.

Необходимо дополнить положения ст. 78.1 УК РФ, установив возможность освобождения от уголовной ответственности на стадии судебного производства по уголовным делам в отношении обвиняемых (подсуди-

мых), призванных на военную службу в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключивших контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а равно проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

Одновременно с этим необходимо корреляция с нормами УПК РФ, которые регламентируют основания и порядок принятия судом решений о приостановлении производства по уголовным делам на основании ходатайства командования воинской части (учреждения), об отмене меры пресечения, а также о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении указанной категории обвиняемых (подсудимых)[10].

Решение указанного проблемы на законодательном уровне отвечает основным положениям концепции реформирования предварительного расследования, сформулированные профессором А.П. Гуляевым [3, с. 3].

1. Бриллиантов А.В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Уголовное право. 2018. № 3.

2. Воронов А., Занина А. Вооруженное раскаяние [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2023. 6 апр. № 59. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5915033>.

3. Гуляев А.П. Концепция реформирования предварительного расследования преступлений // Российский следователь. 2012. № 11.

4. Кузнецов А.В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2010.

5. Михайлов К.В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2007. № 28 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-ot-nakazaniya-v-svyazi-s-izmeneniem-obstanovki> (дата обращения: 13.08.2024).

6. Нуркаева Т.Н. Проблемы освобождения от наказания в связи с изменением обстановки // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-ponyatiya-izmenenie-obstanovki-v-st-80-1-uk-rf> (дата обращения: 13.08.2024).

7. Тыдыкова Н. Проблемы определения понятия «Изменение обстановки» в ст. 80. 1 УК РФ [Электронный ресурс] // Юрислингвистика. 2020. № 15 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-ponyatiya-izmenenie-obstanovki-v-st-80-1-uk-rf> (дата обращения: 13.08.2024).

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время) [Электронный

ресурс]: законопроект № 569651-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/569651-8>.

9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о возможности прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с принятием подозреваемым или обвиняемым решения о добровольном прохождении военной службы в воинских формированиях) [Электронный ресурс]: Законопроект № 329181-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/329181-8>.

10. О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части совершенствования правового механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время) [Электронный ресурс]: законопроект № 705033-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/705033-8>.

Сведения об авторах

Угольниковая Наталья Викторовна. Кандидат юридических наук, доцент. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Международный юридический институт.

127427, Российская Федерация, г. Москва ул. Кашенкин Луг, д. 4.

Терехов Михаил Юрьевич. Кандидат юридических наук, доцент. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса.

Московский университет МВД России имени В.Я.Кикотя.

117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: приостановление производства по уголовному делу, прекращение уголовного дела, освобождение от уголовной ответственности, период мобилизации, военное время.

Фомичев А.А.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ СЛЕДОВ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье освещается значение следов биологического происхождения в раскрытии и расследовании преступлений. Рассматривается специ-

фика данных следов. Акцентируется внимание на особенностях их обнаружения. Отмечаются типичные проблемы, возникающие в данном процессе. Анализируются криминалистические средства и методы, направленные на устранение данных проблем.

Среди обширного разнообразия материальных следов преступления следы биологического происхождения имеют особую ценность. Это обусловлено их высокой информативностью, повышенным идентификационным и доказательственным значением. Они производны от человека, как индивидуальной биологической системы. Являясь частью или отражением этой системы, след биологического происхождения несет в себе информацию об оставившем его человеке, подтверждает или опровергает связь подозреваемого (потерпевшего) с преступлением, проливает свет на отдельные обстоятельства преступного события. Вместе с тем, несмотря на высокую значимость рассматриваемых следов для раскрытия и расследования преступлений, содержащаяся в них доказательственная информация нередко утрачивается в силу целого ряда обстоятельств, анализ и учет которых позволит сформулировать дополнительные криминалистические рекомендации по работе со следами данного типа.

Следы биологического происхождения весьма разнообразны. К ним относятся все биологические ткани и выделения человека: кровь, потожировое вещество, слюна, сперма, волосяные луковицы, эпителиальные клетки, костные останки, зубы и т.д. Каждый из подобного рода следов содержит в себе индивидуальную генетическую информацию об оставившем его человеке (ДНК). В итоге именно выделение (экстракция) генетического кода из следа биологического происхождения позволяет точно идентифицировать преступника.

Механизм образования следов биологического происхождения всегда связан с их отделением от человека, который выступает источником присущих им биологических свойств. Отделяясь от человека, данные следы перестают быть элементом единой биологической системы (человеческого организма). Они начинают активно взаимодействовать с окружающей средой и постепенно утрачивают свои биологические свойства. Под воздействием термического, физического, химического и временного факторов молекула ДНК вступает в разнообразные химические реакции, деформируется, разрушается, модифицируется, фрагментируется. Все это существенно осложняет процесс восстановления исходного кода и извлечения из следа генетической информации, в связи с чем снижается возможность продуктивного использования данного следа для решения диагностических и идентификационных задач [1, с. 8]. Указанные обстоятельства определяют особый порядок обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов биологического происхождения.

Нередко в криминалистическом алгоритме работы со следами биологического происхождения наибольшую сложность вызывает именно процедура их обнаружения. Дело в том, что, утрачивая свои биологические свойства, они одновременно видоизменяются. Прежде всего, речь идет об изменении формы и состояния, однако также преобразуются их свойства и иные характеристики. Например, следы крови, спермы, мочи в условиях окружающей среды переходят в вязкое, сухое и порошкообразное состояние. Ими утрачивается текучесть и биологическая активность. При этом с течением времени они становятся слабовидимыми или невидимыми вообще. По этой причине с целью их обнаружения рекомендуется использовать следующие технико-криминалистические средства: осветительные приборы («Свет-500», «Свет-1000»), лупа с подсветкой (увеличение не менее 3,5×), ультрафиолетовые осветители («ОЛД-41», «Корунд-УФ», «ОУ-1», «Люм-1»), дактилоскопические порошки, перекись водорода, препарат «Люминол», аллоксан, нингидрин, индикаторные полоски «Гемофан», «Фосфотест» и др. [2, с. 61–62; 3, с. 4]

Следы биологического происхождения могут находиться в самых разнообразных местах, что определяется характером и обстоятельствами совершенного преступления, а также родовыми и видовыми особенностями самого следа. Выявление следов биологического происхождения следует начинать с визуального осмотра потенциальных объектов-следоносителей. При этом осмотр проводится как при естественном, так и при искусственном (в том числе косопадающем) освещении. Важно иметь в виду, что, несмотря на попытки уничтожения следов биологического происхождения, полностью это сделать, как правило, не удастся [3, с. 1]. В этой связи поиск данных следов требует особой тщательности и применения разнообразного технико-криминалистического инструментария, обеспечивающего обнаружение максимального количества следов в наиболее короткие сроки.

Следует обратить внимание, что особой эффективностью в поиске следов биологического происхождения обладают ультрафиолетовые осветители, позволяющие обнаружить указанные следы благодаря люминесцирующему эффекту. Однако применение данных криминалистических средств не всегда является эффективным. Нередко трудности возникают при попытках обнаружения следов биологического происхождения на тканях, обрабатываемых различными химическими веществами, в том числе отбеливателями. Дело в том, что такие вещества обладают собственной люминесценцией и потому не позволяют эффективно выявить имеющиеся на тканях следы. Подобные сложности существуют и при выявлении следов крови на одежде темного цвета. Даже при отсутствии дополнительных люминесцирующих веществ на поверхности одежды, обнаружение следов возможно лишь при длительных выдержках ультрафиолетового излучения (свыше 1 мин.). При этом длительное освещение объекта коротковолно-

вым светом (свыше 5 сек.) вызывает разрушение ДНК (в крови и сперме), что препятствует возможности ее дальнейшего исследования [3, с. 4; 5].

В тех ситуациях следственного осмотра, когда следы биологического происхождения не контрастируют с поверхностями следовоспринимающих объектов, часто решающее значение отводится осветительным приборам. Даже при отсутствии люминесцирующего эффекта от ультрафиолетовых излучателей, важную роль продолжает играть свет (излучение), без которых обнаружить искомый след практически невозможно. В настоящее время технико-криминалистическим средством, позволяющим устранить вышеобозначенные недостатки при работе со следами биологического происхождения, является осветительный прибор «Микс-450», который не изменяет свойств выявляемых следов и позволяет их эффективно обнаружить [3, с. 4–5].

Следует подчеркнуть, что во время проведения следственного осмотра, направленного на выявление следов биологического происхождения, к следственному действию целесообразно привлекать соответствующего специалиста, обладающего специальными познаниями в области судебной медицины, биологии или генетики. При этом независимо от наличия такого специалиста, работа со следами биологического происхождения должна протекать в условиях их защищенности от загрязнений и разрушений. Для следов биологического происхождения данная рекомендация имеет особое значение, так как они обладают высокой степенью восприимчивости к загрязнению чужеродным ДНК. Поэтому после обнаружения след в обязательном порядке фотографируется, в протоколе указывается его локализация, количество элементов, морфология, отмечаются средства и методы, использованные для его выявления.

Таким образом, роль следов биологического происхождения в процессе раскрытия и расследования преступлений сложно переоценить. Содержащаяся в них информация обладает неоспоримым доказательственным значением. Однако обнаружение данных следов сопряжено с целым рядом трудностей, преодоление которых требует соблюдения криминалистических рекомендаций, направленных на оптимальное применение специальных технико-криминалистических средств и методов, а также гарантирующих успешное решение задач уголовного судопроизводства и установления истины в расследовании преступлений.

1. Аистов И.А. Использование следов биологического происхождения при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 24 с.

2. Морозова Н.В. Следы биологического происхождения: обнаружение, фиксация, изъятие и хранение // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 1. С. 61–63.

3. Баринаова О.А. Использование мобильного источника криминалистического света «Микс-450» для обнаружения следов преступления // Российский следователь. 2020. № 12. С. 3–5.

4. Соболевская С.И. Работа с биологическими следами на месте происшествия [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. № 9. URL: <http://ekoncept.ru/2014/14844.htm>.

5. Пастон С.В., Доммес О.А. Изучение радиационных повреждений ДНК спектральными методами // Вестник Санкт-Петербургского университета. Физика и химия. 2012. № 1. С. 168–174.

Сведения об авторе

Фомичев Андрей Андреевич. Кандидат юридических наук. Старший преподаватель кафедры КиПР в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302028, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: следы преступления, материальные следы, следы биологического происхождения, обнаружение следов преступления, криминалистические средства и методы.

Химичева О.В., Шаров Д.В.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ: ВЗГЛЯД ПРОФЕССОРА А.П. ГУЛЯЕВА

Статья посвящена научному наследию выдающегося ученого-процессуалиста заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Анатолия Петровича Гуляева. Особое внимание уделено научной позиции ученого на проблему уголовно-процессуальных функций и их реализации в деятельности следователя.

Юбилей выдающегося ученого-процессуалиста доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Анатолия Петровича Гуляева, признанного и глубоко почитаемого в процессуальном сообществе специалиста, безусловный повод в очередной раз обратиться к его научным трудам, посвященным фундаментальным вопросам уголовно-процессуальной деятельности следователя и многим другим проблемам досудебного производства.

Профессор А.П. Гуляев причастен к научному становлению многих известных российских ученых-процессуалистов. И даже те, кому не посчастливилось быть учеником Анатолия Петровича, безусловно, знают и

продолжают изучать его научные работы. Прошло уже более сорока лет с момента выхода его наиболее известной работы «Следователь в уголовном процессе» [1], но до сих пор вопросы, поднимаемые в монографии, не потеряли актуальности, теоретической и практической значимости.

Сложно переоценить вклад профессора А.П. Гуляева в российскую доктрину уголовного процесса. Защитив кандидатскую диссертацию в 1971 г. на тему «Процессуальные сроки на предварительном следствии и дознании в советском уголовном процессе» [2], он продолжил исследования в области процессуальной деятельности, осуществляемой на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, опубликовав целый ряд работ, ставших классикой отечественной науки уголовного процесса. Помимо названного «Следователя в уголовном процессе», нельзя не отметить его учебное пособие, посвященное процессуальным срокам, которые рассматривались не только как средство обеспечения быстроты расследования, но и направленных на совсем не «модную» в то время охрану прав участников уголовного процесса [3]. Отдельного внимания заслуживает подготовленный в составе авторского коллектива Комментарий к Положению о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления [4], ставший серьезным подспорьем для должностных лиц, применяющих к гражданам эту меру процессуального принуждения.

В 1988 г. Анатолий Петрович в докторской диссертации разработал теоретические основы правового регулирования деятельности следователя [5], после чего продолжил изучение многих проблемы досудебного производства. Отдельного упоминания заслуживает его плодотворное участие в подготовке действующего уголовно-процессуального закона.

В постсоветский период активного реформирования нормативных актов особое значение приобрели подготовленные им в составе авторских коллективов научно-практические комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [6], Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях [7], Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» [8], Федеральному закону «О содержании под стражей лиц подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [9]. Очевидно, что современные подходы, выраженные в этих нормативных актах, нуждались в научном осмыслении ведущими учеными-процессуалистами, без авторитетного мнения которых применение новых правовых норм в практической деятельности было бы затруднительно.

Нельзя не отметить вклада профессора А.П. Гуляева и в разработку проблем правоохранительной деятельности и правоохранительных органов [10]. Анатолий Петрович подчеркивал, что из множества функций государства одной из важнейших является защита прав и свобод человека.

Исходя из предписаний Конституции Российской Федерации, а также иных нормативных актов, им выделены следующие признаки правоохранительной деятельности: а) осуществление в определенном порядке, установленном законом (такой порядок в совокупности призван обеспечивать своевременное, действенное и справедливое реагирование на факты нарушений и попыток нарушения прав и свобод человека и организаций, а также оберегать их от необоснованных действий со стороны самих правоохранительных органов); б) осуществление лишь органами, должностными лицами и организациями, которым такое право предоставлено законом, либо на которые законом возложены соответствующие обязанности; в) строгое ограничение в части применения мер принуждения и ответственности к гражданам и организациям: допускается применение только предусмотренных законом мер воздействия; г) обязательность для граждан, органов и организаций решений и действий правоохранительных органов, принятых в пределах их компетенции и в соответствии с законом; д) возможность беспрепятственного обжалования в установленном порядке, в том числе и в суде, решений и действий правоохранительных органов, затрагивающих права и свободы граждан и организаций; е) установленная законом ответственность должностных лиц правоохранительных органов за вред, причиненный гражданам и организациям своими неправомерными действиями [11]. На кафедре уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, ставшей наследницей одноименной кафедры Юридического института МВД России, где была подготовлена лекция профессора А.П. Гуляева о понятии, видах, субъектах правоохранительной деятельности, новое поколение ученых-процессуалистов поддерживают и всесторонне развивают учение Анатолия Петровича.

В богатейшем научном наследии профессора А.П. Гуляева нельзя не отметить работу, имеющую, на наш взгляд, концептуальное значение для разработки проблем уголовно-процессуальной деятельности следователя и которую можно взять за основу при совершенствовании действующего уголовно-процессуального закона.

В 1981 г. в Московском филиале юридического заочного обучения Академии МВД СССР опубликовано учебное пособие А.П. Гуляева, посвященное уголовно-процессуальным функциям следователя [12], в котором не только раскрывается их понятие, соотношение с принципами, но анализируются конкретные виды этих функций, их система и взаимосвязи, формы и средства реализации.

Автор исходит из теории функционального анализа о существовании функций-задач и функций-операций. На этом основании стоящие перед следователем задачи обуславливают выполняемые им функции, которые составляют само содержание его деятельности [11]. При этом принципы уголовного процесса, определяя качественную сторону деятельности следователя, вытекают из общеправовых принципов (законности и др.). Таким

образом, посредством уголовно-процессуальных принципов устанавливается наиболее демократичный и гуманный способ реализации процессуальных функций и в конечном счете выполнение задач уголовного судопроизводства. Очевидно, что такое четкое, продуманное, а главное логически выверенное построение довольно сложной правовой категории – уголовно-процессуальные функции – стало полезным не только для слушателей МФЮЗО Академии МВД СССР, которым было адресовано это учебное пособие, но и для всех исследователей данной проблемы.

Весьма интересна позиция А.П. Гуляева по поводу уголовно-процессуальных функций вообще и места в них функций, выполняемых следователем.

Анатолий Петрович не разделяет концепцию трех основных процессуальных функций: обвинения, защиты и разрешения уголовного дела [13], в свое время выдвинутой и обоснованной М.С. Строговичем, а после поддержанной В.М. Савицким и многими другими учеными-процессуалистами.

По мнению А.П. Гуляева, эта концепция, правильная в том отношении, что исходит из необходимости выделять самостоятельные направления (виды) уголовно-процессуальной деятельности, уязвима в другом плане: она не приводит к познанию всей системы процессуальных функций, а следовательно, не в полной мере раскрывает содержание процессуальной деятельности (например, не учитывает рассмотрение сообщений о преступлениях, обеспечение возмещения имущественного вреда, пресечение и предупреждение преступлений и др.), соотношение и взаимосвязь функций, механизм их реализации.

Исходя из этого, Анатолий Петрович считал неверным выделение у следователя узкого числа функций: обвинения и защиты, обвинения и решения дела, только обвинения.

В связи с этим ошибкой является отсутствие в общей для всего уголовного процесса триаде уголовно-процессуальных функций такой важнейшей из них, как исследование обстоятельств дела, что в свою очередь приводит к искажению функций обвинения и защиты. Исследование обстоятельств дела (по установлению истицы) – единая по своей направленности деятельность, не поддающаяся заранее делению на обвинительную или защитительную. Осуществляя ее, следователь получает доказательства, которые в этот момент нельзя оценить, как направленные на изобличение либо на оправдание и лишь при оценке в совокупности с другими доказательствами она может служить в тех или иных целях [12].

Действительно, следует согласиться с тем, что все три процессуальные функции – обвинения, защиты и разрешения дела – невозможны без исследования его обстоятельств. Правовые средства для такого исследования предусмотрены в уголовно-процессуальном законе, а его результаты предопределяют реализацию каждой из обозначенных функций.

Исходя из суждения о существовании функции исследования обстоятельств дела, становится объяснимым совмещение в деятельности следователя всех трех уголовно-процессуальных функций.

Конечно, функция разрешения уголовного дела свойственная следователю в весьма ограниченных рамках, при реализации полномочия прекращать уголовные дела, но такое решение основано и обусловлено результатами исследования обстоятельств уголовного дела, установлением обстоятельств, делающих невозможным или в некоторых предусмотренных законом случаях нецелесообразным дальнейшее уголовное производство.

Что же касается функций обвинения и защиты, то с учетом их производного характера от функции исследования обстоятельств, в деятельности следователя может реализовываться как та, так и другая. Первоначально обвинительная позиция следователя в зависимости от полученных доказательств может измениться и совсем не исключается ситуация, когда следователь от выполнения обвинительной функции хотя бы частично перейдет к функции защиты лица, виновность которого не доказана.

Производный характер функций обвинения и защиты от исследования обстоятельств дела позволяет не противопоставлять эти функции друг другу в деятельности следователя, и как следствие, избежать как обвинительного уклона, так и выгораживания виновного.

Кстати, отметим, что А.П. Гуляев являлся сторонником участия следователя в выполнении функции защиты, и в числе других аргументов приводил наличие у этого субъекта властных полномочий, которыми не наделены обвиняемый и его защитник. Эти властные полномочия позволяют обеспечивать конституционное право обвиняемого на защиту, не допускать незаконного или необоснованного обвинения, ограничения прав и свобод личности. С учетом этой задачи Анатолий Петрович считал более правильным именовать рассматриваемую функцию «ограждением граждан от необоснованного обвинения» [13].

В целом разделяя позицию профессора А.П. Гуляева, считаем ошибочным отнесение действующим уголовно-процессуальным законом следователя к стороне обвинения, что прямо закреплено в п. 47 ст. 5 и других нормах УПК РФ.

Современная классификация участников уголовного процесса составлена на основании выполняемых уголовно-процессуальных функций в рамках принципа состязательности сторон. Ущербность этой классификации обуславливает обвинительный уклон в деятельности следователя и не согласуется с полномочиями, возложенными уголовно-процессуальным законом на этого участника, например, по прекращению уголовного дела, в том числе по реабилитирующим основаниям, или по собиранию доказательств, в том числе по установлению обстоятельств, смягчающих наказание, и др.

В связи с этим следует вспомнить деление участников уголовного процесса, предусмотренное в УПК РСФСР 1960 г., построенное на ином, чем в действующем законодательстве, критерии – в зависимости от интереса, отстаиваемого тем или иным участником. Классификация участников на три группы: государственные органы и должностные лица, наделенные властными полномочиями; лица, имеющие личный интерес в деле, и лица, такого интереса не имеющие, с очевидностью определяет место деятельности следователя в системе уголовного процесса. Такой подход соответствует признанию исследования обстоятельств уголовного дела основополагающей функцией следователя, проявляющейся в зависимости от собранных доказательств в обвинении, защите или разрешении дела, что в полной мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, в той части, в которой его реализация возложена на следователя.

1. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе: монография. М.: Юридическая литература, 1981. 191 с.

2. Гуляев А.П. Процессуальные сроки на предварительном следствии и дознании в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Всесоюз. науч.-исслед. ин-т МВД СССР. М., 1971. 18 с.

3. Гуляев А.П. Процессуальные сроки как средство обеспечения быстроты расследования и охраны прав его участников: учеб. пособие. Волгоград, 1976. 63 с.

4. Комментарий к Положению о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления / А.П. Гуляев, Б.В. Комаров, С.М. Малиновкин; отв. ред. С.В. Мурашов. М.: Юрид. лит., 1982. 55 с.

5. Гуляев А.П. Совершенствование правового регулирования деятельности следователя: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 1988. 32 с.

6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова. М.: Экзамен, 2004.

7. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. А.П. Гуляева, Л.Л. Попова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Экзамен, 2006.

8. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»: с приложениями / А.П. Гуляев, К.Е. Ривкин, О.В. Сарайкина, С.М. Юдушкин. М.: Экзамен, 2004.

9. Комментарий к Федеральному закону о содержании под стражей лиц подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений / под ред. П.Г. Мищенко. М.: БЕК, 1996.

10. Правоохранительные органы и организации России: компетенция и полномочия: учеб. пособие для высш. и сред. учеб. заведений / Моск.

акад. экономики и права. Юрид. фак. [А.П. Гуляев и др.]; [под ред. А.П. Гуляева]. М.: Собрание, 1999. 143 с.

11. Контролирующие органы и организации России: компетенция и полномочия: учеб. для высш. и сред. учеб. заведений / [В.Г. Баяхчев, А.А. Дубровский, А.П. Гуляев и др.]; под ред. А.П. Гуляева; Моск. акад. экономики и права. М.: МАЭП, 2000. 207 с.

12. Гуляев А.П. Правоохранительная деятельность (понятие, виды, субъекты): лекция. М.: Юридический институт МВД России, 1999. 20 с.

13. Гуляев А.П. Процессуальные функции следователя: учебное пособие. М.: Изд. Академии МВД СССР, 1981. 61 с.

Сведения об авторах

Химичева Ольга Викторовна. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Начальник кафедры уголовного процесса.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Шаров Денис Васильевич. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры предварительного расследования.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: Анатолий Петрович Гуляев, функция обвинения, функция защиты, функция разрешения дела, классификация участников уголовного процесса.

Чабукиани О.А., Шепелева О.И.

ОТСУТСТВИЕ ЕДИНОЙ ПОЗИЦИИ С ПОДЗАЩИТНЫМ – СПОСОБ НАРУШЕНИЯ АДВОКАТОМ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Одним из принципов уголовного судопроизводства является обеспечение права на защиту. Отсутствие единой позиции адвоката с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, действие вопреки его воле признается существенным нарушением права на защиту, влекущим отмену процессуального решения. Некоторыми защитниками этот способ затягивания срока привлечения к уголовной ответственности используется умышленно. Цель статьи – продемонстрировать выявленные примеры такого нарушения права на защиту.

Обеспечение права на защиту гарантируется ст. 48 Конституции Российской Федерации. В уголовном судопроизводстве нарушение права на защиту признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона, являющимся безусловным основанием отмены или изменения судебного решения (п. 4 ч. 2 ст. 389.17, ч. 1 ст. 401.15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Одним из фундаментальных положений конституционного принципа является право на единство позиции с защитником. В соответствии с пп. 3 и 6 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвокатов защитник не вправе занимать по делу позицию или действовать вопреки воле подзащитного. Единство позиции должно быть при каждом случае оказания юридической помощи не зависимо от стадии уголовного процесса и от вида принимаемого процессуального решения. Наше мнение подтверждается примерами обжалования решения о продлении срока содержания под стражей в ситуации, когда обвиняемый согласился с ходатайством следователя, а защитник высказал просьбу о замене меры пресечения на домашний арест [2].

Но как своевременно определить дознавателю, следователю и судье, является ли позиция адвоката с подозреваемым, обвиняемым и подсудимым согласованной? Ведь нормы УПК РФ, регламентируя порядок участия защитника в ходе досудебного производства и в общем порядке судебного разбирательства, не обязывают разъяснять участнику право на единство позиции, а также право отвода защитника, заведомо занимающего позицию, которую не поддерживает участник.

Опрос адвокатом и анализ имеющихся по данному поводу подходов в юридической литературе показал аналогичный полученный Д.С. Кагрмяняном результат [1, с. 109], что адвокаты предпочитают не высказывать свою позицию дознавателю и следователю в ходе предварительного расследования по вопросам объема обвинения и квалификации, достаточности доказательств для вменения инкриминируемого деяния, занимая позицию ожидания окончательного обвинения. В таких вариантах защиты адвокаты-защитники руководствуются позицией Конституционного Суда Российской Федерации, не исключающей предоставление адвокатом услуг «без видимой процессуальной активности... при неясной позиции обвинения» [3].

УПК РФ обязывает высказать защитнику согласованную с подсудимым позицию по предъявленному обвинению лишь в ходе судебного разбирательства с участием присяжных заседателей (ч. 3 ст. 335 УПК РФ). Иных прямых указаний на такие действия в законе нет. Это приводит к тому, что некоторые адвокаты-защитники высказывают свою позицию лишь в прениях сторон. Столь позднее установление противоречия в позициях

лишает судью возможности предоставить время для консультации либо решении вопроса об отводе адвоката в рамках начатого разбирательства.

Объем согласованности позиции имеет практическое значение, так как разногласия рассматриваются как основания пересмотра вынесенного процессуального решения, в том числе влекущего прекращение статуса адвоката [4].

В обзорах судебных практик судов первой инстанции, обзорах и решениях судов апелляционной и кассационной инстанций указываются среди нарушений права на защиту следующие: защитник согласился с мнением прокурора о наказании в ситуации, когда подсудимый вину не признал, либо указывал о совершении деяния в ситуации, исключающей преступность деяния, либо признался в ином менее тяжком преступлении; защитник не принял участия в прениях сторон и репликах, защитник не попросил предоставить время для выяснения позиции подзащитного в ситуации, когда судебное разбирательство проводилось в отсутствие подсудимого.

Анализ решений судов, отмененных Судебными коллегиями по уголовным делам Первого, Пятого, Десятого кассационных судов общей юрисдикции за 2022–2023 гг., Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации с 2018 г. по основанию существенного нарушения права на защиту, инициированных осужденным, дает возможность констатировать следующие тезисы:

Первый: озвучивание иной позиции в прениях сторон защитником подсудимого с последующим обжалованием приговора осужденным является умышленным недобросовестным действием (а в случае отказа от участия в прениях – бездействием) адвоката под видом реализации своих полномочий и собственной оценке имеющихся доказательств в рамках оказания юридической помощи доверителю, посягающим на должную реализацию конституционных прав потерпевшего и не позволяющим достигнуть назначения уголовного судопроизводства в разумный срок, т.е. защитник нарушает Кодекс профессиональной этики адвоката и злоупотребляет своими правами.

Второй: отсутствие требований о необходимости удостовериться лицом, в производстве которого находится уголовное дело, о согласованности и отсутствии возражений по имеющимся позициям подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного и его защитником может быть компенсировано обязанностью должностного лица разъяснить право на единство позиции и предоставить должное время не только для оказания юридической консультации, но и согласования позиции. О наличии достигнутых результатов согласованности необходимо уточнять перед каждым следственным и иным процессуальным действием с участником, напоминая о возможности отвода или отказа от услуг предоставленного или приглашенного адвоката.

Третий: умалчивание имеющихся противоречий в позициях с доверителем, имеющихся замечаний на законность проводимых следственных, судебных и иных процессуальных действий, с последующим их обжалованием тем же защитником должно признаваться некачественным оказанием юридической помощи по уголовному делу путем умышленного самоустранения.

Четвертый: для исключения злоупотребления правами участниками со стороны обвинения, судья при выполнении требований ст. 265 УПК РФ должен установить не только сроки получения копий итогового обвинительного документа стадии предварительного расследования, но и согласованности позиции между защитником и доверителем. После положительного ответа при последующей констатации иной позиции действия защитника должны признаваться как нарушение права на защиту.

Пятый: злоупотребления количеством замен защитников под предлогом «иной позиции» могут быть минимизированы необходимостью публичного подтверждения адвокатом перед судом разногласий в вопросах, имеющих значение для вынесения итогового решения и разрешения вопросов при постановлении приговора. Такое высказывание будет являться гарантом соблюдения законодательства об адвокатской деятельности.

1. Каграманян Д.С. Позиция адвоката – защитника по уголовному делу // Юридическая мысль. 2006. № 6 (37). С. 108–113. EDN MUQFFL.

2. Машовец А.О., Никифорова Е.Ю. Позиция защитника и доверителя – допустимо ли расхождение? // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 75–80. DOI 10.47475/2311-696X-2024-41-2-75-80. EDN WFHVSA.

3. По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 4016 и пункта 1 части второй статьи 40110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 23 сентября 2021 г. // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision557338.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

4. Решение Хамовнического районного суда г. Москвы [Электронный ресурс]: от 22 мая 2024 г. № 2-2226/2024 // Официальный сайт журнала «Уголовный процесс». URL: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=91834401> (дата обращения: 20.08.2024).

Сведения об авторах

Чабукиани Оксана Алексеевна. Доктор юридических наук, доцент. Профессор кафедры уголовного процесса.

Санкт-Петербургский университет МВД России.

198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

Шепелёва Ольга Ринатовна. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры уголовного права и процесса.

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.
196605, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.

Ключевые слова: право на защиту, единая позиция защиты, защитник, существенное нарушение прав.

Чаплыгина В.Н.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ В ВИДЕ СУРДО- И ТИФЛОСУРДОПЕРЕВОДА

Статья посвящена анализу реализации участия переводчика в производстве сурдоперевода, а также тифлосурдоперевода при производстве следственных действий в досудебном производстве. Особое внимание уделено способам и проблемам общения с людьми, у которых нарушена функция слуха.

В России насчитывается от 1 до более чем 10 миллионов глухих, при этом не лишенных дееспособности, однако, выступая в качестве субъектов правоотношений, неспособных в полной мере без посторонней помощи реализовать свои права и обязанности.

Однако Конституция РФ гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от их физических недостатков и судебную защиту их прав и свобод [1, с. 186]. Для устранения барьеров и обеспечения возможности реализации прав и свобод лиц с нарушением слуха, фактически ограниченно владеющих языком, на котором ведется судопроизводство и делопроизводство в России, законодательно предусмотрены правовые механизмы, выраженные в первую очередь в предоставленном праве пользования услугами сурдопереводчика. Вопросам привлечения переводчика в уголовное судопроизводство уделяется особое внимание в связи с реализацией одного из принципов российского уголовного процесса – «язык уголовного судопроизводства». В правовом демократическом государстве вопросы возможности реализации гражданами своих прав относятся к числу первоочередных, т.к. степени защищенности лиц, не владеющих языком судопроизводства, будет зависеть достижения назначения

уголовного процесса. Однако, на наш взгляд, в недостаточной мере проработаны проблемные аспекты производства сурдоперевода, а также тифлосурдоперевода при производстве следственных действий в досудебном производстве.

Полагаем, что это связано с необходимостью производства данных видов переводов у правоприменителей в исключительных случаях. Однако нередко в следственно-судебной практике встречаются случаи противоправного ограничения принципа языка, причинами которых являются посягательства со стороны лиц, заинтересованных в принятии незаконных решений по делу, в связи с чем остро встает вопрос недостаточной защищенности участников уголовного процесса, в том числе и переводчика.

Переводчик в уголовном судопроизводстве является неотъемлемой гарантией права на пользование родным языком в ходе производства по уголовному делу для лиц, недостаточно или вовсе не владеющих языком уголовного судопроизводства. Несмотря на обширное и детально регламентированное законодательство в области уголовного процесса, множество дискуссий и научно-исследовательских работ выдающихся авторов и ученых, состояние современного законодательства, а также правоприменительная практика не всегда может предоставить решений некоторых вопросов возникающих при расследовании уголовных дел, в частности в рамках привлечения и участия переводчика в уголовном деле.

Одной из проблем, которая сопровождает производство по уголовному делу – это зачастую сжатые сроки для поиска нужного квалифицированного переводчика.

При анализе реализации участия данного переводчика необходимо в целом уяснить, что собой представляет сурдоперевод, а также тифлосурдоперевод. О дефиниции данных категорий можно говорить, проведя анализ п. 1 Правил предоставления инвалидам услуг по переводу русского жестового языка (сурдопереводу, тифлосурдопереводу) [2], из чего вытекает, что сурдоперевод означает оказание услуг (перевод русского жестового языка) инвалидам, у которых нарушена функция слуха. Тифлосурдоперевод связан с оказанием тех же услуг лицам, имеющим параллельные нарушения функций слуха и зрения. Под русским жестовым языком понимается язык общения при наличии нарушений слуха и (или) речи, в том числе в сферах устного использования государственного языка Российской Федерации.

Д.Н. Рудов и Е.А. Новикова отмечают, что жестовый язык, является способом не только общения, но в первую очередь в уголовно-процессуальных реалиях способом преобразования жестовой информации в процессуально допустимую форму, в первую очередь в форму протокола или иного процессуального документа [3, с. 91].

Однако, несмотря на то, что существует давно разработанный русский жестовый язык, а также иные виды жестовых языков других стран,

необходимо отметить, что существуют иные способы общения с лицами, которые имеют подобные нарушения.

I. Первый способ, который знаком многим, связан с восприятием информации путем наблюдения за движением губ и сопоставления с уже известными ранее движениями при произношении тех или иных букв или слов, что называется «чтением с губ» [4, с. 110].

II. Второй, не менее известный, но более практичный способ представляет собой использование системы мимико-жестовых знаков, а именно определенных движений губ совместно с движениями рук и пальцев, которые представляют под собой определенные слова или же словосочетания. В настоящее время на различных интернет-ресурсах расположены словари жестовых символов. При использовании данных интернет-ресурсов можно без труда узнать, как будет выглядеть произношения любого слова, например, прокурор. При поиске данного слова будет указан результат в формате видеоролика, на котором профессиональный диктор показывает правильное произношение искомого слова.

III. Наряду с жестовым символами, приведенными выше существует дактильная азбука, которая представляет собой различного рода комбинации расположений пальцев руки, которые означают ту или иную букву алфавита. Дактильная азбука непосредственно имеет важное значение в совокупности знания жестовых символов, так одно и другое не могут существовать друг без друга. Также исключительно при помощи дактильной азбуки представляется возможным лицам с нарушением функции речи, слуха сообщить имена людей, названия мест и городов. Дактильная азбука подчинена всем правилам орфографии и ее знание, наряду с использованием жестовых знаков, является бесценным.

В следственной практике нередки случаи, когда подозреваемый, а также иное лицо, участвующее в уголовном деле, имеет нарушение зрения и слуха. В таких случаях существует система Луи Брайля, шрифт которой представляет собой систему, основанную на наличии и отсутствии в определенной области точек. В настоящее время разрабатываются различные компьютерной программы, которые активно внедряются в жизнь лиц, живущих с нарушением зрения.

Итак, проанализировав научный материал, мы можем прийти к выводу о том, что существуют следующие ситуации в практической деятельности, а именно: нарушение 1) зрения, 2) слуха, 3) слуха и зрения одновременно. Знание данных ситуаций, связанных с нарушением жизненно-важных функций позволяет выделить уголовно-процессуальные проблемы, связанные с сурдо- и тифлосурдопереводом.

1. В современном обществе существуют различные школы, в которых осуществляются услуги по обучению лиц, с нарушением функций слуха или зрения, мимико-жестукулярному языку. Однако не каждое лицо проходит специальное обучение, вследствие чего у лица, участвующего в

деле имеется своеобразный «почерк» в жестовой речи, который понятен исключительно узкому кругу общения. В данных случаях, в целях расшифровки уникального почерка таких лиц представляется необходимым привлечения к участию сурдопедагога, который используя свои компетентные знания, сможет уяснить все сказанное лицом с подобными нарушениями.

2. Также стоит отметить то, что переводчиком по таким уголовным делам может выступать не только профессиональный сурдопереводчик или педагог, но также иное лицо, которое в достаточном объеме имеет знания в области сурдоперевода, жестовой и дактильной речи. В первую очередь участие компетентных лиц, но не профессионалов обусловлено психологической структурой и особенностями личности лица, чью речь необходимо перевести. Например, лица, с нарушениями слуха, могут ввиду сложившейся ситуации быть недоверчивы к переводчику и отказываться давать показания. В таком случае целесообразно пригласить знакомое лицо, которое может перевести жестовую речь, а также знает индивидуальные особенности мимики и жестов допрашиваемого лица.

3. Если же при уголовном деле участвовал один сурдопереводчик или тифлосурдопереводчик, а конкретно на стадии предварительного расследования, то необходимо обеспечить его дальнейшее участие на стадии судебного разбирательства, ввиду исключения искажения сведений, которые даются при допросе. Такой сурдопереводчик участвует на протяжении досудебной и судебных стадий уголовного процесса, что обеспечивает уяснения им индивидуальных особенностей своего клиента, то есть допрашиваемого лица.

4. В протоколах следственных и судебных действий должностные лица правоохранительных органов должны указывать, с помощью какой речи изъяснялось лицо: дактильной или жестово-мимической. Кроме того, необходимо выяснить, является ли глухота или (и) слепота врожденной или приобретенной; обучался ли гражданин в специальной школе и др. На сегодняшний день лишь единицы отражают данные немаловажные факты в процессуальных документах.

5. Следует сказать о том, что следователь, исходя из логики, может при допросе лиц с нарушениями слуха, получать от них сведения в письменной форме. Таким образом, следователь пишет вопрос на бумаге, после чего допрашиваемое глухонемое лицо дает ответ также на листе. Однако подобное упрощение не позволяет пренебрегать участием сурдопереводчика по уголовному делу, так как это будет являться прямым нарушением уголовно-процессуального законодательства РФ.

6. При допросе ранее судимых лиц с нарушениями функций зрения и слуха следует быть готовым к тому, что лицо свободно «общается» на искусственном («блатном») языке преступного сообщества и, используя уголовный жаргон, в зале судебного заседания может передать различные просьбы своим соучастникам, начать угрожать переводчику и др. [5, с. 52]

По мнению А.В. Гуськовой (с которым автор солидарен) представляется необходимым внести следующие дополнения в дополнения в УПК РФ: а) ч. 6 ст. 59 УПК РФ: «Правила настоящей статьи распространяются на лицо, владеющее навыками сурдоперевода и тифлосурдоперевода...»; б) ч. 6 ст. 164 УПК РФ: «..., если один из участников следственного действия с участием переводчика (в том числе сурдопереводчика и тифлосурдопереводчика) недостаточно хорошо владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, его ход и результаты должны быть зафиксированы посредством видеосъемки»; в) ч. 2 ст. 187 УПК РФ: «..., за исключением допроса лиц с нарушениями функции зрения или (и) слуха, речи, допрос которых не может длиться непрерывно более 1 часа 30 минут» [6, с. 94].

Резюмируя сказанное, отметим, что процессуальный порядок привлечения сурдо- и тифлосурдопереводчика ничем не отличается от привлечения переводчика в обычном порядке, при этом необходимо учитывать различного рода обстоятельства и условия, которые могут повлиять на грамотность и точность перевода, а также отдельные процессуальные особенности и рекомендации.

1. Акатнова М.И., Амирханов А.А., Анохин Ю.В., Анохина С.Ю., Бачурин А.Г., Воробьева С.А., Воронов А.А., Гончаров И.В., Киричёк Е.В., Корабельникова Ю.Л., Максименко В.А., Морозова Н.В., Мордовец А.С., Мухина Т.А., Прощальгин Р.А., Рагузина О.В., Садчикова О.В., Самович Ю.В., Симонова Н.С., Терехов А.Ю. и др. Обеспечение прав человека: учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное. Барнаул, 2020.

2. Правила предоставления инвалидам услуг по переводу русского жестового языка (сурдопереводу, тифлосурдопереводу): постановление Правительства Рос. Федерации от 25 сентября 2007 г. № 608 // Рос. газ. 2007. 28 сент. № 216.

3. Рудов Д.Н., Новикова Е.А. Участие переводчика при расследовании уголовного дела как гарантия обеспечения реализации принципа языка судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции: к 30-летию принятия Конституции РФ. В 2 ч. / редколлегия: К.В. Муравьев [и др.]. Орел, 2023. С. 89–98.

4. Купряшина Е.А., Черкасова Е.А., Рудов Д.Н. К вопросу о привлечении переводчика к проведению процессуальных действий с участием иностранных граждан: вопросы теории и практики // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 1. С. 109–113.

5. Чаплыгина В.Н. Участие переводчика в производстве допроса иностранного гражданина при расследовании преступлений в области до-

рожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 2 (29). С. 50–54.

6. Гуськова А.В. Уголовно-процессуальные и философские основания интерпретационной функции в контексте диалога культур (сурдоперевод и тифлосурдоперевод) // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 93–96.

Сведения об авторе

Чаплыгина Виктория Николаевна. Кандидат юридических наук, доцент. Начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: сурдоперевод, тифлосурдоперевод, инвалид, переводчик, жестовые символы, уголовное судопроизводство, следственные действия.

Чупахина М.Ю.

ВЫНЕСЕНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА КАК ПРИДАНИЕ ЛИЦУ СТАТУСА ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ

В настоящей статье автором затронуты отдельные аспекты придания лицу статуса обвиняемого при производстве предварительного расследования в форме дознания, обосновывается позиция достаточности процессуальных процедур дознания для реализации правового статуса лица в части прав на защиту от предъявленного обвинения.

Краеугольным вопросом уголовного судопроизводства является установление виновности лица совокупностью собранных доказательств, а центральной фигурой всего процесса выступает лицо, совершившее преступление. Несмотря на длительность существования и относительную устойчивость большинства норм института предъявления обвинения, ряд аспектов вызывает оживленные споры среди ученых с отстаиванием диаметрально противоположных точек зрения, где одними обосновывается позиция возможного отказа от вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого на предварительном следствии по аналогии с существующим порядком пребывания лица в статусе подозреваемого до момента вынесения итогового процессуального документа по завершении дознания, а другими утверждается незыблемость существования акта предъяв-

ления обвинения и необходимость дальнейшего расширения процессуального статуса обвиняемого с приведением аргументов недостаточности процедур, предусмотренных при производстве дознания для полноты реализации статуса обвиняемого.

Поддерживая позицию возможности унификации подхода к институту обвинения на досудебных стадиях в независимости от формы проведения расследования и предложения по введению института уведомления лица о подозрении в совершении преступления на предварительном следствии, остановим свое внимание на отдельных аспектах порядка предъявления обвинения при производстве дознания.

Анализ имеющихся в УПК РФ норм, в частности ст. 47, позволяет сделать закономерный вывод, что закон связывает появление обвиняемого на стадии предварительного расследования с вынесением одного из процессуальных документов: постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта или обвинительного постановления.

Два последних документа выносятся при производстве дознания на момент его окончания, в силу чего можно утверждать о специфике реализации института обвинения данной формой предварительного расследования. В соответствии с главой 32 УПК РФ очевидна двойственная природа обвинительного акта, так как он выступает и как документ, подтверждающий привлечение лица в качестве обвиняемого, и как заключительный акт расследования.

Формально в дознании обвиняемый может не получать полной информации об имеющемся в отношении него обвинении до самого момента вынесения обвинительного акта. Это означает, что в дознании обвиняемый «появляется» не на ранних этапах расследования, как при предварительном следствии, а только после завершения производства всех необходимых следственных действий и завершения процесса доказывания, что, с точки зрения ряда ученых-процессуалистов, нельзя признать сильной стороной данной формы расследования, т.к., по их мнению, в течение всего периода процессуального производства подозреваемых не имеет возможности «в полной мере воспользоваться своими правами в том числе и правом на защиту» [1].

Безусловно, в российском уголовном процессе обвинительный акт играет ключевую роль, являясь документом, который завершает дознание и определяет дальнейшую судьбу дела. В соответствии с УПК РФ, дознаватель, завершив расследование, составляет обвинительный акт, в котором излагаются результаты проведенной работы и формулируется обвинение. Однако формулировка «лицо, привлекаемое к уголовной ответственности», используемое в ст. 225 УПК РФ вызывает спорные толкования. Несмотря на то, что на момент составления обвинительного акта лицо еще не является обвиняемым (что делает невозможным употребление данного термина), использование конструкции «привлекаемое к уголовной ответ-

ственности» также кажется преждевременным на стадии дознания до вынесения судебного решения по делу. Более точной формулировкой была бы «лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело» или «лицо, подозреваемое в совершении преступления». Это более точно отражает статус лица на данном этапе.

Необходимо отметить, что двойственное значение обвинительного акта, а также установленный УПК РФ порядок завершения дознания, в частности, порядок его утверждения и ознакомления обвиняемого с итоговым документом по уголовному делу, вызывают противоречивые мнения процессуалистов, связанные, с правовой оценкой значения данного документа. Отдельные ученые придерживаются мнения, что в полном объеме права обвиняемого реализуются только по тем делам, по которым производится предварительное расследование в форме следствия [2].

Не стоит забывать, что в отличие от обвинительного заключения обвинительный акт нуждается в согласовании с начальником органа дознания и прокурора. Это означает, что до этого момента он не обладает юридической силой, а следовательно, мы не можем констатировать приобретение статуса обвиняемого самим фактом его вынесения, равно как и допускать возможность ознакомления обвиняемого и защитника с этим документом и другими материалами дела до его утверждения, т.к. это является процессуальными нарушениями.

В ст. 47 УПК РФ установлено право обвиняемого получить копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого или копию обвинительного акта. В свою очередь ст. 226 УПК РФ требует вручения копии обвинительного акта обвиняемому и его защитнику после его утверждения прокурором. Возникает справедливый вопрос: в какой момент (до или после утверждения прокурором) и какая копия обвинительного акта должна быть вручена обвиняемому?

Ответ нам видится в следующем: обвинительный акт, не утвержденный прокурором, не может рассматриваться как окончательный документ, определяющий обвинение, а вручение неутвержденного обвинительного акта может трактоваться как нарушение норм уголовно-процессуального закона. Отсюда следует, что обвиняемый должен получить копию обвинительного акта после всех этапов согласования, что необходимо для обеспечения полной информированности обвиняемого о предъявленном ему обвинении. Одновременно с этим обвинительный акт выступает гарантом права на защиту, поэтому соблюдение всех процессуальных норм при его вручении является необходимым условием для обеспечения справедливости уголовного судопроизводства. Также вручение копии обвинительного акта должно состояться уже после ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Это даст ему возможность внимательно изучить собранные по делу доказательства и сформировать позицию защиты.

Изучение материалов архивных уголовных дел позволяет выявить четко сложившуюся тенденцию единомоментной реализации двух выше указанных действий – вручение копии обвинительного акта и ознакомление с материалами дела. Представляется, что такой подход также не является ограничивающим обвиняемого в возможности высказать свою позицию по предъявленному обвинению, т.к. не лишает его права заявить ходатайство о даче показаний.

Как отмечалось в начале статьи, в уголовном процессе России существует дискуссия о необходимости предъявления обвинения в его классической форме при производстве дознания. Некоторые эксперты, утверждают, что отсутствие этого института нарушает права обвиняемого, поскольку он не может официально выразить свое отношение к предъявленным обвинениям до составления обвинительного акта [3]. Однако мы, выражая солидарность с рядом других ученых, придерживаемся мнения, что данный подход излишне формалистичен и не учитывает особенности дознания как более оперативной формы расследования.

Рассмотрим аргументы обеих сторон. Высказывающиеся «за» предъявление обвинения в дознании ссылаются на то, что ознакомление с обвинительным актом само по себе не обеспечивает полноценную защиту. Лишь предъявление обвинения в классической форме (устное, с зачитыванием обвинительного акта и разъяснением прав) позволяет обвиняемому сразу же ознакомиться с конкретными обвинениями в деталях, что важно для выработки стратегии защиты и поиска доказательств, возможности заявления ходатайств о проведении следственных действий, а также высказывания своей позиции по предъявленному обвинению. В этом смысле предъявление обвинения является ключевым моментом, с которого начинают действовать процессуальные права обвиняемого.

Позиция «против» предъявления обвинения в дознании обосновывается тем, что данная форма расследования изначально задумывалась законодателем как упрощенная, приоритетами которой являются быстрое и эффективное установление фактических обстоятельств дела [4]. Предъявление обвинения в классической форме увеличивает временные затраты, что может негативно сказаться на сроках расследования.

Еще одним моментом, на котором хотелось бы остановить свое внимание, является законодательно установленная возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого вне зависимости от формы расследования. Это в свою очередь обусловило закрепление за дознавателем права предъявления обвинения лицу в случае невозможности в десятидневный срок с момента избрания указанной меры пресечения составить обвинительный акт и завершить дознание.

Вместе с тем, системный анализ норм 32 главы УПК РФ обнаруживает невозможность ясного понимания, кто и в каком порядке берет на себя функции предъявления обвинения в случае возникновения необходимо-

сти. Уголовные дела, расследуемые в форме дознания, не отличаются сложностью, а, следовательно, применение заключения под стражу в дознании – исключение, а не правило. Изучение материалов архивных уголовных дел позволяет выявить четкую тенденцию, что практика предъявления обвинения подозреваемым в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в рамках дознания является сведенной к минимуму.

Хотя, как закономерно следует из системного анализа норм УПК РФ, право вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого и предъявить обвинение у дознавателя однозначно есть. Кроме того, если в первоначальной редакции ч. 3 ст. 224 УПК РФ отсутствовало указание на то, что после предъявления обвинения дознание продолжается в порядке, установленном данной статьей, то поправки, внесенные ФЗ от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ устранили этот недостаток, поэтому сейчас разночтения в решении этого вопроса недопустимы.

Однако в нормах процессуального кодекса по-прежнему отсутствует разрешение ситуации, возникающей при составлении обвинительного акта в случаях, когда ранее при производстве дознания уже состоялось привлечение лица в качестве обвиняемого [5]. Нам кажется, что в подобных случаях следует учитывать, что в традиционном дознании (без предъявления обвинения) перед составлением обвинительного акта (обвинительного постановления) стоят две задачи: обобщение результатов расследования и определение правового статуса лица, привлеченного к уголовной ответственности, чтобы оно могло воспользоваться предоставленными законом правами в рамках уголовного процесса. В случае если к моменту завершения производства по делу лицо уже наделено процессуальным статусом и способно реализовывать его способно его в полной мере, при отсутствии новых обстоятельств преступления после предъявления обвинения, обвинительный акт как документ, формулирующий обвинение, теряет свою значимость, приобретая значение, аналогичное обвинительному заключению, составленному по итогам предварительного следствия.

Таким образом, полагаем, что представленные в настоящей статье попытки интерпретировать отдельные аспекты правоприменения процессуальных норм, регламентирующих заключительный этап дознания и вынесения обвинительного акта, позволили выявить неоднозначность толкования действующих правовых норм, а также подтвердить необходимость отхождения от стереотипов незыблемости института предъявления обвинения как гаранта реализации права на защиту.

1. Власова Н.А. Сущность дознания: сравнительно-правовой аспект и современные проблемы [Электронный ресурс] // Журнал-клуб «ЗНАТЬ». 2008. 25 нояб. URL: <http://wu.w.znat.ru/data/news;76-vlasova-n.a.-sushhnost-doznaniya-sravnitelno.html>.

2. Татьяна Л.Г. Проблемы реализации прав обвиняемого по делам, расследуемым органами дознания // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвуз. сб. науч. трудов. Уфа, 2003. С. 167.

3. Арестова Е.Н. Проблемы соблюдения прав участников уголовного судопроизводства при окончании дознания составлением обвинительного акта // Российский следователь. 2008. № 4. С. 4.

4. Муравьев К.В., Писарев А.В., Смирнова И.С., Супрун С.В. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания системы МВД России: учебное пособие. М: ЦОКР МВД России, 2010. 136 с.

5. Петрова А.И., Баксакова В.Е. Особенности предъявления обвинения в дознании // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы Ежегодной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Университета управления «ТИСБИ» / под ред. Н.М. Прусс, А.Н. Грязнова. 2017. С. 227.

Сведения об авторе

Чупахина Марина Юрьевна. Кандидат юридических наук. Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, окончание дознания, обвинительный акт, предъявление обвинения.

Шайдуллина Э.Д., Денисов Д.А.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ АДВОКАТУРЫ РОССИИ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

На сегодняшний день институт защиты в уголовном судопроизводстве нуждается как в реформировании на законодательном уровне, так и в оптимизации правоприменительной деятельности, связанной со взаимодействием защитника со следователями и дознавателями при расследовании уголовных дел. В данной статье предложен один из вариантов оптимизации данного направления в досудебном уголовном судопроизводстве.

Институт адвокатуры – важный элемент гражданского общества. От правильного понимания места и роли адвоката в уголовном процессе во многом зависит соблюдение государственными органами прав и законных интересов граждан [1, с. 11]. Деятельность адвоката-защитника по уголов-

ным делам представляет собой реализацию конституционного положения о квалифицированной юридической помощи [2, с. 34].

В процессе осуществления своей деятельности у защитников возникают множество проблем с их вызовом, назначением и другими организационными вопросами, что также подтверждается в литературе [3, с. 21]. Ведь при правильном определении вступления лица в уголовное судопроизводство в качестве защитника зависит дальнейшее определение правильности проведения процессуальных действий и принятия процессуальных решений. В противном случае полученные доказательства должны быть признаны недопустимыми [4, с. 18].

В настоящее время вышеуказанные сложности в ряде регионов решаются посредством комплексной информационной системы Адвокатуры России – это программное обеспечение, разработанное специально для работы адвокатов и уполномоченных лиц в России. Система предоставляет возможности для эффективного управления делами, документами и клиентской базой адвокатской организации.

Главной целью «КИС Адвокатуры» является автоматизация и упрощение рутинных задач, связанных с ведением дел, хранением и обработкой информации, а также повышение качества и оперативности предоставления юридических услуг.

Среди плюсов Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве следует отметить следующие:

- автоматизированная система распределения адвокатов по назначению органов дознания, следствия или суда исключает «карманных адвокатов»;

- к участию в делах по назначению допускаются адвокаты, осуществляющие свою деятельность в адвокатских кабинетах;

- принцип непрерывной защиты позволяет говорить о качественной и в полном объеме оказываемой адвокатами по назначению квалифицированной юридической помощи.

С внедрением региональными адвокатскими палатами автоматизированных систем назначения адвокатов в качестве защитников такие задачи, как справедливое и равномерное распределение дел по назначению между адвокатами, прозрачность, оперативность, обеспечение защитника по назначению на любой стадии судопроизводства под контролем органов адвокатского самоуправления, в целом решены. Можно говорить о том, что и проблема «карманных адвокатов», оказывающая негативное влияние на качество юридической помощи, там, где используются цифровые технологии в назначении защитников, решается.

В состав «КИС Адвокатуры» могут входить следующие модули и функциональные возможности:

1. Учет дел адвокатской организации – система позволяет вести учет всех дел клиентов, включая информацию о клиентах, даты представления, стадии дела, сроки и документы, связанные с делом.

2. Учет времени и задач – адвокаты могут отслеживать затраченное время на каждое дело, вести список задач и контролировать сроки их выполнения.

3. Электронное хранение и обработка документов – система предоставляет возможность сканирования, хранения и классификации документов, связанных с делами, а также обеспечивает их быстрый и удобный доступ.

4. Архив дел – система может автоматически создавать электронные архивы дел, позволяя быстро найти и получить необходимую информацию о прошлых делах.

5. Система управления клиентской базой – «КИС Адвокатуры» позволяет вести базу данных клиентов, включая контактную информацию, историю дел и другую информацию, необходимую для работы с клиентами.

6. Система отчетности – система предоставляет статистическую и аналитическую информацию о работе адвокатской организации, включая данные о доходах, расходах, количестве дел, сроках и прочем.

«КИС Адвокатуры» рассчитана как на использование отдельными адвокатами, так и на работу в нескольких филиалах или офисах адвокатской организации. Система обеспечивает высокую безопасность и конфиденциальность информации, а также возможность интеграции с другими системами и базами данных для более эффективной работы.

Полагаем целесообразным расширять географию использования комплексной информационно-системы Адвокатуры России на всей территории нашего государства, так как это позволяет сократить время и усилия, затрачиваемые на организацию и ведение дел, повышает эффективность и качество работы адвокатов и уполномоченных лиц, а также обеспечивает сохранность и доступность информации.

Если говорить об использовании данной «КИС Адвокатуры» в Республике Татарстан, то здесь имеются небольшие трудности по ее непосредственному внедрению в работу следователей и дознавателей. Адвокатская палата РТ, направив письмо в адрес Главного следственного управления МВД по РТ о внедрении системы «КИС Адвокатуры», получила исчерпывающий ответ следующего содержания: «Для корректной работы системы на автоматизированном рабочем месте (АРМ) пользователя необходима установка Интернет браузера и наличие доступа в сеть Интернет. В настоящее время, в соответствии с внутренними нормативными актами, сотрудникам органов внутренних дел Республики Татарстан запрещена установка на АРМ программных продуктов, посредством которых осуществляется или возможен доступ в сеть Интернет, соответственно использование КИС АР в работе дознавателей и следователей не предостав-

ляется возможным» [5]. Полагаем, что в данной проблемой могут столкнуться не только в ГСУ МВД по РТ, но и в других следственных органах и подразделениях дознания МВД России. Одним из вариантов решения может стать рассмотрение возможности допуска сети «Интернет» на рабочих местах следователей и дознавателей.

1. Вдовцев П.В., Чарыков А.В. О некоторых проблемных вопросах статуса защитника в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2023. № 2. С. 11–15.

2. Шорыгин К.С. Функциональная сущность деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2022. № 1. С. 30–34.

3. Ерохина А.С., Семенов Е.А. Реализация права на защиту в уголовном судопроизводстве // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов (Воронеж, 21 мая 2020 г.). Ч. 1. Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 20–22.

4. Щербакова А.А. О процессуальном статусе защитника в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования // Адвокатская практика. 2024. № 2. С. 17–20.

5. Письмо Адвокатской палаты РТ в адрес ГСУ МВД по РТ о введении КИС АР [Электронный ресурс]: от 10 октября 2023 г. URL: <https://aprt.fparf.ru/news/chamber/pismo-gsu-mvd-po-rt-o-vnedrenii-kis-ar/> (дата обращения 20.07.2024).

Сведения об авторах

Шайдуллина Эльвира Дамировна. Кандидат юридических наук, доцент. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса.

Казанский юридический институт МВД России.

420108, Российская Федерация, Казань, ул. Магистральная, д. 35.

Денисов Дмитрий Андреевич. Следователь следственного отдела.

ОМВД России по Засвияжскому району г. Ульяновска.

432008, Российская Федерация, г. Ульяновск, ул. Автозаводская, д. 1.

Ключевые слова: предварительное расследование, адвокат, защитник, взаимодействие.

Шараева Я.А.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Статья посвящена рассмотрению основных проблем, возникающих при принятии решения о возобновлении уголовного дела. Автором дан анализ эффективности работы следственных органов и органов дознания, их взаимодействия между собой, встречающиеся в современной следственной практике, а также предложены конкретные пути решения указанных проблем.

В ходе расследования по уголовному делу, в частности на этапе возобновления предварительного расследования, могут возникнуть определенные трудности, способствующие нарушению положений уголовно-процессуального законодательства, прав и законных интересов участников производства по делу. Возобновление предварительного расследования, как процессуальное действие, выступает промежуточным решением, это связано с тем, что оно допустимо только после ранее принятого решения, а именно приостановления уголовного дела. В связи с чем, выявление, детальный разбор и корректировка проблемных аспектов возобновления предварительного расследования допустимо в комплексном изучении с приостановлением уголовного дела. В данной статье будут рассмотрены наиболее важные проблемные вопросы процедуры возобновления предварительного расследования, эффективности работы следственных органов и органов дознания, их взаимодействия между собой, встречающиеся в современной следственной практике, а также будут предложены конкретные пути решения данных проблем.

После приостановления уголовного дела по основаниям, предусмотренных ст. 208 УПК РФ, производство следственных, а также других процессуальных действий не допустимо. Проводя анализ следственной практики, наиболее часто уголовные дела приостанавливаются по основанию п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, а именно в случаях, когда личность преступника не установлена. Такие уголовные дела именуются «фактовыми», то есть возбуждаемыми по факту выявления признаков преступления, например, обнаружение трупа с признаками насильственной смерти, уничтожение имущества, хищение, совершенное путем обмана. В данном случае, уголовное дело может быть приостановлено после выполнения полного комплекса следственных действий, проводимых без участия подозреваемого или обвиняемого. После чего по поручению следователя оперативные работники должны осуществлять оперативно-разыскные мероприятия, направленные на розыск преступника, получение важной и значимой оперативной информации, имеющей значение по уголовному делу, при наличии

которой возможно дальнейшее расследование дела. И здесь возникает ряд проблем, связанных с формальным отношением к выполнению своих должностных обязанностей органа дознания по установлению соответствующих обстоятельств в ходе оперативной деятельности, что является следствием несвоевременности принятия решения о возобновлении предварительного расследования. Формальный подход и фактическое отсутствие работы по поиску преступника, а также сбору значимой информации не дает возможности следователю продолжить производство по делу. Данное обстоятельство способствует полной и безвозвратной утере вещественных доказательств, идеальных следов преступления, в связи с тем, что возможные свидетели по истечении времени могут забыть определенные детали преступления. Все эти данные способствуют возобновлению расследования, а также в дальнейшем формируют доказательную базу.

Также затягивание принятия решения о возобновлении следствия может привести к тому, что по нему истекнут сроки давности, так как срок, в течение которого уголовное дело может быть приостановлено, действующим законодательством не установлен. В соответствии со ст. 78 УК РФ лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности со дня совершения преступления, если истекли следующие сроки:

- 1) два года после совершения преступления небольшой тяжести;
- 2) шесть лет после совершения преступления средней тяжести;
- 3) десять лет после совершения тяжкого преступления;
- 4) пятнадцать лет после совершения особо тяжкого преступления.

Истечение сроков давности способствует дальнейшему прекращению дела. Следовательно, лицо, причастное к преступлению не понесет справедливое наказание за содеянное.

Низкая эффективность работы оперативных сотрудников по выявлению лиц, причастных к совершению преступления, связана с отсутствием должного практического опыта и недостаточностью квалификации, что приводит к определенным ошибкам, недостаточное материально-техническое оснащение сотрудников. На сегодняшний день замечается рост преступлений, совершенных в сфере компьютерных технологий, что прямо указывает на потребность в постоянном совершенствовании технического обеспечения правоохранительных органов в целом [1, с. 96]. Также имеет место быть на этапе возобновления предварительного расследования проблема взаимодействия следователя с иными подразделениями. Отсутствие четко выработанной модели сотрудничества неблагоприятно сказывается на эффективности передачи значимой информации, которая может пригодиться для возобновления предварительного расследования.

Еще одной значимой проблемой на этапе возобновления предварительного расследования является неоднократное приостановление с последующим возобновлением дела по выдуманным основаниям. Это нарушение напрямую связано со сроками расследования. Срок следствия по уго-

ловному делу составляет 2 месяца по общему правилу, который может быть продлен руководителем следственного органа до 3 месяцев. После чего решение о продлении срока предварительного расследования принимает руководитель следственного органа соответствующего субъекта до 12 месяцев. Срок следствия более 12 месяцев продлевается в исключительных случаях руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти. В связи с этим, во избежание ведомственного контроля со стороны вышестоящих следственных органов, в ходе которого могут быть выявлены ошибки, недочеты и нарушения, незаконно принятые решения по уголовному делу, что может привести к назначению служебной проверки в отношении следователя и его руководителя с последующим привлечением к дисциплинарной ответственности, следователем принимается решение о приостановлении уголовного дела по основанию, которое не обосновано фактическими обстоятельствами. Например, лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, данное лицо не скрывалось, но следователем было вынесено решение о приостановлении уголовного дела в связи с наличием основания, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, что говорит о наличии факта нарушения меры пресечения подозреваемым или обвиняемым. Это делается в связи с тем, что в ч. 6 ст. 162 УПК РФ, сказано, что руководитель следственного органа при возобновлении предварительного расследования устанавливает срок следствия до 1 месяца независимо от того сколько раз оно приостанавливалось и возобновлялось ранее. Таким способом следствие может продлевать сроки в обход ведомственного контроля, нарушая тем самым законные права подозреваемого. Так, при рассмотрении дела судом, наличие сведений о попытке скрыться от органа следствия будет выступать отягчающим обстоятельством для подсудимого.

На этапе возобновления предварительного расследования можно столкнуться с еще одной проблемой: конфликтные ситуации между следователем и другими участниками уголовного дела. Следователь, как процессуально независимое лицо, самостоятельно определяет ход расследования, соответственно принимаемые им решения могут вызвать несогласие со стороны других участников расследования, приводящее к конфликтным ситуациям, во избежание которых следователю стоит выработать определенную модель общения с участниками производства, находиться с ними в постоянном контакте, уделять больше внимания разъяснению прав и обязанностей каждого участника производства по уголовному делу, а также разъяснению своих законных и обоснованных решений по приостановлению и возобновлению предварительного расследования [2, с. 7].

Таким образом, проблемы, возникающие в ходе реализации процедуры возобновления предварительного расследования после приостановления, оказывают серьезное воздействие на законность и обоснованность

осуществления данных процессуальных действий. В ходе подробного исследования было выявлено, что наиболее существенными проблемами в данной области являются:

- несвоевременное принятие решения о возобновлении предварительного следствия;
- низкоэффективная и носящая формальный характер оперативно-разыскная деятельность;
- недостаточно налаженное и организованное взаимодействие следствия с другими подразделениями;
- возобновление предварительного расследования по надуманным и необоснованным основаниям с целью продления срока следствия в обход принятию соответствующего решения руководителем вышестоящего следственного органа;
- конфликтные ситуации, возникающие между следователем и другими участниками производства по уголовному делу при несогласии с решениями следователя.

Для решения обозначенных проблем целесообразно усиление контроля со стороны руководителей, прокуратуры работы оперативных сотрудников по розыску лиц и поиску значимой информации по уголовному делу. Необходима разработка методических рекомендаций по взаимодействию следователя с иными подразделениями, оказывающими содействие в расследовании по уголовному делу. Важно обеспечить все подразделения, задействованные в раскрытии и расследовании преступлений, современным материально-техническим оснащением в соответствии с современными технологиями и достижениями науки. С целью предотвращения необоснованного возобновления предварительного расследования, осуществляемого для продления сроков следствия. Таким образом, целесообразно внести изменения в УПК РФ, а именно в ч. 6 ст. 162 УПК РФ, ограничив полномочия руководителя следственного органа низового звена по неоднократному установлению сроков следствия, если срок уже составляет 3 месяца.

Реализация данных предложений способствует повышению эффективности возобновлению предварительного расследования, обеспечит законность и обоснованность данного процессуального решения.

1. Латыпов В.С. Институт приостановления предварительного расследования: вопросы теории и нормативного регулирования // *Lex Russica*. 2022. № 10 (191). С. 95–104.

2. Кудряшова Е.С. О возвращении к исходной идее дознания // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2020. № 3. С. 5–10.

Сведения об авторе

Шараева Яна Анатольевна. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры уголовного процесса.

Ростовский юридический институт МВД России.

344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Ключевые слова: приостановление уголовного дела, возобновление уголовного дела, срок следствия, срок давности, руководитель следственного органа.

Шиян В.И.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО В СТАТЬЮ 73 УПК РФ

В статье рассматриваются актуальные в теоретическом и практическом значении проблемы правоприменительной практики, связанные с предметом доказывания в уголовном судопроизводстве. Анализ материалов следственно-судебной практики и практическая деятельность в следственном подразделении позволили автору предложить включить в предмет доказывания обстоятельства, характеризующие личность потерпевшего. В статье показано влияние личности потерпевшего на выявление особенностей личности виновного, на квалификацию преступления, оценку показаний, установление истины по делу, назначение наказания виновному и другие обстоятельства.

В науке уголовного процесса предмет доказывания традиционно определяется как система обстоятельств, выражающих свойства и связи исследуемого события, существенные для правильного разрешения уголовного дела и реализации в каждом конкретном случае задач судопроизводства. Эти обстоятельства устанавливаются путём процессуального доказывания, т.е. с помощью предусмотренных законом средств и способов. Определённость предмета доказывания обуславливает направление и границы исследования.

В уголовно-процессуальном законодательстве перечислен ряд обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе и характеризующих личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Наряду с этим в указанной норме отсутствуют подобные обстоятельства относительно личности потерпевшего. Однако участниками преступления являются две стороны – преступник и потерпевший от преступления. Еще в XIX столетии немецкий юрист А. Фейербах в своем фундаментальном труде «Документальное

изложение наиболее знаменитых преступлений» высказал аргументированное утверждение о том, что потерпевший в отдельных случаях становится первопричиной преступного деяния, от которого несет ущерб. Английский исследователь Ф. Джесс в работе «Убийство и его мотивы» (1859 г.) обращает внимание на то, что существуют люди, предрасположенные «быть убитыми», то есть люди, которые своим поведением вызывают направленную против них агрессию убийц [5]. Американский социолог Ф. Вертхам в работе «Картина насилия», опубликованной в 1949 г., писал: «В наших дискуссиях об аномальной психологии убийцы мы начисто забываем о его жертве. Мне думается, что нельзя хорошо понять психологию убийцы, если не понимаешь социологию его жертвы» [6].

Действительно, личностные особенности потерпевшего играют существенную роль как в выборе им линии поведения, так и в выборе средств реализации намеченных целей во взаимодействии с потенциальным преступником. В этой связи С.П. Кочешев справедливо заметил, что поведение потерпевших взаимосвязано с их личностными особенностями, поскольку личность и ее психологические свойства одновременно и предпосылка, и результат ее деятельности. Внутреннее психологическое содержание поведения, складывающееся в условиях определенной ситуации, особенно значимой для личности, переходит в относительно устойчивые свойства личности, а свойства личности, в свою очередь, сказываются в ее поведении. Таким образом, особенности личности потенциальной жертвы, образ ее жизни, характер взаимоотношений с возможным преступником могут способствовать зарождению преступного умысла, а также определить способы совершения того или иного преступления. В других же случаях поведение потенциальной жертвы может, наоборот, помешать реализации преступного умысла, внушить преступнику жалость, симпатию, страх и другие сдерживающие чувства [6]. Подобные аспекты, требующие тщательного изучения личности потерпевшего, мы видим и в научных работах других исследователей [1].

Личностные и поведенческие особенности потерпевшего, их влияние на криминальную ситуацию обычно рассматриваются с точки зрения виктимологии, но и в уголовном судопроизводстве они имеют существенное значение [2].

Изучение личности потерпевшего целесообразно проводить на всех стадиях уголовного процесса, в том числе и при судебном рассмотрении уголовных дел, поскольку исследование отношений, сложившихся между виновным и потерпевшим, позволяют наиболее полно и объективно оценить все обстоятельства дела, способствуют выявлению особенностей личности виновного, а также установлению истины по делу. Кроме того, это дает возможность более точно подойти к вопросам квалификации преступления и назначения наказания виновному.

Оценка показаний потерпевшего, по существу также невозможна без изучения его личности. Особое значение это имеет в тех случаях, когда потерпевшего нет в живых, поскольку воссоздать его поведение, а, следовательно, оценить и поведение обвиняемого при отсутствии иных объективных источников доказательств невозможно иначе, как на основе этого изучения.

Некоторые свойства присущие потерпевшему указаны законодателем в диспозициях норм Особенной части УК РФ в качестве криминообразующих признаков преступления. Например, систематическое противоправное или аморальное поведение потерпевшего, вызывающее состояние аффекта у виновного (ст. 107 УК РФ). В подобных ситуациях потерпевший, являясь участником криминальной ситуации, вносит свой вклад в создание обстановки совершения преступления. Именно поведение потерпевшего становится поводом к совершению в отношении него преступления.

Отметим, что отрицательное поведение потерпевшего позволяет определить вид умысла. Например, аффектированный, заранее обдуманый, конкретизированный (определенный) или неконкретизированный (неопределенный).

Наряду с поведенческими свойствами потерпевшего в качестве криминообразующих признаков уголовный закон выделяет возрастные, статусные и иные личностные особенности, обуславливающие характер и (или) степень общественной опасности преступного деяния. При формулировании норм Особенной части УК РФ законодатель многократно указывает на признаки, характеризующие потерпевшего. Причем в ряде составов они относятся практически ко всем его элементам.

Таким образом, в рамках уголовно-правовых отношений признаки потерпевшего оказывают влияние на криминализацию деяния, на степень общественной опасности преступления.

Характеристика личности потерпевшего особую значимость имеет и в криминалистической методике расследования преступлений, т.к. потерпевший со своими личными качествами, которые обуславливают его поведение, является активным элементом криминальных ситуаций. Кроме того, данные о тех или иных свойствах потерпевшего могут использоваться при определении круга лиц, среди которых следует искать преступника. Наличие той или иной связи между потерпевшим и преступником определяет возможный способ совершения преступления, недоступный для лиц, в такой связи с потерпевшим не состоящих [4]. Изучение личности потерпевшего позволяет выдвинуть версии о мотиве и цели преступления.

В связи с приведенными обстоятельствами правоприменительные органы должны заниматься изучением личности потерпевшего, ее свойств, качеств, действий до, во время и после совершения преступления, а также выяснением ее роли в механизме преступления.

Например, преступное поведение женщины чаще вызывается противоправными действиями потерпевшего, на которых обращается ими же

спровоцированное преступление. Эти действия могут выражаться в грубом обращении, оскорблении, насилии, провокации, подстрекательстве и т.п. Проиллюстрируем это следующим примером.

А. (51 год), находясь в зарегистрированном браке, на протяжении длительного времени злоупотреблял спиртными напитками. При этом, будучи человеком вспыльчивым и агрессивным устраивал беспричинные скандалы. Во время скандалов А. оскорблял и избивал свою жену, часто в присутствии родственников и знакомых. В один из вечеров А., находясь в состоянии алкогольного опьянения, пришел домой, разбудил спящую с малолетним внуком супругу, схватил ее за волосы и несколько раз ударил кулаком по лицу. Защищаясь от противоправных посягательств мужа, Л. (49 лет) кухонным ножом нанесла ему удар в область груди. Через несколько минут А. умер. Л., была осуждена за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ).

Безусловно, Л. виновна в совершении инкриминируемого ей деяния, но в данной ситуации очевидно, что поводом к совершению преступления явилось аморальное и противоправное поведение потерпевшего А., а не антиобщественная установка личности Л.

Изучение специфики личности потерпевшего, совершенно ясно показывает, насколько оно необходимо для правильного, объективного рассмотрения уголовного дела. При этом особое внимание следует обращать на характер взаимоотношений, сложившихся между преступником и потерпевшим, а также отношения, в которых они состоят между собой (включая родственные, соседские, служебные и др.); учитывать все социально-демографические данные потерпевшего, нравственно-психологические характеристики, прямо или опосредованно влияющие на поведение потерпевшего [3].

Учитывая изложенное, целесообразно в число обстоятельств, подлежащих доказыванию (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), включить и те, которые характеризуют личность потерпевшего. Конечно, не в каждом преступлении специфические свойства потерпевшего оказывают влияние на преступное поведение виновного. Безусловно, существенное значение они имеют при совершении, прежде всего, насильственных преступлений. Однако применительно не к каждому уголовному делу мы можем говорить и об обстоятельствах, исключающих преступность и наказуемость деяния (п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), обстоятельствах, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), а также предусмотренных п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

1. Варданян А.В., Фойгель Е.И. Некоторые аспекты криминалистического изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего по делам о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 3. С. 263–272.

2. Кочешев С.П. Виктимологические особенности потерпевшего // Военно-юридический журнал. 2006. № 10. С. 16–18.
3. Кулиев И.Б. Ключевые аспекты, характеризующие личность преступника, потерпевшего, свидетеля // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 4. С. 303–309.
4. Мадьюгин Г.Н. Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего. М., 1967. 137 с.
5. Полубинский В.И. Зарождение и развитие учения о жертве преступления // Безопасность личности и виктимологические проблемы предупреждения преступлений: материалы научно-практической конференции. М.: ВНИИ МВД России, 2007. 246 с.
6. Полубинский В.И. Криминальная виктимология. М.: ВНИИ МВД России, 2008. 210 с.

Сведения об авторе

Шиян Валентина Ивановна. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность».

Юридический институт Российского университета транспорта.
127055, Российская Федерация, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 4.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предмет доказывания, обстоятельства, подлежащее доказыванию, личность потерпевшего, истина в уголовном процессе.

Юшина К.А.

СУЩНОСТЬ И НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА О ЯВКЕ

В статье с учетом действующего уголовно-процессуального законодательства проводится анализ применения обязательства о явке, которое является мерой уголовно-процессуального принуждения. Уделяется внимание некоторым проблемам, возникающим в правоприменительной практике при применении этой принудительной уголовно-процессуальной меры, и предлагаются способы их решения.

Современную уголовно-процессуальную деятельность невозможно представить без применения принуждения, которое, несмотря на свой ограничивающий и карательный характер, призвано обеспечивать защиту прав личности, вовлеченной в уголовный процесс, от всякого рода незаконных и необоснованных процессуальных ограничений, и нарушений.

Институт уголовно-процессуального принуждения имеет перспективный характер, на что указывают многочисленные изменения уголовно-процессуального закона в части оснований, условий и порядка избрания, а также особенностей применения мер уголовно-процессуального принуждения [1, с. 23]. Наряду с этим фундаментальные положения этого института остаются неизменными вот уже длительное время.

Уголовно-процессуальный закон содержит целый ряд мер принудительного характера, существование которых предопределяет возможность осуществления уголовного судопроизводства. Значительная часть мер процессуального принуждения применяется в отношении лица, преследуемого в уголовно-процессуальном порядке, для обеспечения его участия в производстве процессуальных и следственных действий по расследуемому уголовному делу, пресечения возможных попыток оказания противодействия органам предварительного расследования. Но также меры могут применяться и в отношении иных лиц, принимающих участие в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Одной из мер процессуального принуждения, которая может применяться в уголовном судопроизводстве, является обязательство о явке.

Обязательство о явке представляет собой письменное обязательство лица своевременно являться по вызову к должностным лицам, осуществляющим производство по делу, и незамедлительно сообщать им о перемене своего места жительства или пребывания. Его нарушение может привести к уголовно-процессуальной ответственности, включая применение мер пресечения, что изложено в самом обязательстве.

С процессуальной стороны такая мера уголовно-процессуального принуждения включает в себя следующие действия:

- 1) принятие решения об этой мере (вынесения отдельного правоприменительного акта не требуется);
- 2) получение письменного обязательства от конкретного участника уголовно-процессуальных отношений, в отношении которого она применяется;
- 3) разъяснение последствий не соблюдения обязательств (применение привода или наложение денежного взыскания);
- 4) реагирование на несоблюдение предписанных обязательств.

«Обязательство о явке может применяться в отношении лица, преследуемого в уголовно-процессуальном порядке (подозреваемого, обвиняемого), в отношении потерпевших и свидетелей. Наряду с этим упоминание в ч. 2 ст. 111 УПК РФ «экспертов, специалистов, переводчиков и понятых в контексте, в котором они также могут быть обязаны явиться, может показаться несколько избыточным, поскольку процессуальный статус указанных лиц уже предусматривает их обязанность не уклоняться от явки по вызову органов расследования и суда. Эта информация, как правило, дово-

дится до их сведения при ознакомлении с их правами и обязанностями» [2, с. 132].

Имея некоторое сходство с такой мерой пресечения, как подписка о невыезде, обязательство о явке отличается от последней тем, что участник уголовного судопроизводства не обязан получать предварительного разрешения от органов предварительного расследования или суда для изменения своего фактического места нахождения, но обязан незамедлительно сообщать о перемене места жительства» [3, с. 136]. Такое сообщение представляется важным, поскольку иногда неучастие конкретного лица в процессе осуществления предварительного расследования может повлечь за собой негативные последствия. Например, следователю необходимо провести очную ставку между гражданином РФ и гражданином иностранного государства, у которого заканчивается виза и ему на следующий день необходимо в срочном порядке покинуть территорию РФ, а явиться снова на территорию страны он сможет не скоро. Безусловно, если следователь не организует производство следственного действия в указанное время, то он столкнется с рядом серьезных сложностей. Именно поэтому законодатель прописал требование о незамедлительном сообщении участником уголовного судопроизводства о перемене своего места жительства.

Отсюда можно заключить, что обязательство о явке представляет собой комбинацию двух важных аспектов: в обозначенное время являться по вызовам уполномоченных органов и немедленно оповещать об изменении места жительства. Руководствуясь такой логикой и избирая такую меру, соответствующие органы предоставляют участникам уголовного процесса возможность свободного передвижения при условии получения разрешения, которая должна подкрепляться добросовестным выполнением своих процессуальных обязанностей лицами, в отношении которых такая мера применяется.

Представляется, что в уголовно-процессуальном законе должна сохраняться именно такая формулировка: «... об изменении места жительства (места пребывания)», поскольку зачастую гражданин может менять именно место пребывания, не становясь на регистрационный учет (причиной изменения места пребывания может быть – обучение в другом городе, выполнение трудовых функций (командировка) в другой город, отпуск и др.). А ввиду того, что в законе говорится об «изменении места жительства», участник уголовного судопроизводства может ошибочно подумать, что сообщать о смене места своего пребывания органам предварительного расследования не стоит, что в отдельных ситуациях может повлечь серьезные последствия и для процесса расследования и для этого лица.

В отношении лиц, упомянутых в ч. 2 ст. 111 УПК РФ (за исключением гражданских истцов и ответчиков), а также субъектов, участвующих в досудебных соглашениях о сотрудничестве, согласно положениям ст. 42, 56–60 и 112 УПК РФ, предусматривается обязанность являться по пригла-

шениям органов расследования или суда. «Следовательно, стоит согласиться с утверждением, согласно которому для данной категории лиц изменение места проживания не приобретает критического значения, требующего немедленного уведомления органов расследования или суда. Поэтому назначение им дополнительного обязательства о явке является излишним, поскольку они фактически уже предоставляют такое обязательство органам расследования или суду, подписывая разъяснения о своих правах и обязанностях» [4, с. 61].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодатель не обозначил основания для применения обязательства о явке, указав лишь на необходимость такого применения и сохранив за субъектами уголовно-процессуальной деятельности право для применения этой меры по своему внутреннему убеждению. Наряду с этим отдельные исследователи предлагают закрепить в уголовно-процессуальном законе перечень таких оснований [5, с. 35].

С одной стороны, в научной литературе весьма критично рассматривается категория «необходимость» ввиду того, что происходит грамматическое нагромождение смысла этого слова [6, с. 105].

С другой стороны, фиксация в уголовно-процессуальном законе оснований для избрания обязательства о явке в качестве принудительной меры уголовно-процессуального принуждения может использоваться участниками уголовного судопроизводства для обжалования решения о применении этой меры со ссылкой на нарушение прав граждан [7, с. 176]. Поэтому применение обязательства о явке должно быть вызвано объективной необходимостью в этом и не может быть сопряжено с необоснованным ограничением или нарушением прав и законных интересов участников процесса, в отношении которых она принимается.

Представляется, что обязательство о явке в обязательном порядке должно применяться в случаях:

1) если участник уголовного судопроизводства ранее привлекался к ответственности за нарушение норм уголовного закона или ведет антиобщественный образ жизни;

2) если имеются не подтвержденные уголовно-процессуальным путем подозрения причастности конкретного гражданина к совершению противоправного деяния, запрещенного уголовным законом.

Еще одним проблемный момент возникает, когда имеется объективная необходимость в применении этой меры в отношении несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Формально такая мера может применяться и в отношении несовершеннолетних. Но они еще не обладают полной дееспособностью, вследствие чего представляется правильным в подобных случаях применять эту принудительную уголовно-процессуальную меру в отношении законных представителей несовершеннолетних, которые участвуют в деле, полностью представляя и отстаивая права и закон-

ные интересы несовершеннолетних участников уголовно-процессуальных отношений».

Обобщая изложенное, заметим, что обязательство о явке представляет собой письменное гарантию лица своевременно являться по вызову к должностным лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство, и незамедлительно оповещать их о перемене своего места жительства или пребывания. Совершая подобное действие, участник процесса оказывает содействие следователю, который организует и планирует производство процессуальных, не процессуальных и следственных действий с учетом информации о месте фактического нахождения участника уголовного судопроизводства. Вместе с тем несвоевременное сообщение о данном факте отрицательно отразится, как на процессе расследования, так и будет влечь негативные последствия для этого участника – к нему может быть применена другая мера принуждения – привод, или же мера пресечения. Вследствие несовершенства нормативной регламентации применения этой принудительной меры уголовно-процессуального характера считаем целесообразным ч. 2 ст. 112 УПК РФ после словосочетания: «места жительства» дополнить словосочетанием «места пребывания».

1. Булатов Б.Б., Муравьев К.В. Институт мер пресечения в УПК Российской Федерации: динамика развития и перспективы совершенствования // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 6. С. 23–30.

2. Цоколова О.И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого: монография. ВНИИ МВД России, 2008. 308 с.

3. Васильева З.В., Кутуев Э.К. Меры уголовно-процессуального принуждения: понятие, цели, виды и общая характеристика // *Юридическая наука: история и современность*. 2018. № 11. С. 113–142.

4. Самодуров А.Б. Иные меры уголовно-процессуального принуждения и механизм их реализации // *НАУКА МОЛОДЫХ – НАУКА БУДУЩЕГО: сборник статей VI Международной научно-практической конференции*. Петрозаводск, 2023.

5. Политыко О.Е. Обязательство о явке как средство обеспечения надлежащего поведения участников уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела // *Личность, право, государство*. 2017. № 1. С. 32–38.

6. Гараева Т.Б. Обязательство о явке в уголовном процессе: сущность, основания и особенности применения // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2021. Т. 27, № 2 (81). С. 104–108.

7. Маликова Н.В., Абдраязов Р.Р. Правовые и организационные проблемы применения обязательства о явке // *Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов 3-й Международной конференции*. Уфа, 2022. С. 173–179.

Сведения об авторе

Юшина Кристина Александровна. Преподаватель кафедры специальной подготовки.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: обязательство о явке, участник уголовного судопроизводства, место жительства, место пребывания.

Яковлева К.Ю.

ГАРАНТИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИИ В ДОКАЗЫВАНИИ

Автором научной статьи представлена классификация уголовно-процессуальных требований к использованию информационных технологий в доказывании с технической и правовой сторон. Сформулированы гарантии соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в случае применения в уголовно-процессуальном доказывании информационных технологий.

В рамках Концепции технологического развития на период до 2030 года [1] Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин провел совещание по вопросам развития информационных технологий в следственных органах и учреждениях. В результате совещания была поставлена задача по совершенствованию современной цифровой инфраструктуры для повышения эффективности работы по раскрытию и расследованию преступлений, обмена информацией и оптимизации процессов внутренней деятельности, что будет способствовать экономии бюджетных средств и сокращению временных затрат [2].

Все факты свидетельствуют о том, что образуется широкий круг возможностей для применения информационных технологий в уголовно-процессуальном доказывании, под которыми понимаются «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов» [3].

Однако к такому использованию информационных технологий предъявляются требования со стороны уголовно-процессуального законодательства по соблюдению уголовно-процессуальной формы.

Подтверждением необходимости разработки некоторых правил использования информационных технологий является позиция М.С. Сергеева,

который указывает на то, что электронная информация и электронные носители информации не выделены в качестве самостоятельного источника доказательств, соответственно, в отношении данной информации не установлен особый порядок сбора, хранения, представления и оценки [4, с. 72]. Кроме этого, отсутствуют ещё и уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при использовании информационных технологий в доказывании.

Также, по мнению Л.Н. Масленниковой, «применение видеотехнологий, не сопровождаемое созданием дополнительных гарантий прав участников уголовного судопроизводства, а также гарантий достоверности получаемой посредством конкретной технологии информации, может привести к неправильному установлению обстоятельств, имеющих значение для дела, вызывать уголовно-процессуальные споры. Так, для того, чтобы использовать видеомоделирование в доказывании, нужно установить, насколько симуляция близка к первоначальным доказательствам, на основании которых она подготовлена и другие» [5, с. 223].

Согласно таким нормам УПК России, как назначение уголовного судопроизводства, где определена защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК России), закону, который позволяет обвиняемому защищать свои права и законные интересы (ч. 3 ст. 47 УПК России) и другим аналогичным нормам по отношению ко всем участникам уголовного судопроизводства, определяется правило в уголовном процессе по отношению к использованию информационных технологий – обеспечение гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Правильность применения информационных технологий в уголовно процессуальном доказывании заключается в соблюдении технических и правовых правил использования конкретной информационной технологии.

О.В. Химичева полагает, что «не затрагивая все потенциальные направления внедрения информационных технологий в уголовно-процессуальную деятельность, рамки этого процесса должны быть ограничены теми действиями, природа которых позволяет их автоматизировать без существенных изменений уголовно-процессуальных отношений в целом, «использование в уголовном судопроизводстве IT-технологий не должно вытеснять традиционные формы уголовно-процессуальной деятельности, а расцениваться как один из вариантов уголовно-процессуальной формы» [6, с. 189].

Классификации требований, предъявляемых к информационным технологиям, с помощью которых собираются, проверяются и оцениваются доказательства, содержащие электронную информацию:

А) по техническому признаку:

- 1) сертификация информационных технологий;
- 2) корректность результата информационных технологий;

Б) по правовому признаку:

1) правильность функционирования информационных технологий, согласно уголовно-процессуальной форме;

2) применение информационных технологий участником уголовного судопроизводства – специалистом, в случаях при необходимости следователю (дознавателю);

3) возможность отражения в полученном результате функционирования информационных технологий источника первоначальной доказательственной информации – это используемая информационная технология.

В силу того, что информационные технологии в своей основе имеют новую правовую природу, а также на основе вышесказанного нами определен ряд гарантий соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства для возможности использования в уголовно-процессуальном доказывании.

Первая гарантия: информационные технологии не должны изменять уголовно-процессуальную форму, а именно установленный порядок производства и фиксации хода и результата процессуального действия.

Вторая гарантия: обеспечение корректности исходной электронной информации, а именно полученного результата функционирования информационных технологий.

Третья гарантия: использование именно сертифицированных информационных технологий, что впоследствии обеспечит дополнительную гарантию допустимости и достоверности доказательств.

Четвертая гарантия: при использовании в уголовно-процессуальном доказывании информационных технологий возрастает важность такого участника уголовного судопроизводства, как специалист. К участию в уголовно-процессуальном доказывании специалист привлекается при необходимости субъекту доказывания.

Пятая гарантия: обязательное условие использования в уголовно-процессуальном доказывании информационных технологий – это возможность отражения в полученном результате функционирования таких технологий источника первоначальной доказательственной информации.

Седьмая гарантия. Доказательства, содержащие электронную информацию, легко подвергаются изменениям и мгновенному уничтожению, поэтому необходимо своевременно и правильно фиксировать доказательства, и обеспечить дальнейшие их хранение.

Сформулированы следующие особенности фиксации доказательств:

1) оперативность;

2) участие специалиста;

3) наличие специальных устройств для их записи, сохранения и воспроизведения [7, с. 104].

Однако полагается, что оперативность несколько относительное понятие и его предусмотреть во всех случаях невозможно, а уголовно-

процессуальная форма фиксации доказательств, содержащих электронную информацию, должна быть единая.

Размышляя по поводу обязательного участия специалиста в процессе фиксации доказательств, содержащих электронную информацию, также возникает вопрос об этой обязательности. Всё же основным требованием в приоритете необходимо считать единый комплекс средств вычислительной техники (программное обеспечение и технические средства), как для следователя (дознателя), так и для специалиста, эксперта. В данном случае, специалиста можно привлекать к участию в следственном действии при необходимости.

Таким образом, представлена классификация уголовно-процессуальных требований к использованию информационных технологий в доказывании с технической и правовой сторон. Обязательное их наличие обеспечивает корректность функционирования информационных технологий. Данная классификация позволила определить гарантии соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в случае применения в уголовно-процессуальном доказывании информационных технологий.

1. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р: вместе с Концепцией технологического развития на период до 2030 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 22, ст. 3964.

2. Совещание Председателя СК России А.И. Бастрыкина по вопросам развития информационных технологий в следственных органах и учреждениях ведомства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1907336>.

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля. № 165.

4. Сергеев М.С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 322 с.

5. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина и др.; отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2022. 448 с.

6. Химичева О.В. Развитие уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровой трансформации // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранитель-

ной деятельности. Материалы Международной научно-практической конференции: сборник научных статей. В 2 ч. Ч. 2. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 187–194.

7. Собрание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: монография / Е.А. Архипова, Е.В. Быкова, П.А. Литвишко и др.; под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М.: Проспект, 2022. 168 с.

Сведения об авторе

Яковлева Кристина Юрьевна. Кандидат юридических наук. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: информационные технологии, уголовно-процессуальная форма, гарантии прав и законных интересов, участники уголовного судопроизводства.

Якубина Ю.П.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА А.П. ГУЛЯЕВА

В статье проводится анализ научных концепций ученого-процессуалиста А.П. Гуляева. Приводится система процессуальных функций следователя. Высказываются предложения о значимости научных трудов А.П. Гуляева на современном этапе модернизации деятельности органов предварительного расследования.

Деятельность Анатолия Петровича Гуляева оказала огромное влияние на развитие уголовно-процессуального законодательства. Имея практический опыт работы в должности следователя, А.П. Гуляев сам активно проводил значительное количество исследований, активно разрабатывал теоретические вопросы органов расследования, особое внимание уделил процессуальной самостоятельности следователя, принципам деятельности следователя, его функциям.

Сферу научных интересов составляли вопросы предварительного расследования, развития науки уголовного процесса. В 1971 г. А.П. Гуляев защитил кандидатскую диссертацию «Процессуальные сроки на предварительном следствии и дознании в советском уголовном процессе», в 1988 г.

защитил докторскую диссертацию по теме «Совершенствование правового регулирования деятельности следователя». В рамках исследования особое внимание уделял проблемам предварительного следствия и дознания. Получил звание профессора. Основным направлением его исследований было совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов расследования. В 1990-х гг. профессор А.П. Гуляев принимал активное участие в разработке различных законопроектов, среди которых проект закона «Об основах государственной уголовно-правовой политики», проект УПК Российской Федерации и многие другие. Список его научных трудов включает более 500 работ [4]. Наиболее известная его работа – «Следователь в уголовном процессе» [1]. Особое внимание уделял процессуальным функциям следователя в уголовном процессе.

Вопрос о процессуальных функциях следователя является актуальным и в настоящее время. Уяснение процессуальных функций следователя имеет большое значение для совершенствования законодательной регламентации [1, с. 11].

Следует отметить, что процессуальные функции являются не только теоретической, но и правовой категорией [1, с. 9]. Каждый субъект уголовно-процессуальной деятельности выступает носителем конкретных функций. Функции участника процесса первичны по отношению к его процессуальному положению. Именно они непосредственно определяют правовое положение участника процесса. Процессуальные функции следователя являются связующим звеном между задачами и правовым положением участника процесса, они определяют его права и обязанности, конкретизируются в отдельных правовых институтах и нормах [1, с. 8, 10].

В научных трудах А.П. Гуляев, рассуждая над трудами предшественников-процессуалистов, указывал, что следователь – это не только исследователь, деятельность которого направлена на поиск истины. Являясь представителем власти, следователь не только исследует обстоятельства дела и выясняет истину, но и принимает меры для привлечения виновных к уголовной ответственности, реабилитации неосновательно обвиненных лиц, предупреждения и пресечения преступлений, возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, т.е. такие меры, которые никак не охватываются понятиями «исследование» и «выяснение» истины [1, с. 9].

А.П. Гуляев в своей работе сформулировал мысль о том, что следователь выполняет «функцию расследования».

По мнению А.П. Гуляева, по своему характеру деятельность следователя имеет особое значение в уголовном процессе, поскольку следователь выполняет многогранную работу [2, с. 9].

В научных трудах А.П. Гуляев указывал, что следователь часто получает доказательственную информацию, которую в момент получения нельзя определить, направлена она на изобличение либо на оправдание.

Лишь при оценке и сопоставлении с другими доказательствами можно решить, обвинительная она либо оправдательная [3, с. 12].

А.П. Гуляев указывал, что в стадии расследования нет такого проявления состязательности, какое имеет место в суде. Но это не значит, что состязательность полностью отсутствует в процессе расследования [3, с. 13].

По мнению А.П. Гуляева, расследование включает в себя институт защиты как неотъемлемую составную часть [1, с. 15]. Причем этот институт призван служить достижению задач, которые стоят и перед органами расследования: обеспечению правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности. В своих трудах А.П. Гуляев указывал, что защита не противостоит расследованию, а, напротив, предполагает его, причем независимо от того, по чьей инициативе – органа расследования, обвиняемого или защитника – производится проверка обоснованности обвинения и отказ от него [1, с. 16].

А.П. Гуляев отмечал, что следователь не осуществляет правосудие. Всякое разрешение уголовного дела не равнозначно осуществлению правосудия [1, с. 17]. Следователь не осуществляет воспитательную функцию, но имеет своей конечной целью способствовать воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения закона [1, с. 25].

А.П. Гуляев указывал, более полная система процессуальных функций следователя должна включать в себя такие, как рассмотрение заявлений и сообщений о преступлении; исследование обстоятельств дела; обвинение в совершении преступления; ограждение граждан от необоснованного обвинения в совершении преступления; обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и исполнения приговора в части конфискации имущества; пресечение преступлений и принятие мер к устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления; розыск обвиняемых, местонахождение которых неизвестно; разрешение уголовных дел [1, с. 23]. Только вышеуказанные процессуальные функции отражают всю суть и содержание деятельности следователя. Анализируя соотношение процессуальных функций следователя, А.П. Гуляев указывал, что основу деятельности следователя составляет функция исследования обстоятельств дела.

По мнению А.П. Гуляева, процессуальные функции следователя представляют собой взаимосвязанную систему. Эта связь проявляется в определенной обусловленности одних функций результатом реализации других, в одновременном осуществлении некоторых функций. Отказ в возбуждении уголовного дела – это отказ и от выполнения иных процессуальных функций. После возбуждения уголовного дела функция исследования обстоятельств дела осуществляется в обязательном порядке, даже если

реализация ее началась до возбуждения дела [1, с. 25]. Взаимосвязь процессуальных функций следователя проявляется также в том, что многие из них осуществляются параллельно, а иногда даже в одних и тех же формах.

Оценивая сегодня, в год юбилея, научные исследования доктора юридических наук, профессора А.П. Гуляева, мы должны признать его существенный вклад в развитие уголовного процессуального законодательства. Также актуальны его практические наработки и теоретические исследования.

1. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе: монография. М., 1981. 191 с.

2. Гуляев А.П. Процессуальные функции следователя: учеб. пособие. М., 1981. 61 с.

3. Гуляев А.П. Процессуальные сроки на предварительном следствии и дознании в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т МВД СССР. М., 1971. 18 с.

4. Ушел из жизни профессор А.П. Гуляев [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iaaj.net/node/2390> (дата обращения: 08.08.2024).

Сведения об авторе

Якубина Юлия Павловна. Кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орёл, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: преступление, уголовный процесс, процессуальные функции, следователь, состязательность, уголовное дело.

Сборник материалов

Международная научно-практическая конференция
(Орел, 11 октября 2024 г.)

**«СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ
ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ»**

*Памяти заслуженного юриста Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора А.П. Гуляева
в связи с 90-летием со дня рождения*

В двух частях
Часть 2

Подписано в печать 08.10.2024. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. – 16,19. Тираж 20 экз. Заказ № 894.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.